

Посвящается

*моей бабушке Зельде Шломовне Анцис,
моему папе Завелю Иосифовичу Муллеру,
моей маме Мирьям Лазаревне Анцис-Муллер,
а также всем детям «врагов народа»,
которых я знала, и тем,
с которыми не была знакома.*

Валентина Муллер

Валентина Муллер

**«СЧАСТЛИВОЕ
ДЕТСТВО...»**

*Записки дочери
«врагов народа»*

**Иерусалим
«Филобиблон»
2016**

«HAPPY CHILDHOOD...»

Note by daughter of «enemies of people»

(Jerusalem: «Philobiblon», 2016)

Редакторы: *Борис и Раиса Теплицкие*

Корректор: *Владимир Френкель*

Обложка и иллюстрации *Татьяны Шевченко*

Макет и верстка *Леонида Юниверга*

Эта книга – воспоминания о детстве, вернее, только о четырех годах (с лета 1937 по весну 1941 годов). Десятилетняя Валя и ее родители-евреи, искренне преданные делу Революции, были уверены, что живут в самой лучшей, самой счастливой стране в мире. Тем более полной катастрофой для семьи оказались аресты сначала отца (которого вскоре расстреляли), потом матери (арестованной как жена «изменника родины»), а потом и их дочери. Правда, родителей увезли в тюрьму, а Валю «всего лишь» в детский дом...

Книга написана «на одном дыхании», живо, образно, талантливо. Все события рассказаны от имени героини, десятилетней девочки. Самые трагичные эпизоды передаются через ее непосредственное восприятие, непонимание происходящего. Эта частная история невольно является свидетельством громадного размаха карательной машины СССР, так как перед нами проходят десятки детей и взрослых, попавших под ее жернова. Книга вновь заставляет задуматься об уроках советского тоталитаризма.

ISBN 978-965-7209-30-3

© Валентина Муллер, текст, 2016

Все права на текст и иллюстрации принадлежат Татьяне Шевченко.

(Тел: 052-4707082; liv.49.ia@gmail.com)

© Изд-во «Филобиблон», подготовка к печати, 2016

(E-mail: yuniverg@netvision.net.il)

Отпечатано в типографии «Ной» (Иерусалим)

Хороша страна моя родная...

Раннее утро, июль 1937 года. В санатории «Аркадия», под Одессой, я отдыхаю с мамой. Мы с ней живем в комнате с еще двумя женщинами. Мне скоро будет десять лет, и мне нравится проснуться рано утром, пока все спят, тихо выйти из комнаты, набросив на себя легкий сарафан, и побежать к морю. Вот и сейчас я босиком осторожно прохожу по коридору и вприпрыжку спускаюсь по большой красивой лестнице прямо на пляж, еще пустынный в это раннее время.

Все вокруг в розово-золотистом цвете. Небольшие волны плавно набегают на прибрежный песок и так же плавно соскальзывают, оставляя на нем темноватые мокрые кромки. Захожу в воду. Плавать я еще не умею, поэтому плещу руками по прохладной изумрудной глади, разбрасывая вокруг себя золотые брызги, и подпрыгиваю в волнах. Как красиво вокруг!

Из репродуктора громко несется мягким заворачивающим

басом: «Широка страна моя родная...» Какое счастье, что я живу в такой прекрасной стране! Какое счастье! – думаю я. Поплывавшись недалеко от берега, выхожу из воды, натягиваю цветастую одежду прямо на мокрое тело и бегу по белой лестнице вверх, к санаторию.

Выхожу тихонечко в нашу комнату, но там никого нет. Постели не застелены. Я встревожилась, так как подумала, что все обеспокоились моим отсутствием и пошли меня искать. Неприятно и странно – ведь я каждое утро уходила к морю купаться, но такого никогда не было...

Выхожу из комнаты и иду в большой красивый холл. Мама сидит в кресле за столиком и плачет, вокруг нее все наши знакомые с тревожными лицами. Меня заметили, расступились. Мама поворачивает ко мне опухшее от слез лицо:

– Валечка, быстро переоденься, мы уезжаем домой, – и протягивает телеграмму: «Выезжай немедленно ребенком тчк мама».

Это от бабушки из Мариуполя, догадываюсь я. Вдруг открывается наружная дверь, порывисто входит дядя Миша, муж маминой здешней знакомой, и протягивает маме билеты на поезд. Он уже успел съездить на вокзал:

– Я не отпустил извозчика, собирайтесь быстрее, он вас ждет. Скоро будет ваш поезд.

Где же ты, папа?

К вечеру мы уже были в Мариуполе. Подошли к нашему дому, дверь в квартиру оказалась не заперта. С тревогою вошли в прихожую. Из столовой навстречу нам выходит бабушка, растерянная и со слезами на глазах. Она всегда такая спокойная и собранная, а сейчас!.. Разводит руками, поворачивается и идет через столовую в папину-мамину комнату. За ней спешит мама. Я остаюся в столовой в испуге и в недоумении... Все, что можно сдвинуть с места, – сдвинуто. Все, что можно вынуть, – вынуто. Везде на полу лежат и стоят разные вещи и предметы. Буфет открыт, диван тоже, стол отодвинут в сторону, вся посуда на полу. Наша семейная посуда, белая с темно-синей каемкой... Я прохожу, переступая через вещи, в мою с бабушкой спальню. Там то же самое: постели на полу, дверцы шкафа распахнуты, вещи валяются. Возвращаюсь в столовую и вхожу в папину-мамину комнату. Там бабушка что-то тихо рассказывает маме. Я осматриваюсь. Наш высокий и широкий книжный шкаф открыт, книги – частью в стопках и россыпью на полу, частью раскиданы по полкам. Постель на полу.

– Что же случилось? Где папа? – в ответ молчание.

Потом, как-то неуверенно, мама говорит:

– Он потерялся, – и мимо меня быстро выходит из комнаты. Бабушка молча идет за ней.

Я сажусь в папино новое черное кресло, поджав под себя ноги. В голове какая-то каша. Что с папой? Если он где-то потерялся, то почему его искали в шкафах и в диване? Спрашивать бесполезно – все равно не скажут правду... Бабушка и мама так необычно и странно себя ведут – наверное, случилось что-то очень плохое...

Папа уже два месяца живет в Днепропетровске: его туда перевели на новую работу из города Красный Луч, где он был секретарем горкома партии. Красный Луч – маленький шахтерский городок, похожий на деревню. Там мы раньше жили большой семьей: папа, бабушка, я и младший папин брат, Сема. Мама в это время заканчивала учебу в харьковской Академии легкой промышленности и приезжала к нам только на каникулы и в выходные дни. Потом, после окончания учебы, маму направили в город Мариуполь директором швейной фабрики. Сначала она жила в общежитии, потом ей дали квартиру, и мы с бабушкой переехали в Мариуполь. Теперь уже папа приезжал к нам по выходным дням, так как Красный Луч от Мариуполя недалеко. Мама и папа мечтали жить вместе и все время писали куда-то письма с просьбой дать им работу в одном городе. Вот, наконец-то, папу перевели в Днепропетровск, и мама тоже ждала направления в этот город. Что же случилось опять? Куда делся папа? Этот вопрос все время в голове. Никуда от него не денешься.

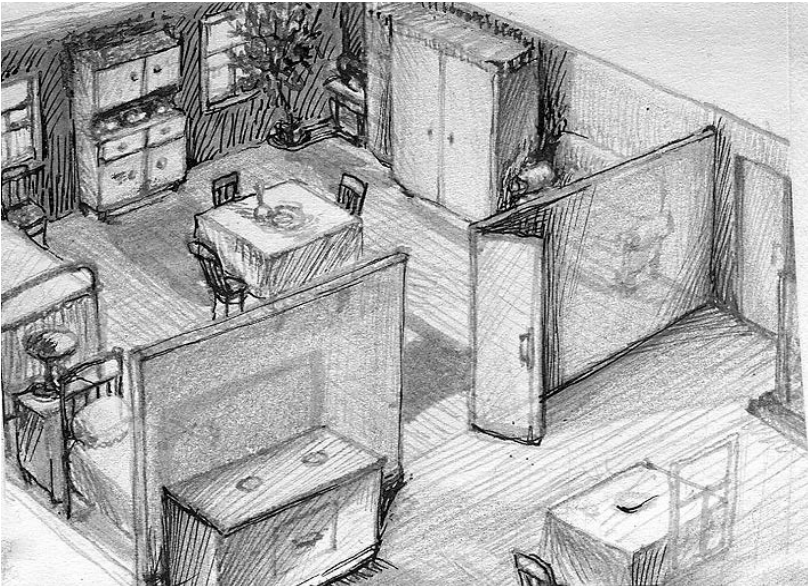
Я встала, прошла в кухню и спросила у бабушки:

– Папа приезжал сюда, когда мы были в Одессе?

– Да, приезжал, сменил белье, взял еще в запас чистое, сказал, что его вызвали в город Сталино, чтобы направить уже на постоянную работу. Ведь пока он замещает кого-то в горисполкоме Днепропетровска. Он уехал три дня тому назад.

Кончился этот ужасный день. Наступил новый. Кое-как разобрали вещи, но жизнь уже стала не та. У меня еще каникулы, поэтому с первого августа меня определили в городской пионерский лагерь. Он расположен в красивом парке на берегу моря. Это недалеко от центра города. Каждый день я туда хожу по главной улице имени Октябрьской Революции, хотя все местные жители называют ее «Большая». Примерно посередине пути к парку находится небольшая фотомастерская. Там мы с папой не так давно сфотографировались вдвоем в обнимку. Красивая вышла фотография. Ее повесили в окне фотомастерской в верхнем левом углу. Я, проходя мимо, всегда смотрела на нас с папой и думала: где же ты, папа?

А дома происходило что-то непонятное для меня. Маму куда-то часто вызывали по вечерам. Она возвращалась домой заплаканная и подавленная какая-то. Однажды вечером мама сказала:

– Валечка, я хочу, чтобы ты знала, что я уже не директор фабрики, а работаю простой швеей в отделении индивидуального пошива. (По-теперешнему – ателье.)

– Почему?

– Так надо...

Этот ответ меня не успокаивает, и в голове остается навязчивый вопрос: почему? В один из последующих дней у выхода из пионерского лагеря меня встретила моя бабушка и сказала, что с сегодняшнего дня мы все – мама, я и она, – живем в другой квартире. «Мы с мамой все уже перевезли, а сейчас с тобой пойдем в эту другую квартиру. Я тебя очень прошу не ходить больше в тот двор, где мы до этого жили, и пореже встречаться с детьми из этого двора и ничего им не рассказывать». Ну почему ни о чем не рассказывать, ведь я же сама ничего не знаю и не понимаю?!

Во время разговора к нам подошла пионервожатая Женя, молоденькая девушка со светлыми, подстриженными в скобку волосами и вздернутым носиком. Она и в школе была у нас пионервожатой. Обращаясь к бабушке, сказала:

– Валечка в последнее время так изменилась, что я ее просто не узнаю. Раньше она была озорная, веселая и общительная. А теперь какая-то тихая и серьезная. Выросла, наверное, повзрослела?

– Наверное, так, – не глядя ей в глаза, ответила бабушка.

Я аж съежилась вся: что происходит, почему ни на что нет ответа? Бабушка взяла меня за руку, и мы, грустные, пошли по новому адресу в какую-то новую жизнь.

«Новая» квартира находилась приблизительно в квартале от старой, но на другой улице. Она располагалась прямо над квадратной аркой. Внутри арки, в углублении справа, была деревянная лестница, которая вела к терраске. Из нее – вход в нашу и еще

в три квартиры. Чтобы попасть в нашу квартиру, надо было еще подняться на несколько ступеней. Квартира начиналась с кухни, длинной и полутемной. В противоположном от входа правом углу была печь. За ней шла дверь в комнату, довольно большую и посветлее, чем кухня, потому что оба ее окна выходили на улицу. Все помещение показалось мне мрачным и неуютным после нашей бывшей, небольшой, но уютной и светлой квартиры. Бабушка и мама уже перевезли все наши вещи и даже расставили их по местам.

Я осмотрелась.

– А где папин любимый радиоприемник, где его кресло и книжный шкаф?

– Их пришлось продать... – ответила мама.

– А книги? – Книги все целы, мы их сложили в ящики – вон там... – и показала рукой на маленькую лестничку в кухне слева от двери. Я поднялась по ней, открыла дверь и вошла в длинную узкую кладовку-пенал без окон. Там стояли рядом три больших ящика с книгами, накрытые фанерой, так что получалось довольно удобное ложе. Между стеной и ящиками был промежуток в полметра, и можно было пройти.

Началась жизнь в новой квартире. Мама рано утром уходила на работу. Я готовилась к новому учебному году. Сама уже покупала учебники и тетради, обертывала их аккуратно бумагой, к тетрадям приклеивала промокашки на ленточках. Но радости не было. Хотя бабушка и старалась как-то наладить быт, но тревога оставалась, так как для меня не было ответа на вопрос: где же папа? В конце августа у меня день рождения. Мне исполняется десять лет.

Раньше в этот день к нам всегда приходили гости – дети и взрослые. Мама и бабушка готовили вкусную праздничную еду. Папа приносил от всей семьи мне какой-нибудь очень интересный подарок. Он был мастером придумывать что-нибудь занимательное. В прошлом году он где-то раздобыл очень маленькую игрушечную швейную машинку, на которой можно было шить по-настоящему. Она была величиной с толстую, не самую большую книгу. Просто чудо какое-то!

Вообще папа очень любил всем делать подарки, и всегда они были неожиданные и веселые. А для него самого лучшим подарком были, конечно, книги. Он много читал и всегда мечтал об учебе, так как в детстве ему не пришлось окончить даже начальную школу из-за необходимости очень рано начать зарабатывать. Семья была большая, многодетная, а он – один из старших, и надо было помогать родителям. Из-за сильной близорукости он носил очки с толстыми стеклами, но фотографировался всегда без них. Но где же он сейчас, неужели день рождения пройдет без него?

Мама попросила меня никого не приглашать: «Посидим втроем, отметим скромно». Так и было. Подарили они мне с бабушкой матросский костюм, темно-синий, с юбочкой в складку. На большом матросском воротнике по углам были вышиты красивые якоря. Я его сразу надела на себя и подошла к зеркалу. На меня смотрела нарядная, но хмурая, коротко остриженная под мальчика, девочка. Подумалось, – какая я стала

странная. День рождения прошел печально и тихо.

Вот и первое сентября, я пошла в школу, в третий класс. Вроде ничего там не изменилось. Вот только учительница, Александра Иосифовна, прежде такая приветливая, не смотрит мне в глаза и почти не вызывает к доске. Однажды всем дали задание измерить длину своего шага, потом посчитать количество шагов от школы до дома и вычислить точное расстояние в метрах. Я очень старалась, все измерила, посчитала. Получилось 232 метра. Записала, аккуратно оформила и отдала листок учительнице. Та взяла его, посмотрела, улыбнулась: «Молодец, все хорошо и правильно сделала». На душе стало немного легче.

Днем позже на большой перемене ко мне подошла Женя, пионервожатая: «Валя, я тебе поручаю прочесть стихотворение о товарище Сталине. Ты его выучи, а завтра я проверю, как ты его читаешь, если хорошо получится, то будешь выступать. Одиннадцатого сентября во Дворце пионеров состоится торжественный вечер, посвященный началу нового учебного года». На следующий день в учительской несколько учителей и Женя слушали, смотрели и утверждали всех, кто должен был выступать на этом концерте. Среди нас были певцы, танцоры и чтецы. Меня утвердили, и я была очень рада.

И вот одиннадцатое сентября. Вечер должен начаться в пять часов. Нарядная, в новом матросском костюме, иду во Дворец пионеров, иду не одна – с мамой, держась за ее руку. У входа в это красивое здание мама сказала, что она подождет меня здесь, на скамейке. «Ты иди одна», – добавила она. Я очень удивилась и опечалилась. Но тут к нам подошла Женя и повела меня по лестнице за кулисы сцены. «Стой здесь и жди, пока объявят твой номер». Стою и выглядываю на сцену из-за какой-то шторки.

Сначала был доклад, потом стали вызывать «артистов» из всех школ города. Я стояла в большом напряжении и ждала, но меня все не вызывали и не вызывали. Вот вышли на сцену много

детей – хор, они исполнили несколько песен. Из зала доносились дружные аплодисменты. Потом какая-то важная тетя подошла к краю сцены, поздравила всех с началом нового учебного года и объявила, что концерт окончен. Подбежала ко мне растерянная Жень: «Ой, Валя, тебя, наверное, забыли вызвать!» У меня слезы сразу полились из глаз. Плача, спустилась по лестнице и вышла из дворца.

На скамейке сидела мама и с тревогой смотрела на двери дворца, ожидая меня.

– Мама, меня забыли вызвать читать стихотворение, я стояла за кулисами! А меня так и не вызвали!

– Ничего страшного не произошло, – тихо сказала она, – всякое бывает.

Мама взяла меня за руку, и мы пошли с ней по вечернему городу домой.

Было поздно, но бабушка еще не спала. Она приготовила нам ужин. Есть не хотелось, и мы к нему так и не притронулись. Мама стала ей тихо рассказывать о том, что произошло. Я была так расстроена, что быстро разделась, повесила мой матросский костюм на спинку стула, который стоял у моей кровати, легла, укрылась одеялом и вся в слезах заснула.

Арест. Детприемник в Мариуполе

Среди ночи яркий свет разбудил меня. Лампочка светила прямо в глаза, так как абажур мы еще не успели повесить. В нашей комнате, кроме мамы и бабушки, находились чужие люди. Недалеко от меня, у двери на стульях, сидели мужчина и женщина, наши соседи. Мы их видели во дворе, но познакомиться еще не успели. В центре комнаты расположился за столом какой-то военный и писал что-то в толстой тетради. Бабушка взволнованно разговаривала с другим военным. Мама, растерянная, с опущенными руками, стояла и молча глядела на раскрытые чемоданы, стоящие на полу. Я испугалась и крикнула: «Мама!» Все сразу повернулись ко мне, и я узнала в военном, что разговаривал с бабушкой, папу Юры Куницы. С Юрой мы были в одном отряде в городском лагере и очень сдружились. Этот военный подошел ко мне, погладил по голове и велел быстро одеться и собрать свой портфель.

– Зачем?

Никто не ответил.

– А что надевать?

– Вот это, доченька, и надевай, – кивнула мама на мой костюм.

– Как! Это же нарядное!

– Ничего, надевай.

Юрин папа настойчиво и тихо приказал маме складывать в чемоданы вещи отдельно для меня и отдельно для нее. Мама смотрела мимо него и ничего не делала. Тогда он сам стал запихивать в чемоданы то, что давала ему бабушка. Когда он положил в мой чем одан два маминих платья, шерстяное и шелковое, я сказала, что это не мое. «Пригодятся», – буркнул он и закрыл чемоданы.

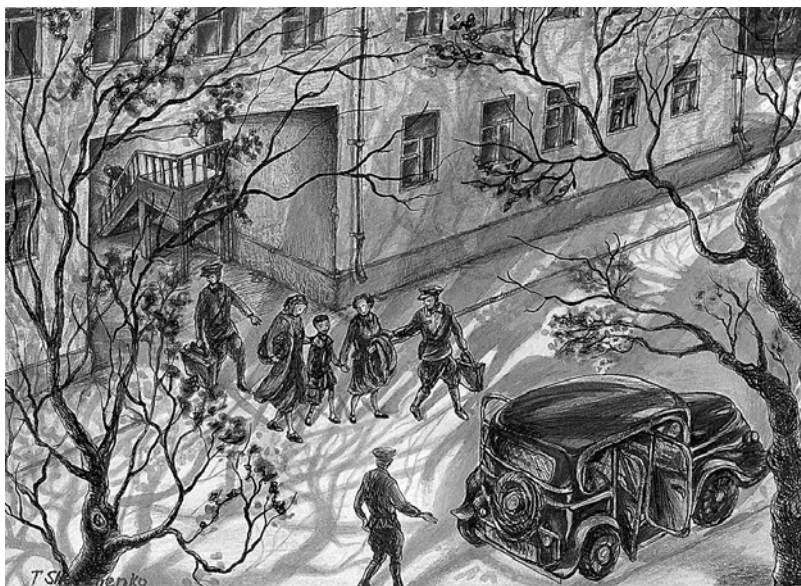
Портфель у меня и так был собран, что его собирать... Бабушка обратилась к Кунице решительно и громко: «Ну, уж если ребенка берете, берите и меня». Он

ей: «Хорошо, только собирайтесь очень быстро и тихо». Она с облегчением стала собирать свои вещи в узел. Соседей подзвали к столу и велели подписать какую-то бумагу. Они молча подписали и ушли. Мы все взяли свои вещи. Куница нес мой чемодан, а я взяла портфель, и вместе с военными мы вышли из комнаты. Второй военный опечатал дверь. Потом мы вышли из кухни, и он опечатал дверь в кухню, а потом и общую.

Спустились все по скрипучим ступеням, вышли из арки на улицу. Там стояла черная легковая машина. Бабушку и маму с их вещами посадили на заднее сиденье. Куница сел впереди, меня посадил к себе на колени. Мои чемодан и портфель приткнул рядом с дверью. Другой военный сел за руль. Зарычал мотор, и машина помчалась. Минуты через две резко остановились. Дверь рядом со мной распахнулась, чьи-то руки выхватили меня и мои вещи из машины, а она понеслась дальше. Мамин и бабушкин крики повисли в воздухе.

Я не успела ничего понять. Кто-то поставил меня в темном коридоре на пол рядом с моим портфелем и чемоданом. Открылась дверь в комнату, оттуда брызнул яркий свет и послышались какие-то непонятные звуки и всхлипывания. Какая-то женщина за руку ввела меня в комнату. «Устраивайся, где есть место, а вещи твои я отнесу в кладовку. Когда они тебе понадобятся, скажешь мне», – повернулась и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Я стояла растерянная – то ли это сон, то ли явь? То, что я увидела, поразило меня. Окон не было видно, так как тяжелые шторы скрывали их. Посредине очень большой комнаты стояли сдвинутые вплотную кровати, образуя одну огромную сплошную кровать. Вдоль всех стен оставался проход примерно с метр шириной. Вповалку на обоих рядах сидели и лежали девочки разного возраста, и все плакали. Мне стало совсем страшно.

Передо мной, на средней кровати, вцепившись ручонками в железную переднюю ее спинку, стояла малюсенькая девочка, не старше двух лет. Белокурая, заплаканная, повязанная крест-накрест легким белым пуховым платочком поверх байковой длинной розовой ночной рубашонки. Она всхлипывала и выдавливала из себя: «Мама, мама, мама...»

Из дальнего левого угла поднялась лохматая голова: «Валька! И ты здесь!» Я узнала Аллу Левину. Она была намного старше меня, училась уже в 8-м классе. Наши родители дружили семьями, и мы хорошо знали друг друга.

«Иди сюда, ко мне, здесь есть место!» Я понемногу прихотила в себя. «Потом», – ответила я ей и подошла к плачущей

крошке. Она была вся мокрая от слез. Ужас и жалость охватили меня: «Как тебя зовут?» На удивление четко ребенок произнес: «Валечка». – «Ой, и меня тоже так!» – удивилась я. Около нее можно было разместиться, и я влезла к ней через другие кровати. Девочка, не переставая звать маму, легла со мной рядом. Вылезла из своего угла Алла и, обойдя все кровати, встала перед нами, облокотившись на спинку нашей кровати. Даже сейчас, лохматая и заплаканная, она была красивой. Я спросила ее:

– Где мы?

– В детском приемнике НКВД, – как-то зло ответила она.

– А зачем нас сюда привезли?

– Мам наших арестовали, а нас запихнули сюда.

– Почему?

– Потому что наши мамы не донесли на наших пап, что они враги народа.

– Какие еще враги? – я привстала от ужаса. – Ты что мелешь?

– Где твой папа?

– Он потерялся.

– Что? Ты что, совсем дура? Его арестовали, потому что думают, что он враг народа. И всех наших пап арестовали за это. А сейчас и мам тоже. Ты что, не знала, что случилось с папой?

– Нет, я не знала, не знала! Мы с мамой отдыхали в Одессе, а папа работал в Днепропетровске! Нас бабушка телеграммой вызвала!

– А обыск был?

– Какой еще обыск? А-а-а, наверное, был!!! Потому что все было разбросано, когда мы приехали.

– И ты ничего не поняла?

– Нет.

– Вот дурочка, вот дурочка...

Алла повернулась и пошла на свое место. Валечка всхлипывала во сне, прижавшись ко мне. Но вот кто-то, расталкивая девочек, растерянных и заплаканных, полез прямо к нашему месту.

Я узнала Тасю. Мы с ней были в пионерском лагере вместе с Юрой Куницей.

– И ты здесь? А где Боренька?

Тася расплакалась.

– Он тоже здесь где-то. У меня его отняли. Он, наверное, плачет.

У нее был пятилетний братик. Их мама всегда приходила за Тасей в лагерь с ним. Дети очень любили друг друга, приятно было смотреть, как тепло они всегда встречались. Тася, круглолицая сероглазая девочка с русыми аккуратными косичками, была одного со мной возраста и училась тоже в третьем классе, но в другой школе. Их семья жила в одном доме с семьей Аллы, там же жили многие городские начальники. Тася сказала, что здесь много детей из их дома.

Уже светало. Сквозь щель между плотными шторами на окнах проникал тонкий лучик света. Вошла высокая худощавая женщина, раздернула шторы, выключила свет, который горел всю ночь. «Здравствуйте, дети, вставайте! Я проведу вас по очереди по пять человек в туалет и в умывальную комнату».

Тут проснулась Валечка, огляделась и залилась слезами: «Мама, мама, мама!» Она плакала до хрипоты и никому не давалась в руки. Просто ужас. Принесли ей горшочек, но она описалась прямо на кровать, рубашонка и все белье вокруг нее стало мокрым. Ее насильно умыли, переодели, сменили постельное белье, но ничего не могло малютку успокоить. Принесли манную кашу, но она ничего не брала в рот. Медсестра унесла ее в изолятор. Нам было страшно и невыносимо жаль несчастную девочку.

Все по очереди ходили в туалет и в умывалку. Одни выходят, другие заходят. Мы с Тасей вышли в большую светлую комнату, двумя широкими окнами выходящую на улицу. Рядом с нашей спальней находилась еще одна. Дверь была приоткрыта, и видны были такие же кровати, как и у нас. Это была комната для маль-

чиков. Тася заглянула туда и увидела заплаканного своего братишку. Громко позвала его. Боренька стремглав бросился к Тасе и, обхватив руками и ногами, повис на ней. Встретились и другие братья и сестры. Женщина-воспитатель смотрела на нас как-то виновато и не препятствовала встречам.

Все дети теперь перемещались свободно. Тася никуда Бореньку не отпускала, вместе ходили даже в туалет. Дети все были какие-то помятые и тревожные. Большая проходная комната служила также и столовой. Там стояли вплотную несколько длинных столов, накрытых клеенкой. Во всю длину сдвинутых столов, с

обеих их сторон, стояли узкие скамейки без спинок. Все вперемешку сели за стол. Двое дяденек принесли две большие кастрюли с кашей и поставили их на подставки на краю стола. Разнесли тарелки с нарезанным белым хлебом. Потом принесли стопки тарелок, накладывали в тарелки кашу, и дети передавали их на другой конец стола. Все мы были в страхе и неизвестности, поэтому ели вяло.

Спиной к окну, напротив нас с Тасей и Боренькой, сидела Алла. Она причесалась, умылась, но не было в ней обычной живости и веселости. Рядом с ней сидел высокий и широкий в плечах молодой человек. «Это Толя, он учится со мной в одном классе. Просто ростом большой, а ему тоже пятнадцать лет, как и мне», – представила его Алла. Остальные дети были младше, разного возраста, но таких маленьких, как Валечка, больше не было.

Толя поел, перелез через скамейку в проход, вынул из кармана блокнот и карандаш. Подходил к детям примерно моего возраста и старше, что-то спрашивал и записывал. Подошел и ко мне:

– У тебя есть в других городах родственники? Ты знаешь их имена, фамилии и адрес?

– У меня в Горловке и в Харькове живут тети, сестры моего папы. Имена и фамилии их я знаю, а адрес знаю только тети Лизы, она живет в Харькове.

– Скажи мне.

Я назвала имя, фамилию и адрес. Толя все записал и стал спрашивать Тасю, она ему тоже что-то сказала, и он записал. Подошел еще к нескольким детям. Мы все чувствовали себя какими-то несчастными и одинокими. Поэтому, на-

верное, смотрели на этого, как нам виделось, взрослого парня с доверием и надеждой. Он, окончив опрос, пошел к выходу из столовой, положив блокнот и карандаш в карман. Меня разбирало любопытство, и я пошла за ним. Куда он идет, что он хочет делать? Зачем ему наши адреса?..

Толя вышел на террасу, ступеньки которой выходили на две разные стороны. Одни вели в глубину двора, другие к воротам, отстоявшим метра на четыре от терраски. Такие грозные ночью черные ворота оказались обыкновенными деревянными, выкрашенными в темно-зеленый цвет. Они были закрыты сейчас изнутри на большой всяческий замок. В воротах была калитка с задвигнутой планкой. Около калитки стоял на посту мальчик лет двенадцати. Небольшого роста, тщедушный. На голове – надвинутая до глаз пилотка, сложенная из газеты. Лицо мальчика было все в веснушках. Я смотрела из дверного проема на Толю. Он спустился по ступенькам к воротам, что-то сказал «постовому». Тот отодвинул задвижку, открыл калитку, и Толя вышел на улицу.

Удивлению моему не было предела. Неужели убежал? Решила никому об этом не говорить, даже Тасе.

Нас всех привезли в одну ночь под выходной день. В приемнике, кроме нас, было всего лишь несколько сотрудников и три мальчика, которые жили в этом доме давно. Перед нашим сюда водворением, всех беспризорников (для которых и существовало это заведение) куда-то отправили. Остались лишь три мальчика, которые поочередно стояли на посту у калитки. Эти ребята здесь были уже своими и учились в школе, что была напротив детприемника. Мы все, привезенные ночью дети, были испуганы. Некоторые слонялись без дела, некоторые плакали.

К полудню появились двое энкаведешников, стали всех переписывать и... не обнаружили Толю. Откуда-то прибежали еще энкаведешники, спрашивали, кто его видел. Мальчик-постовой сказал, что какой-то молодой дядя велел открыть калитку, объяснил, что он из НКВД, и вышел. Что тут началось!

Нас всех заперли в комнатах. Мы слышали беготню и рычание собаки. Потом нас выпустили в туалеты, разрешили сидеть в столовой, но никуда наружу не выходить. Было жутко, все ждали, что будет дальше.

Ко мне подошла медсестра и попросила посидеть около Валечки. Ввела меня в маленькую комнату за умывальной. Там, в детской кроватке, лежала Валечка и тихо всхлипывала. «Ты посиди возле нее, мне надо ненадолго отлучиться». Я села на стул. Взяла ее ручонку в свою руку, она не вырвала ее, как утром, но и никаких чувств не выказывала. Я сидела возле нее и редела. Позже вошла медсестра и велела мне идти в столовую то ли обедать, то ли ужинать, так как все смешалось во времени.

С нами с краю стола, близко от входной двери, теперь сидел один из энкаведешников. Вдруг на терраске и во дворе все опять забегали. Открылась дверь в столовую, кто-то тихо сказал энкаведешнику: «Пришел». Потом опять все стихло. Все так устали за этот день, что как только добрались до своих кроватей, крепко уснули, уткнувшись друг в друга.

Утром следующего дня мы заметили, что воспитателей и obsługi детприемника стало намного больше. Наступил будничный день. Тася рано проснулась и хотела зайти в комнату мальчиков к Бореньке. Но там оказался какой-то мужчина-воспитатель и ее не пустил: «Оденется и выйдет к тебе сам». Минут через десять, действительно, к ней вышел заплаканный братик, полностью одетый и даже причесанный. Встречаться братья и сестры теперь могли только в столовой.

Все сидели на своих местах. Но Толи рядом с Аллой уже не было. Все молча ели кашу. С улицы через открытые окна донесся шум и детский гомон. Алла вдруг резко встала на скамейку, но окно начиналось выше. Она влезла на подоконник.

– Ой, в нашей школе большая перемена, много детей на улице. А в нашем классе у окна мои друзья!

Она стала громко звать их по именам. Дети в школе тоже стали что-то кричать. Детприемник был огражден высоким забором, но окна в школе и у нас были выше его. Поднялся шум. Учителя школы и наши воспитатели отогнали всех от окон. Крики, плач, все, что накопилось в нас за последние дни, вырвалось наружу. Взрослые закрыли окна и задернули шторы. Нам строго запретили подходить к окнам. Стало совсем жутко. К Валечке разрешали подходить по очереди одной из нас. Ей становилось все хуже. На личике и тельце появились какие-то пятна. Она редко открывала глаза. Лежала бледная и неподвижная. Очень было ее жалко. Толя не появлялся. Так прошел этот день.

На пятый день нашего пребывания в детприемнике, когда Алла вышла из нашей спальни, к ней подошел один мальчик и сказал, что появился Толя. Вечером его не было, а утром ребята с удивлением увидели еще одну кровать, стоявшую отдельно. На ней под одеялом лежал Толя, был он очень бледен. Видимо, ночью его тихо внесли, никого не разбудив. Алла углядела, когда их воспитатель куда-то ушел, и подошла к Толиной кровати. Он лежал с открытыми глазами.

– Где ты был? Куда ты убежал? Что сейчас с тобой?

Он заговорил очень тихо:

– Я нигуда не убежал, я спокойно вышел за ворота. Пацан рыжий подумал, что я из тех, кто привозил ночью детей, и выпустил меня. Я решил сообщить родственникам хоть некоторых детей о том, что с ними случилось. Я хотел, чтобы они их взяли к себе. Поэтому и пошел на почту. У меня было немного денег, на них я купил почтовые открытки, на оставшиеся деньги отправил три телеграммы своим родственникам. Заполнил открытки по остальным адресам и опустил их в ящик. В выходные дни почта работает, и народу там было много. Никто на меня внимания не обращал. Хорошо, что не было знакомых. Просидел я там до вечера и подождал, пока, по моим расчетам, всю почту должны были уже отправить. После этого вернулся сам в детприемник. Здесь, в воротах, меня схватили и поволокли в какой-то подвал. Ну все, уходи, а то придет этот... Потом расскажу...

Алла успела выйти до прихода воспитателя. За завтраком Толи не было, но к обеду он вышел и сел на свое место рядом с Аллой. Вечером он умудрился рассказать ей, что было дальше.

Его спросили, где он был, он все без утайки рассказал. Тогда принесли длинные мешки, в один его засунули ногами вперед и завязали над головой. Второй надели на голову и завязали за ногами. Стали чем-то очень больно бить. Он пытался кричать, но было тесно и нечем дышать. Вскоре он потерял сознание. очнулся через два дня уже здесь, в спальне. Ни одной ссадины на теле не было, для этого и засовывали в мешки. Но силы еще мало.

Алла передала этот рассказ только нам, мне и Гасе. Мы все трое были потрясены: как такое может быть в нашей стране?! Валечка, Толя... Что же дальше будет со всеми нами? Конечно, долго так не может продолжаться, все выяснится, и всех отпустят. Так мы думали.

На шестой день во дворе вдоль забора поставили столы, за которыми спиной к стене сели незнакомые тети и дяди. Привезли длинный предмет в чехле, который потом оказался ростомером. И много всяких папок и коробочек. Все это разложили по столам. После завтрака нас всех по алфавиту выстроили в очередь. Очередь начала двигаться от первого стола к последующему. За первым столом заполняли какую-то анкету, записывая наши ответы. Затем эту бумагу передавали дальше. Нам измеряли рост, объем головы, объем груди и длину ступни для того, чтобы точно определить размер одежды и обуви. Затем взвешивали. За одним из столов предлагали подписать отказ от родителей. Но особенно не настаивали. Я посмотрела на Толю, который шел на несколько человек позади меня. Он показал мне кулак, держа его у кармана брюк. Я поняла: «Не подписывай!» За следующим столом снимали отпечатки пальцев. Потом всех подстригали – мальчиков наголо, а девочек коротко. Тасе отрезали ее аккуратные красивые косички, и она заплакала. И, наконец, фото – анфас и в профиль.

За ужином все сидели усталые, подавленные и тихие.

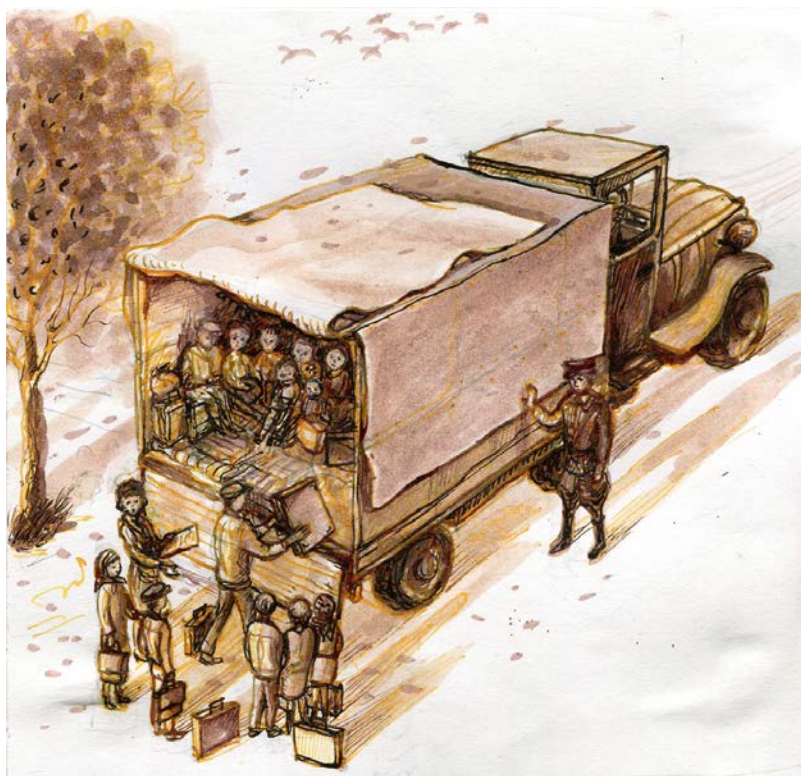
– Наверное, скоро будут куда-то отправлять, – сказал Толя.

Утром следующего дня ничего не происходило, но было ощущение чего-то необратимого и ужасного. После обеда я вышла на терраску, я там стояла одна и думала: что происходит, где мои папа и мама, где бабушка?..

В калитку позвонили, постовой ее открыл. Я глазам своим не поверила – во двор вошла моя бабушка!!! Это была она – высокая, худощавая, в знакомой косынке на голове, завязанной узлом у затылка. Прошла быстро мимо меня, лишь мельком бросив взгляд в мою сторону. «Бабушка, бабушка!» – закричала я, но она не обернулась, быстро прошла вглубь двора к зданию конторы и исчезла за дверью. Я не сводила глаз с этой двери, стояла, вцепившись в перила терраски. Бабушка очень скоро появилась снова и, не обращая никакого внимания на меня, прошла к воротам и вышла на улицу.

У меня потемнело в глазах, чьи-то руки подхватили и усадили на табурет, стали пихать мне в нос что-то резко пахнущее. Дети окружили меня. Алла сказала, что у меня галлюцинации на нервной почве, потому что никакой бабушки быть не могло. Но я-то знала, что это была она. Со временем, постепенно, и я стала думать, что мне появление бабушки только показалось.

На следующий день после завтрака нам выдали из кладовки наши чемоданы и портфели. Принесли дошкольникам по одной, а школьникам по две бумажки с отпечатанными на них именем, отчеством, фамилией, возрастом и в каком классе учимся. Принесли клей и кисточки. Всем школьникам велели наклеить бумажки на чемодан и портфель. Маленьким детям наклеивали бумажки воспитатели. Нас готовили к отъезду.

После обеда, ближе к вечеру, во двор въехали две грузовые машины. Дно в кузовах устелили матрасами. Когда стемнело, нас стали усаживать плотно на матрасы – лицом в противоположную от кабины сторону. Вывозили не всех детей: Алла, Толя и еще многие остались в детприемнике. В кабину нашей машины села медсестра с бесчувственной Валечкой на руках. Я оказалась в одной машине с Тасей и Боренькой. У кабин в кузовах устроились по одному энкаведешнику на каждой машине. Накрыли кузова сверху брезентом, закрепили его на бортах машины – так, чтобы не было видно, что везут. Машины выехали за ворота детприемника.

Детприемник в г. Сталино

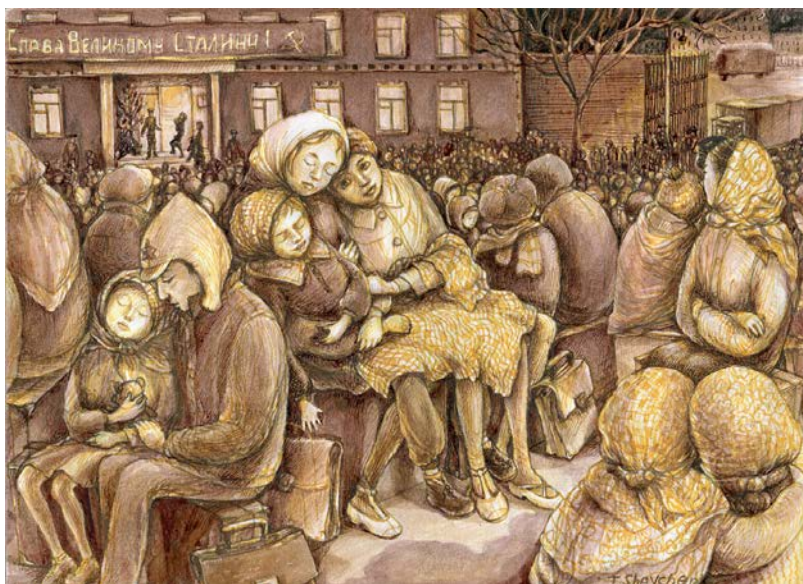
Поездка длилась более двух часов. Потом остановка совсем в темноте. Были слышны какие-то команды. Еще немного проехали. Послышался многоголосый шум. В щели между бортом и брезентом брызнул свет. Брезент сняли.

Нас вытаскивали из машин, так как наши ноги онемели, и сами мы встать не могли. Двор, куда мы, оказывается, въехали, ярко освещался прожекторами со всех сторон. Вокруг была высокая кирпичная стена. Широкие ворота распахнуты. В них то и дело въезжали, и из них выезжали машины. Мы с ужасом оглядывались. Весь очень большой двор был полон детьми, сидящими на узлах и чемоданах. Слышались детские крики и плач. Недалеко от нас в машины усаживали других детей. Некоторые из них крепко держались за руки, но их разнимали и сажали в кузова разных машин. Их испуганные глаза и отчаянные крики настолько испугали нас, что мы невольно сбились в кучу и застыли от ужаса. Наши сопровождающие быстро отвели нас подальше от ворот и указали, где располагаться – прямо на асфальте.

Валечку отнесли в красивое белое здание с колоннами и с белой широкой лестницей, расположенное в глубине двора справа от ворот.

Один из сопровождающих сказал, что мы находимся в городе Сталино (раньше он назывался Юзовка, потом Сталино, а теперь это Донецк) – столице Донбасса, в детприемнике-распределителе. Отсюда нас будут развозить по детдомам всего СССР. Мы с Тасей и Боренькой уселись на свои чемоданы, плотно сдвинув их между собой, и крепко схватились все за руки.

Вскоре нам принесли на тарелке бутерброды из мягкого белого хлеба, намазанного маслом, и чашки с какао. Я стала расспрашивать детей, сидевших рядом с нами и приехавших из других городов немного раньше нас. Они сказали, что сюда свозят со всего Донбасса детей врагов народа. Эти слова обжигали душу: не верили мы, что наши родители – враги народа. Не верили, и все тут. Эти дети сказали, что здесь долго не задерживаются, и самое страшное, что разъединяют всех братьев и сестер. Вот почему дети кричат и цепляются друг за друга. Тася испуганно и крепко прижала к себе Бореньку. Маленьких детей помещали в здание, то самое, куда унесли Валечку. К нам подошли мужчина и женщина и предложили Тасе отвести Бореньку в это здание и положить в кроватку. Тася, не выпуская братика из рук, закричала: «Нет, нет, мы будем вместе здесь сидеть!» Они повернулись и ушли.

Ночь была теплая и сухая, но все же подходил к концу сентябрь, и к утру становилось прохладнее. Мы открыли чемоданы

и надели на себя и на Бореньку вещи потеплее. Сдвинули опять чемоданы вплотную, сели так, чтобы братишка мог лечь между Тасей и мной. Тася крепко держала его руками за плечи. Так просидели мы всю ночь и весь следующий день до вечера. По очереди уходили по нужде. Еду нам разносили, и мы что-то жевали. Иногда – то я, то Тася – тоже засыпали.

Ко второй ночи наши силы были уже на исходе, очень хотелось лечь и уснуть. К нам опять подошли эти же люди и предложили всем троим пройти в помещение и лечь на одну кровать: «Ну что вы мучаетесь, там же удобно». Мы согласились. Легли на одну кровать, Бореньку положили между собой, обняв его, и крепко уснули. Проснулись, когда было уже совсем светло, – и с ужасом увидели, что Бори с нами нет. Тася залилась слезами: «Где мой братик?» Ей сказали, что его отправили в детдом для дошкольников, и что ей сообщат его адрес. Весь день Тася безутешно плакала, виня себя, что не уберегла братишку. Успокоить ее было невозможно.

Сама я тоже была в полном смятении и решила поискать Валечку. Увидела на одной двери красный крест и вошла в эту комнату. Там сидела то ли медсестра, то ли врач в белом халате.

– Ты заболела?

– Нет, я ишу маленькую девочку Валечку из Мариуполя.

Женщина печально на меня посмотрела:

– Она умерла прошедшей ночью.

Меня снова охватили страх и отчаяние. Я выскочила из этой комнаты. Вся в слезах вернулась к Тасе. Ну что я могла ей сказать... Она сама была в таком своем горе!

По громкоговорителю стали вызывать ребят по фамилиям и именам на отправление, с вещами. Вызвали и нас с Тасей. Хорошо хоть, что мы вместе попали. К нашей группе из семерых детей подошел молодой человек среднего роста типичной русской внешности и спортивного сложения. Он был в простой невоенной одежде. Назвался Иваном Ивановичем Ивановым и сказал, что отвезет нас в детский дом в Белоруссию.

В нашей группе только мы с Тасей оказались из Мариуполя. Всего собралось шесть групп по семь человек. Все из разных городов Донбасса. Подвели нас к грузовикам, посадили опять на матрасы по три группы в каждую машину. По два сопровождающих сели с нами в каждый кузов, и по одному – в кабины. Закрыли брезентом и повезли.

Снова дорога. Детдом

Ехали недолго, привезли нас на вокзал. Оказалось, что все шесть групп едут в одном поезде. Поезд хоть и местный, но полки как в спальных вагонах. Были в вагоне и обычные пассажиры, но наши сопровождающие не разрешали никому с нами разговаривать. На вопрос, что это за дети и куда их везут, они что-то тихо им отвечали, и люди уходили.

Мы очень удивились тому, что у всех сопровождающих были одинаковые имена, отчества и фамилии – Иван Иванович Иванов. Ехали часа два, потом – пересадка. Группы вышли из вагона и устроились в привокзальном скверике на скамейках. Здесь как-то соединились по две группы. Один И.И.И. бегал за едой и питьем, а другой оставался с обеими группами и глаз с нас не сводил. В туалет и то нас кто-нибудь из них сопровождал. Ночь просидели в скверике, а рано утром, когда подошел поезд, уехали две группы. А четыре, в том числе и наша, остались ждать другого поезда. Видимо, маршруты у всех были разные. У нашей группы было три пересадки. После третьей пересадки, уже глубокой ночью, мы сели в поезд, который шел до Смоленска. Мы все очень устали, поэтому, как только устроились на своих полках, сразу же заснули. Лишь утром следующего дня мы стали знакомиться друг с другом. Кроме меня и Таси, в группе была еще одна девочка, Лена, и четыре мальчика. А ехали мы в белорусский город Бельгий. Наш И.И.И. на последней остановке купил хлеб и колбасу, проводник принес чай, и мы позавтракали. Проводник предупредил, что на нашей остановке поезд стоит всего две минуты, поэтому надо подготовиться заранее.

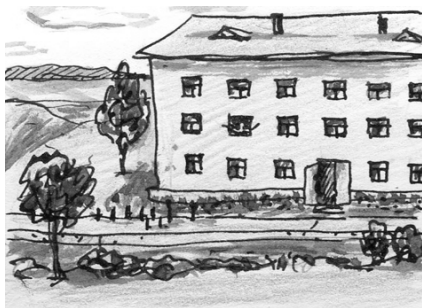
Еще засветло, но уже к вечеру И.И.И. велел собираться. Сам проверил наши вещи, подтащил их к выходу, а нас построил за вещами в очередь. Остановка. Проводник быстро открыл двери, И.И. спрыгнул вниз, так как никакой платформы не оказалось. Он одну за другой спускал вещи, передаваемые проводником. Затем

снял всех нас и поставил чуть подальше от рельсов. Поезд уехал. И.И. повел нас к видневшейся деревянной будке. Не было никакого города, никакой станции. Вокруг – лес, лес, лес... Но вот мы увидели, что от постройки к нам спешат двое – мужчина и женщина. Поодаль мы разглядели грузовую машину. Нас встречали!

Женщина, подойдя к нам, поздоровалась и представилась И.И.: «Вера Николаевна, воспитатель, временно заменяю заведующего детдомом, так как он болен. А это наш шофер». В машине-полutorке по бокам и у кабины были прибиты деревянные скамейки. Все влезли в кузов машины через задний откидной борт. Дети сели на скамейки у бортов, а И.И. и В.Н. у кабины. Вещи положили у ног. Поехали. И.И. вынул фонарик, так как быстро темнело, и, освещая листы бумаги, стал показывать Вере Николаевне наши документы. Потом воспитательница обратилась к нам: «Дети, вам очень повезло – вы попали в лучший детдом Белоруссии. Он построен недавно, в нем все новое и хорошее. Добро пожаловать к нам, мы вам очень рады!» Ее добрые слова нас несколько успокоили. И.И. сказал: «Держитесь крепче за скамейки, дорога проселочная, трясет!» Наши вещи переезжали по дну машины с места на место, и мы их удерживали ногами.

Вдоль дороги, с обеих ее сторон, стоял густой-густой лес. Заходящее солнце выхватывало случайно пробивающимися лучами то золотое, то красное, то желтое пятно на фоне белых стволов берез и темных высоких елей.

Примерно через полчаса въехали в селение сельского вида. «Вот мы и в городе Белом», – сказала Вера Николаевна. Машина остановилась возле трехэтажного белого дома с освещенными окнами. И.И. ловко перемахнул через борт и стал

снимать с машины нас и наши вещи.

Открытые окна дома были облеплены детьми. Они что-то дружно скандировали. Мы сначала не поняли, а потом с ужасом уловили: «Троцкисты! Троцкисты! Троцкисты!..» и поняли – так нас здесь приветствуют. Вера Николаевна громко крикнула: «А ну, замолчать! Немедленно замолчите!» Детей как ветром сдуло с подоконников.

Через широкие входные двери нас повели в дом. Мы поставили вещи в большом вестибюле и поднялись по небольшой лестнице выше. В дороге, в темноте, мы не разглядели Веру Николаевну. Сейчас увидели, что она уже немолода, лет сорока, в темном костюме и светлой блузке. Волосы покрыты шелковой косынкой, завязанной узлом у затылка. К нам подошли еще двое воспитателей – парень лет двадцати и полноватая тетя старше Веры Николаевны. Парень назвался Владимиром Петровичем, воспитателем мальчиков. А тетя – наша, девчоночья воспитательница – назвалась Натальей Федоровной. После знакомства нас повели мыться в душевые комнаты. Помывшись, мы вышли в предбанник, где на скамейке лежали стопки белья. Наталья Федоровна объяснила, что у каждой из нас на белье и одежде отпечатан свой номер, чтобы не путать. Все было новое: трусики, рубашки на бретельках, лифчики с резинками для чулок и чулки, платья и вафельные полотенца. На полу стояли коричневые мальчишковые ботинки, тоже новые.

Мы оделись и посмотрели на себя в большое зеркало, что висело на стене. На нас смотрели почти одинаковые три девочки. Коротко остриженные, в серо-голубых фланелевых платьях, длинных – на ладонь ниже колен. Отложные воротнички, поясочки, встречная складка спереди – все одинаковое. Отличались друг от друга только чертами лица, цветом глаз и волос. И еще мы заметили, что на наших платьях цветочки были разного цвета.

Нам сказали, чтобы мы наши домашние вещи отнесли в кладовую. После этого мы пошли в столовую. Все здешние дети уже давно поужинали, в столовой были только мы и мальчики, что приехали с нами, такие же аккуратные и одинаковые. Мы были очень усталыми и голодными, поэтому с аппетитом поужинали и пошли спать.

Нас, трех девочек, развели по разным спальням. В моей спальне все девочки уже давно спали. Я разделась и легла на ту кровать, которую мне указали, и сразу уснула.

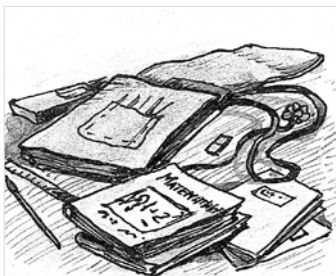
Утром меня разбудила Вера Николаевна. Я не сразу поняла, где нахожусь. Постепенно вспомнила, что я в детдоме, а это его заведующая. В комнате, кроме нас, никого не было. Все девочки давно уже встали и ушли в школу. Вера Николаевна сказала, что всех, кто вчера приехал, не стали будить, чтобы мы выспались.

– Завтрак вы проспали, но скоро уже обед. Вставай, иди умойся, оденься и спускайся в мой кабинет. В верхнем ящике твоей тумбочки лежат мыло, зубной порошок и щетка. Твои вещи зеленого цвета, а у твоей соседки все красное. У вас общая тумбочка. Полотенце на спинке кровати. Да, не забудь застелить свою постель, как у всех, – сказала она и вышла из комнаты.

Я оделась, взяла все мое зеленое и полотенце, пошла по коридору искать туалет и умывалку. Услышала голоса Таси и Лиды и пошла туда, откуда они слышались. Они уже умывались. Мы все были ужасно растерянными: неужели мы всегда будем тут жить и никогда больше не увидим наших родных?.. Тася и Лида были заплаканные. У Таси – Боренька, а у Лиды – старшая сестра неизвестно где.

После умывания все вместе мы пошли в кабинет В.Н. Она выдала нам учебники, тетради, карандаши, ручки и все, что нужно для учебы. И кроме

того, какие-то серые матерчатые сумки с длинными бретелями-ручками.

– А это что? – спросили мы удивленно хором.

– А это сумки, в которые вы сложите все, что я вам выдала, и будете с этим ходить в школу.

– Но у нас же есть наши портфели со всеми книгами и тетрадями!

– Нет, здесь у всех все одинаковое, все с этим ходят, и вы тоже будете так ходить.

Мы все это взяли и, удрученные, пошли каждая в свою комнату. А там уже появились девочки, пришедшие из школы. Они меня сразу окружили.

– Как тебя зовут? – спросила одна из них.

– Валя.

– А я – Нюся.

Передо мной стояла девочка с меня ростом, худенькая, бело-брысая. Живо смотрели яркие зеленовато-желтые глаза, а на маленьком носике были рассыпаны точки-веснушки.

– Ты, наверное, в третьем классе, здесь все в третьем. Я твоя соседка, у нас с тобой общая тумбочка.

– Про тумбочку я все знаю, мне уже рассказала Вера Николаевна.

– Завтра выходной день. А сегодня уборка перед выходным. Мы с тобой после обеда будем мыть пол в вестибюле.

Я испугалась, ведь пол я никогда не мыла и делать этого не умела.

Тут всех позвали обедать. В нашей комнате жили восемь девочек, и мы занимали два столика по четыре человека за каждым столом. Обед был сытный и вкусный.

Потом Нюся провела меня в комнату за душевыми, где стояли ведра и лежали стопкой тряпки. Там же, на вешалке, висели

темно-синие халатики. Я смотрела на Нюсю и делала то же самое, что и она. Мы сняли длинные платья и надели халатики.

– Нюся, я не умею мыть пол, научи меня! – взмолилась я.

– А что тут уметь? Смотри на меня и делай. Из одного ведра надо мыть, а из другого смывать и вытирать.

Мы взяли ведра с водой и пошли в вестибюль. Я окунула тряпку в ведро, вынула ее, вода растеклась вокруг, и я не знала, что делать. Ребята сразу заметили, что я не умею мыть пол, стояли вокруг и смеялись. Нюся тоже окунула тряпку в ведро, ловко ее отжала и замахнулась ею на ребят:

– Счас как врежу! А ну, убирайтесь отсюда, вы мешаєте нам мыть!

Ребята сразу разбежались.

– Смотри и делай, как я!

Она очень умело управлялась с этой работой. Я старалась делать так же, и постепенно у меня стало что-то получаться.

По окончании работы мы переоделись и умылись.

– Спасибо тебе, Нюся, в другой раз я уже лучше буду мыть!

– Спасибо не хлеб, сыт не будешь, – смеясь, сказала она, – давай, рассказывай мне за это сказки.

Мы уселись в вестибюле на деревянную скамейку со спинкой. Ни одна сказка не приходила мне в голову. И я стала наизусть читать ей «Муху-цокотуху». Удивлению ее не было предела:

– Это что, сказка?

– Да. Но только написана она стихами.

Нюсе очень понравилось, она, оказывается, первый раз ее слышала. Нас окружили девочки и мальчики, и я стала рассказывать

им наизусть все стихи, которые помнила с детства. Особенно их впечатлил «Доктор Айболит». Ребята слушали, смеялись, удивлялись. Так сидели мы до вечера, потом поужинали и пошли спать. Утром, в выходной день, все опять собрались после завтрака в вестибюле и опять просили рассказывать им сказки.

Они очень много знали про Щорса, Чапаева, Павлика Морозова, про детство Володи Ульянова, и еще многое другое. Но стихов Чуковского, Маршака, рассказы Бориса Житкова и приключения барона Мюнхаузена они не знали вовсе. Почти все эти дети с раннего возраста жили в разных приютах. Многие из них, и Нюся в том числе, родителей своих не помнили совсем. Их привезли в этот детский дом, когда его построили. Жизнью своей в этом детдоме они были очень довольны. Нюся рассказывала, что в прежнем приюте было голодно, грязно, все дрались и ругались, а здесь хорошо:

– У нас очень хороший зав. Сейчас его нет, он заболел, лежит в больнице в Минске. Ему сделали какую-то операцию, и он еще долго там пробудет. Он часто звонит, и ему обо всем, что у нас случается, рассказывают. А пока его замещает Вера Николаевна. Здесь такие как вы, троцкисты, еще есть, но они старше, их трое. Говорят, что скоро привезут еще.

– Какие еще троцкисты? Что вы все болтаете? Никакие мы не троцкисты!!

– Ну, я не знаю, все так говорят... Да вон они идут, эти трое. К нам подходили трое больших мальчиков лет по пятнадцати.

– Ты позавчера приехала?

– Да...

– Откуда?

– Я и Тася – из Мариуполя, а все остальные – из других городов Донбасса.

Они сели на соседнюю скамейку и подозвали меня:

– Иди садись, расскажи, как у вас все было.

Я пересела на их скамейку.

- Сколько вас приехало?
- Семь.
- Все такого возраста, как ты?
- Одна в четвертом, один во втором, а все остальные в третьем классе.

– Малыши! А мы уже в восьмом. Нас сюда по ошибке привезли из Киева. Здесь школа-семилетка, и детдом только до седьмого класса. Нас, наверное, отсюда куда-нибудь увезут.

Вдруг вошла взволнованная Вера Николаевна:

– Валя, пойдем со мной! – повернулась и пошла в кабинет зава. Я следом. – Вот пришла телеграмма, читай: *«Не отправляйте Валентину Муллер дальше тчк освобождена еду брать Вало тчк Анцис»*.

Вера Николаевна недоуменно обратилась ко мне:

– От кого это?

– Это от мамы, от мамы!!

– А почему фамилия другая?

– У меня двойная фамилия: Муллер-Анцис, так меня записали. Муллер – фамилия папы, а Анцис – мамы!

– Чудеса какие-то, – сказала Вера Николаевна, выдвинула один ящик стоящего рядом шкафчика, нашла какую-то папку и вынула нужную бумагу. – Да, действительно, двойная фамилия... Ну, жди маму, счастливица! – и машинально протянула мне телеграмму.

Я схватила телеграмму и стремглав бросилась в вестибюль, плача и смеясь одновременно. Я показала телеграмму детям. Трое больших мальчишек с жадностью стали читать ее, вырывая из рук друг у друга.

– Вот, началось освобождение! – возбужденно сказал один.

– Я говорил, я говорил!! – перебивал его другой.

Я выхватила у них телеграмму и побежала искать Тасю. Меня догнала Вера Николаевна и забрала этот драгоценный листок бумаги:

– Знаешь, я лучше ее у себя оставлю. Прочла, и ладно. Телеграмма-то на адрес детдома, значит, для администрации.

Тасе я просто все рассказала, мы посидели, поплакали. Она, бедная, вчера ходила к Вере Николаевне, просила узнать, где бра-тишка. Вера Николаевна обещала узнать.

На следующий день все вновь прибывшие вместе с остальными ребятами пошли в школу. Но я уже не беспокоилась о том, что будет дальше, ведь за мной едет мама! Школа и люди вокруг меня уже мало интересовали, так как теперь я считала все это временным для себя.

Белое трехэтажное здание школы находилось метрах в ста от детдома, но я успела осмотреться вокруг. Местность была чудесная. Вокруг густой лес в осеннем разноцветье. С одной стороны блестела река за пригорком, на котором расположился городок. Школа и детдом были самыми высокими зданиями, остальные дома – деревянные, намного ниже школы. Наш класс находился на втором этаже. Детей в классе было намного меньше, чем в мариупольской школе. Учительница была спокойная и приветливая. Но меня здесь уже вроде бы и не было, так что я особенно не старалась учиться.

На большой перемене домашние дети вынимали бутерброды из серого хлеба, намазанного повидлом. Есть нам не так уж и хотелось, так как завтрак в детдоме был сытный – два куска белого свежего хлеба с маслом и два стакана какао. Не все из нас могли это доесть. Но как бы заманчиво было на перемене вынуть из сумки что-то свое и пожевать как все. Но у нас с собой ничего не было...

На следующее утро мы с Тасей решили по одному бутерброду с маслом взять с собой в школу, так как одного на завтрак нам вполне хватало. Мы сложили куски пополам и завернули в припасенную бумагу. На большой перемене мы вынули это богатство. Тася сообразила угостить половинкой бутерброда свою соседку. А

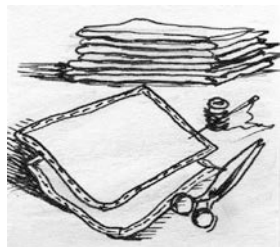
та отдала ей половину своего серого хлеба с повидлом. Я тут же поделилась со своей соседкой и получила желанный домашний серый хлеб. Мы все остались довольны.

На другое утро наша молодая повариха заметила, что мы заворачиваем по куску хлеба в бумагу и хотим унести. Она ужасно раскричалась и расплакалась: «Я же всю душу вкладываю, чтобы они были вкусно накормлены, а они меня позорят, таскают куски, как голодные!» Получился скандал, и на шум пришла Вера Николаевна. Та сразу все поняла и объяснила поварихе. С этих пор нам стали давать с собой в школу пирожки или бутерброды, чтобы мы могли перекусить на перемене, как домашние дети.

Скоро праздник Октября, 20 лет со дня революции! Все уже готовятся. Я раньше всегда стенгазеты оформляла ко всем праздникам, так как очень люблю рисовать. Но здесь я даже никому не говорю об этом. Ничего не хочется делать. Жду маму, а она все не едет и не едет...

Я делаю все машинально – хожу в школу, делаю уроки, выполняю необходимую работу по детдому. У меня появилась определенная обязанность – подшивать платочки, потому что я умею шить на ножной машинке «Зингер», точно такой же, какая была у нас дома. К рукоделию меня дома приучили, так как все дома у нас умели шить и вышивать. Но есть какие-то мелочи, которые мешают мне спокойно ждать мою маму. Это серая сумка для книг, которую мы носим через плечо. Она напоминает мне сумки нищих, куда они собирают куски хлеба и остатки еды. При выходе из детдома в школу я тайком запихиваю ее под порог, а книги и тетради засовываю под пояс платья и прячу под пальто. Ручку и карандаши кладу в карман.

Еще меня очень смущает длина платья: я не привыкла к таким длинным. Мне не нравится, что мы, все девочки, выглядим одинаково. И вот однажды,

выполнив задание по подшивке платочков, я взяла на полочке катушку серых ниток и иголку. Пошла в спальню, сняла с себя платье, подвернула подол на ладонь и пришила так, чтобы снаружи стежков не было видно. Снова оделась. Платье стало не таким уж и коротким, хотя и до колен. Мне было в нем удобнее, чем раньше, и настроение стало лучше. Мне казалось, что внешне ничего особенно не изменилось. Но когда я вошла в вестибюль, где в это время было много детей и оба воспитателя, все сразу обратили внимание, что мое платье намного короче, чем у других девочек. Наталья Федоровна резко встала со скамьи, подошла ко мне, завернула подол платья и ловко распоролла все мое рукоделие: «Ходи как все!» Я расплакалась, мне стало обидно и стыдно. Однажды, когда мы с Тасей возвращались из школы, к нам подошли две местные женщины с ведрами в руках. Одеты они были в толстые суконные пальто ниже колен, повязаны шерстяными вязаными платками, а на ногах толстые, тоже вязанные и тоже шерстяные, носки с надетыми на них галошами. Так здесь одевались почти все женщины. Одна из них как-то весело сказала:

– Задирайте подолы!

– Что? – испугались мы.

– Подымайте, подымайте! Мы в них гостинцев накладем!

И стали сыпать в подолы наших длинных платьев, которые

мы испуганно приподняли, яблоки и орехи. У нас сразу навернулись слезы на глаза: «Спасибо! Спасибо!!» Нервы у нас были натянуты до предела. У Таси – потому что она ничего не знала о Бореньке, и узнать было негде. А у меня – потому что все не ехала мама, и казалось, что это такой же мираж, как тогда, в детприемнике, – появление бабушки.

Наконец в конце ноября меня вызвала к себе Вера Николаевна и сообщила, что меня ждут в Смоленске.

– Почему в Смоленске, и кто ждет?

Она пожала плечами:

– Наверное, мама, но почему там, я не знаю. Мне позвонили из Смоленского ГОРОНО и сказали, что все документы, необходимые для твоей отправки, находятся у них. Они просят отправить тебя туда, но обязательно сообщить номер поезда и вагона. Тебя там встретят. Но одну тебя я не могу отпустить, поэтому придется подождать, пока я найду попутчика.

Радости моей не было предела, и я стала более терпеливой.

Только через неделю мне сказали: «Завтра в Смоленск едет одна учительница из школы, ее там будет встречать муж-военный. Вот с ней и поедешь. Иди в кладовую и приготовь свои вещи на завтра». Там мне выдали портфель, мой чемодан и еще теплые шерстяные носки и просторные мальчишковые ботинки, чтобы я не замерзла в дороге, так как было уже холодно. Я открыла свой чемодан, вынула все свои домашние вещи – зимнее пальто, зимнюю шапку, шарф и все, что я завтра буду надевать. С удивлением обнаружила, что среди вещей нет маминых платьев, которые сунул мне в чемодан Куница при аресте. Я об этом сказала кастелянше, она ужасно возмутилась: «Не морочь мне голову, откуда у тебя в чемодане могут оказаться взрослые вещи!» Я молча сложила остальные вещи обратно в чемодан и вместе с чемоданом и портфелем ушла в свою комнату.

Утром я попрощалась со всеми, особенно тепло с Нюсей и Та-

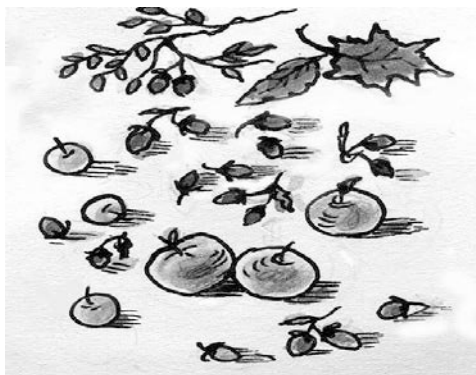

сей. Я знала, что уеду днем, когда они еще не придут из школы. После завтрака Вера Николаевна показала мне запечатанный конверт со всеми моими документами, сама положила его в мой портфель и велела отдать его маме.

Часов в 11 утра я и Вера Николаевна с

моими вещами вышли на крыльцо детдома. У крыльца стояли розвальни. Все вокруг было бело, так как ночью выпал обильный снег. Конь фыркал. В розвальнях сидела молодая женщина с грудным ребенком на руках. Она вместе с ребенком была укутана в теплый тулуп. Впереди сидел возчик – дед в полушубке, треухе и в валенках. Вера Николаевна обняла меня, поцеловала и пожелала счастливого пути. Возчик сказал: «Ух, поедем по первому снегу, напрямки по лесу!» Учительница недовольно сказала мне: «Вот, навязали мне тебя, что я буду с тобой делать, если тебя никто не встретит?» Я всю дорогу молчала и думала: встретят, не встретят, и что тогда делать...

Ехали лесом около трех часов. Потом выгрузились на знакомом уже мне полустанке. Билеты были заранее куплены в городе Белом, и эта женщина хранила их у себя. Мы немного подождали, подошел поезд, и дед помог нам войти в вагон с вещами. Вагон был полон, но места для нас нашлись.

Долгожданная встреча с бабушкой

К Смоленску подъехали уже вечером. Снега в Смоленске не было. Ярко освещенный перрон был пуст, только мою попутчицу встречал молодой военный. Все остальные встречающие теснились за загородкой возле вокзала. Их к поезду почему-то не подпускали. Пассажиры выходили из вагонов и тащились с вещами к нетерпеливой толпе встречающих. Военный помог спуститься жене с ребенком, снял меня и все наши вещи. Потом поцеловал жену и ребенка, подхватил все их вещи и мой чемодан. Портфель я несла сама, и мы вместе пошли к загородке.

Я искала глазами в толпе круглую небольшую фигурку мамы, какой она мне запомнилась. Вдруг я увидела яркий, коричнево-красно-оранжевый платок с турецким орнаментом на голове у высокой женщины. Точно такой был у моей бабушки! Да это она и есть!!! «Бабушка! Бабушка!!» Мы бросились друг к другу все в слезах. Военный поставил около нас мой чемодан, женщина протянула бабушке какую-то бумажку и попросила ее расписаться, что меня к ней доставили в целости и сохранности. Бабушка положила листок на перила загородки и старательно расписалась. Потом поблагодарила этих людей, взяла мой чемодан, и мы вдвоем побрели к вокзалу.

Сели там на скамейку, обнимаясь и плача.

– А где же мама?

– Мама в ДОПРе, – так бабушка всегда называла тюрьму.

Я посмотрела на нее со страхом и удивлением:

– А что, разве маму не освободили?.. – я заплакала.

– Нет, деточка, сейчас я тебе все расскажу...

И бабушка начала свой рассказ:

– Когда тебя выхватили из машины, мы с мамой кричали и толкали Куницу в спину, но он сидел и молчал, хоть бы что. Нас ввезли в ворота, потом с вещами в здание тюрьмы, куда-то повели по коридору и запихнули с вещами в камеру. Там было полным-полно женщин. Все ужасно плакали. Оказались там и знакомые. На нарах мест уже не было. Да и на полу было тесно. Самое удивительное, что когда мы увидели такое множество таких же несчастных, как и мы, нам стало легче почему-то...

– Бабушка, у меня так же было – я сначала совсем испугалась, а когда увидела так много девочек, и даже знакомых, мне чуть-чуть стало не так страшно!..

Бабушка продолжила свой рассказ:

– Так продолжалось пять дней. Еду нам подавали через окошко, мы все время были в камере, нас никуда не выводили. Только некоторых на допрос... На пятый день меня вызвали: «Анцис-мать, с вещами к выходу!» Ничего не объясняя, молча, посадили в машину и привезли домой. Сняли с наружных дверей и с кухни печати и сказали, что я освобождена. Отдали мне все документы, кроме партбилета, и еще четыреста рублей из конфискованных у нас денег при аресте. Я подумала, что меня исключили из партии, и ничего не сказала. Потом мне открыли дверь в комнату, объявили, что жить я буду только в кухне, а в комнату вселят других жильцов. Вынесли для меня из комнаты кровать, постельное белье и кое-какие мои личные вещи. Я буквально выпросила у них швейную машинку «Зингер», так как это было мое приданое. Поколебавшись, они разрешили и даже помогли ее перенести в кухню. Сказали, что все вещи будут конфискованы, а мне приказали жить тихо. Запечатали снова дверь в комнату и ушли.

– Но утром я пошла в НКВД к Кунице просить, чтобы тебя вернули мне. Он послал меня в ГОРОНО, оттуда меня опять направили в НКВД, но уже в отдел опеки. К концу второго дня я добыла разрешение взять тебя на опекунство, но с условием, что

сама буду обеспечивать тебя всем необходимым. В пособии на тебя мне сразу же отказали. Вот тогда-то, на следующий день, я и пошла за тобой в детприемник...

И после этих бабушкиных слов я расплакалась:

– Так это на самом деле была ты?

– Ну конечно я, – ответила бабушка.

– Почему же ты не подошла ко мне и ничего не сказала?

– Мне же, Валечка, настрого запретили это делать, только при таком условии мне разрешили придти за тобой.

– А почему же ты тогда не взяла меня домой?

– Мне сказали, что нужно оформить еще один документ, и чтобы я пришла с ним через три дня. Когда я второй раз проходила мимо тебя, у меня хватило сил не посмотреть в твою сторону, но когда я вышла за ворота, то уже ничего не могла с собой поделывать и, рыдая, кое-как добралась до дому...

– А я так сознание даже потеряла, меня усадили на табуретку и стали что-то вонючее совать в нос. Все – и воспитатели, и дети – говорили, что я обзналась, что мне почудилось, и что этого не может быть. Ой, что было!!!

Бабушка, вытирая слезы, продолжила:

– На следующий день я бегала и оформляла какую-то пустяшную бумагу, все сделала и, как велели, пришла за тобой. Но мне объявили, что вчера тебя отправили в другой детдом. Куда – они не знали. Не помню, как добралась домой. Утром следующего дня опять побежала к Кунице, потом в НАРОБРАЗ, потом опять в НКВД, узнала, что ты в Сталино, узнала адрес детприемника, переоформила документы на тебя, и поехала за тобой уже туда. Как же пригодились мне эти четыреста рублей, что мне вернули.

– Приехала в Сталино, нашла детприемник, меня туда не пустили, а отправили в домик у ворот. Там полистали списки и объявили, что тебя днем раньше увезли, и сказали, что куда – не знают. Пошла в тамошний Отдел НАРОБРАЗа. Посылали то в одну дверь, то в другую. Наконец, одна женщина посоветовала

обратиться в Отдел распределения детей по детдомам. Там по спискам отыскали, что тебя увезли в белорусский детдом, в город Белый. Дали адрес и даже маршрут, как туда ехать с тремя пересадками.

– Ой, мы тоже ехали с тремя пересадками!!

Бабушка продолжала:

– Меня предупредили, что надо вновь переоформить все документы в городе Мариуполе. У меня уже не было никаких сил что-либо делать, да и надежды почти никакой не осталось. Но я все же зашла на почту и отправила телеграмму в детдом в город Белый, чтобы тебя не отправляли дальше. Я нарочно не написала, что я бабушка, а подписалась просто Анцис.

– А я и все подумали, что это от мамы, что ее освободили!

– Да я специально так подписалась, ведь у нас с мамой фамилии одинаковые. Еле дотащилась я до вокзала, но последний поезд на Мариуполь уже ушел. Страшно было одной оставаться ночью в полупустом вокзале. Что делать? И тут вспомнила, что очень близко от вокзала жили хорошие давние друзья твоих мамы и папы. Мы ведь год жили в Сталино, они приходили к нам в гости, и мы бывали у них. Я хорошо запомнила их дом и квартиру, но имена и фамилии забыла. Да и было это несколько лет тому назад. Но все же решила попытаться их найти, хотя меня и брали сомнения. Там ли еще живут, как-то они меня теперь встретят, ведь, наверное, знают о нашем несчастье? Да и как у них у самих сейчас? Но решилась.

– Отыскала дом и квартиру и нажала кнопку звонка. Открыли, узнали и радушно встретили. Они уже все знали от общих знакомых. Меня накормили, стали успокаивать и уложили спать на диван в столовой. Какие же хорошие люди! Утром рано отходил первый поезд на Мариуполь. Они проводили меня до вокзала, сами купили для меня билет и уговорили взять у них сто рублей. Дорога ведь предстояла мне дальняя. У меня от этой встречи сил прибавилось.

– В Мариуполе опять стала хлопотать о разрешении взять тебя теперь уже из города Белого. Волокитились больше месяца. Я все ходила то в НКВД, то в НАРОБРАЗ. Наконец, все сделали и дали бумагу-разрешение, адрес и тот же маршрут с тремя пересадками. Между всякой беготней я зарабатывала на дорогу тем, что стегала бурки и ватники по заказам. Это был ходовой товар, и делать это я умею. И вот я поехала за тобой.

– А зачем же ты поехала в Смоленск?

– Я поехала не в Смоленск, а по тому пути, что мне написали. Когда уже подъезжала к нужной станции, проводник, пожилой, может, чуть моложе меня, но крепкий еще мужчина, спросил, встречают ли меня. Я ответила, что знают, что еду в детдом за ребенком, но что именно в этом поезде, не знают. Так что встречать меня некому, да я и сама доберусь. На что он сказал: «Ой ли?! На этой остановке вокзала нет, только холодная будка. А до города далеко – лесом. Если кого-нибудь встречают, то я вас высажу, а если нет, то это опасно. Вы ночью замерзнете или вас съедят волки». – «Ну уж как-нибудь доберусь», – ответила я.

– Стали подъезжать, проводник взял мой чемодан и поставил возле себя. Поезд остановился, он открыл дверь, посмотрел наружу: «Нет ни подвод, ни машин, никого. Я не имею никакого человеческого права вас здесь посадить». Я резко прошла вперед и прыгнула куда-то вниз, так как платформы не оказалось. Протянула руку за чемоданом, но он вдруг схватил мою руку повыше локтя обеими своими сильными руками и буквально втащил обратно в вагон. Быстро закрыл дверь на ключ и закричал на меня: «Ты что, совсем сдурела? А я потом за тебя отвечать должен? Поедешь до Смоленска, там разберешься как дальше быть». – «У меня же билет кончился!» – «Не нужен мне твой билет!» Я заплакалась от досады и страха. К тому же сильно болела рука. Пошла на свое место, волоча за собой чемодан. На меня все смотрели кто с состраданием, кто с упреком, но мне было все равно.

– Опять ничего не получается, что делать дальше? Немного успокоившись, подумала, что проводник правильно сделал, что не выпустил меня. Подошла к нему и поблагодарила. «Вот так-

то, а то крик, слезы!» – сказал он. Потом принес мне чай. Когда подъезжали к Смоленску, я опять извинилась и поблагодарила его.

– Вот, Валечка, почему я оказалась здесь, в Смоленске. В городе сдала чемодан в камеру хранения и переночевала на вокзале, на лавке. Утром пошла в НАРОБРАЗ, куда же еще? Несколько дней уговаривала разных началь-

ниц и секретарш выслушать меня и связаться с детдомом по телефону. Все дело в том, что Смоленск в РСФСР, а детдом в Белоруссии, хоть они и расположены близко. Посылали меня в Минск, столицу Белоруссии, но у меня не осталось уже ни сил, ни денег. Наконец, одна женщина, видимо, из каких-то начальниц, сжалилась надо мной. Просмотрела все мои бумаги, удостоверилась, что там все правильно, позвонила в детдом, и все стало налаживаться. Эта милая женщина спросила даже, где я остановилась. «Да нигде, ночую на вокзале». Она посоветовала пройти в дом приезжих на том же вокзале и сказала, что там все дешево. Она дала мне свой номер телефона и велела два раза в день звонить ей из почты на вокзале. Через неделю сказала, когда я тебя должна встречать и сообщила номер поезда и вагона. Вот мы с тобой и встретились, деточка...

И тут мы обе снова заплакали. Потом отнесли чемодан в камеру хранения, пошли в дом приезжих и поужинали там в столовой.

У бабушки кончались деньги, и мы решили спать на одной кровати, да и не хотели расставаться ни на минуту. Билеты она уже взяла раньше прямо до Мариуполя. Оказывается, есть такой вагон до Сталино, который прицепляют от одного поезда к другому на промежуточных станциях. Ехать придется около двух суток, но зато не пересаживаясь. В Сталино только там пересядем на другой поезд.

Утром мы сели в свой поезд. В купе, где мы разместились, кроме нас, никого не было. Чемоданы сложили под нижнюю полку, бабушка расположилась на ней, а я на верхней. Потом мы сели, обнявшись, и стали завтракать припасенными бабушкой продуктами, запивая их горячим чаем.

Всю дорогу мы с бабушкой рассказывали друг другу обо всем, что с нами произошло за эти несколько месяцев. На мой вопрос, где же папа, бабушка рассказала мне, что после возвращения в Мариуполь из Сталино, когда она добивалась разрешения взять меня из детского дома, она жила в напряженном ожидании, что придут конфисковать вещи и вселят новых жильцов.

– Поэтому, когда однажды вечером требовательно постучали в дверь, я не удивилась и не испугалась. И правда, в кухню вошли два энкаведешника. «Вы – Анцис Зельда Шлемовна?» – спросил один по слогам. «Да...» – «Ваш зять – Муллер Завель Иосифович?» – «Да...» – «Он приговорен к десяти годам дальних лагерей без права переписки как враг народа. Мы пришли за его теплыми вещами. Вот список вещей, который он сам составил». Один из них вынул бумагу, я хотела взять ее, но он не дал. «Нет. Мы сами будем читать список, а вы соберите вещи, но побыстрее». Другой снял печать с двери в комнату и открыл ее. Они уселись за стол, один читал, а я стала носить вещи и складывать их на стол, удивляясь про себя, что список составлен с подробным знанием всех вещей. Ведь твой папа был невнимателен к вещам, надевал, что давали, и был доволен. А оказывается, он замечал все подробности... А о полушубке даже было сказано, что это тот полушубок, в котором он спускался в шахты, с заплатой на правом локте. Сапоги он просил те, что недавно отремонтированы, длинные. А к рубашке надо пришить одну пуговицу. Я все собрала и завернула эти вещи в суконное серое одеяло, которое тоже было в списке, и связала узлом. Они все взяли, опять опечатали комнату и ушли, я слышала, как отъехала машина...

– Бабушка! Ну неужели мои папа и мама и вправду враги народа или какие-то там троцкисты?

– Ну что ты, Валечка, я никак не могу понять, что же произошло, но я думаю, что это чудовищная ошибка... Я же всю их жизнь знаю, как свои пять пальцев! Я уверена, что все прояснится, твоих маму и папу оправдают, и они вернуться к нам...

Помолчав немного, она продолжила:

– Одним вечером, когда я вышла во двор к водопроводному крану за водой, ко мне подошла незнакомая женщина примерно маминого возраста и очень тихо сказала мне, что она живет в нашем дворе, по соседству. Она назвалась Черновой и сказала, что работает медсестрой в тюрьме, что она знает и очень уважает маму и может ей что-нибудь передавать, но только устно, никаких вещей, продуктов и писем передавать не будет. Она добавила, что передала уже маме, что видела меня во дворе и что я здорова. Еще она посоветовала не ходить к тюрьме, так как там все равно ничего не скажут. Я очень испугалась – а вдруг это какой-то обман? Но она еще несколько раз передавала мне от мамы привет и говорила, что с мамой все в порядке. Но я еще не совсем ей доверяю, поэтому ничего не сказала ей про вещи для папы и про то, что ищу тебя...

И тут вдруг я вспомнила, что у меня в детдоме из чемодана украли мамины платья, и рассказала об этом бабушке.

– Какие еще платья? – удивилась она.

– Ну, те, что Куница сунул мне в чемодан при аресте!

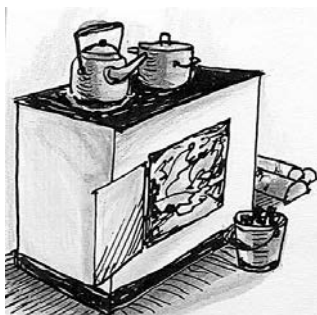
– А, – махнула она рукой, – снявши голову, по волосам не плачут...

Так, с разговорами, мы приехали сначала в Сталино, а потом в Мариуполь.

Дома. Как жить дальше?

В нашей квартире было ужасно холодно, так как давно не топилась печь. Бабушка быстро ее растопила приготовленными заранее дровами и углем. Мы очень устали, но вымыться после дальней дороги – был обязательный бабушкин закон. Быстро собрав чистое белье, мы пошли в баню, благо она была близко. Когда мы уже помылись и выходили в предбанник, бабушка поскользнулась, упала и сломала левую руку пониже локтя. Женщины в бане сбежались, помогли одеться и вызвали скорую помощь. Нас вместе отвезли в неотложку и наложили бабушке на руку гипс. Привезли домой на машине скорой помощи уже совсем ночью. Так плачевно началась наша с бабушкой жизнь в Мариуполе.

У нее сильно болела рука, а еще сильнее болела душа – на что будем жить? Стегать бурки и ватники она пока не может, а денег нет совсем. Пенсионный возраст, 60 лет, только-только наступил, но пенсию надо оформлять в Харькове по последнему месту работы – на канатной фабрике, крутильщицей. Стаж у нее был большой, она много лет работала кухаркой в еврейской больнице, еще при царе. Специальность эта рабочая и засчитывалась советской властью в стаж. Но как ехать без денег, с больной рукой, и на кого оставить внучку?

И решила она опять обратиться к маминим-папиным друзьям, жившим в Мариуполе. Пошли мы туда с ней вместе. Шли и переживали, что они побоятся с нами разговаривать. Но люди эти приняли нас спокойно. Звали их тетя Лина и дядя Сема. Помогли они не только деньгами, но делами и советами. Сама бабушка боялась обращаться куда-либо, да и не знала – куда...

Сообща состав

или бумагу в комиссию, которая определяет инвалидность. Сердце у бабушки было больное, страдала она и язвой желудка, а тут еще и рука сломана. Они пообещали похлопотать о пособии по инвалидности.

Прошло всего два дня с нашего приезда, а уже вот что произошло! Что же будет дальше?..

Бабушка с рукой на перевязи и я пошли в НКВД заявлять о том, что она привезла меня из детдома. Куница очень удивился, сразу стал куда-то кому-то звонить. Потом сказал, что завтра во второй половине дня он приедет, чтобы продолжить конфискацию вещей. Бабушка вечером у крана во дворе просила Чернову передать маме, что она в полном здравии привезла меня из детдома. О сломанной руке она просила ей ничего говорить.

На следующий день к вечеру приехали Куница и еще два энкаведешника. Распечатали опять дверь в комнату и велели мне собирать только мои личные вещи, но каждую им показывать. Бабушке велели сидеть за столом с ними. Куница уехал, и всю процедуру проводили оставшиеся двое.

Я прошла в комнату, осмотрелась. Бабушка из кухни мне сказала, что в шкафу и в диване много еще осталось моих вещей. Я стала вытаскивать вещи из шкафа и приносить их в кухню и показывать им. Крышку дивана я не могла сама открыть и попросила их помочь мне. Один из них встал и открыл, а потом вернулся к столу. Я увидела там свои шапку, шарф, валенки и никелированный стержень на подставке с цветными флажками всех республик. Этот сувенир папа привез из Москвы давным-давно,

когда он был делегатом семнадцатого съезда партии. Там всем делегатам подарили это, а еще наборы маленьких книжечек Ленина и Сталина в красивых футлярах, и две большие книги – «История Гражданской войны» и «История Партии». Я взяла подставку с флажками и понесла к ним. «Это твоя игрушка?» – «Да!» – «Бери!» В углу на полу стояла папина настольная лампа на мраморной ножке под зеленым стеклянным абажуром. Ее я тоже взяла: «Лампа мне нужна, чтобы уроки учить!» – «Бери!»

В диване стояла большая атласная красная коробка, в которой папа когда-то привез маме подарок. Я ее открыла. Сверху лежали мамины вязаные и шелковые шарфики, я их вынула и с ужасом увидела кобуру и две пачки патронов. Я схватила их, завернула все в свой шарф и сунула в свою старую кроличью шапку, потом понесла это и показала им шапку с шарфом. «Бери!» Положила шапку с содержимым на кровать под подушку.

Потом они сами вытащили в кухню шкаф, старый-старый буфет и диван. Все содержимое этой мебели они переписали и сами разложили вещи по местам. Нам оставили немного посуды и белья. И вдруг один из них спросил: «А это что?» – и вынул из нижнего ящика шкафа связку фильдеперсовых маминых чулок со спущенными петлями, которые ей никак не хватало времени починить. Бабушка сказала, что это чулки ее дочери со спущенными петлями. И вдруг мы услышали: «Шестнадцать пар шелковых чулок! Буржуи проклятые!!» Переписал и их в свой список и опять положил в ящик.

Бабушка спросила, показывая на мебель: «А вы что, увезете все это сейчас?» – «Нет, это будет стоять у вас до особого распоряжения!» – «Да куда же мы все это поставим, ведь мы будем жить в проходной кухне...» – «Как-

нибудь разместитесь, – сейчас пусть стоят. Но ничего брать нельзя, все переписано, и вы несете за все уголовную ответственность». Они встали и поднялись по лесенке в кладовку. «А в ящиках что?» – «Книги...» – подняли фанеру, вопросительно посмотрели друг на друга и на часы, повернулись и вышли из кладовки. Дали бабушке подписать протокол конфискации, копию отдали ей и ушли. Мы стояли растерянные и усталые.

Я подошла к кровати, вытащила шапку и показала бабушке, что под шарфом. Она пришла в ужас, расстегнула кобуру, а там – маленький пистолетик с именной надписью: «Товарищу Муллеру за героизм в одесском подполье». Бабушка схватилась за сердце.

– Сколько раз мама ему говорила, чтобы он эту игрушку сдал! А он: «Я сдал оружие, которое было у меня как у секретаря горкома, когда вышло постановление, чтобы все сдали оружие. А это моя личная вещь, моя награда, и я ее сдавать не буду!» Ведь с его близорукостью он никогда не стрелял и стрелять не мог. Это просто забава его была.

Я спросила у бабушки:

– А что папа делал в подполье? Он никогда об этом не рассказывал.

– Организовывал отправку оружия в партизанские отряды Щорса, Котовского, еще куда-то, – я об этом мало что знаю... Ведь у нас было уже два обыска! Если бы это нашли, то и его, и меня, и маму сразу же расстреляли бы... Да и тебе бы досталось!

– А куда их теперь?

– Ну, патроны я просто выброшу в холодную уборную в парке, а «игрушку» весной закопаем где-нибудь в балке за гордом. Ведь там же надпись! А пока я ее куда-нибудь спрячу...

Кое-как разобрались мы с вещами и легли спать.

Друзья по несчастью

На следующий день приехали новые жильцы. Они заняли комнату, в которой раньше жили мы с мамой и бабушкой.

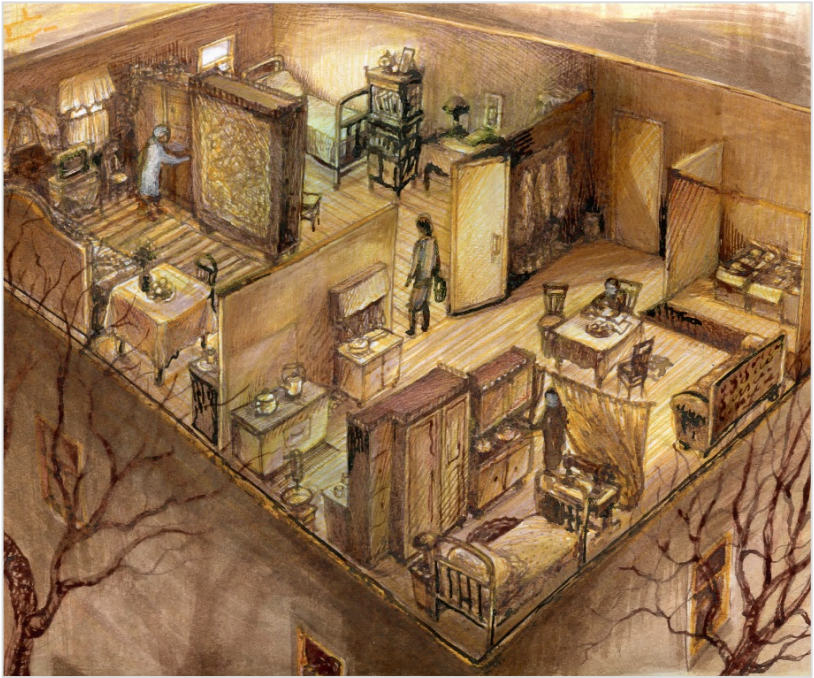

Первой утром появилась молодая, симпатичная, голубоглазая женщина. Назвалась Аней. Она была красиво одета, а ее русые волосы были уложены в модную прическу. Сказала нам, что ее выселили из квартиры вот сюда, но не одну, а с сестрой мужа. Рассказала, что ее мужа и мужа его сестры недавно арестовали, и что до их ареста обе семьи проживали отдельно, в разных районах Мариуполя, а вот теперь их жен селят вместе, в одну комнату. «У нас всегда были натянутые отношения, не знаю, как мы будем жить здесь бок о бок...»

Много вещей у нее конфисковали, а с собой привезла два стула, стол, диван, небольшой шкафчик и швейную машину, кухонный столик, да еще чемодан и узлы с утварью, посудой и бельем. Аня заняла правую половину комнаты, которая отапливается печкой из кухни, то есть от нас.

Позже приехала вторая женщина. Она поздоровалась и представилась как Елизавета Эдуардовна. На вид ей было лет сорок пять, довольно высокая (как моя бабушка), худощавая, с темными, гладко зачесанными

волосами, аккуратно уложенными на затылке в пучок. Одеты в темный строгий костюм. Между собой эти женщины не произнесли ни слова. Она велела каким-то мужчинам заносить мебель и вещи в левую, холодную часть комнаты. Большим шкафом отгородила свою часть комнаты от Аниной. Остальная мебель у нее

была такой же скудной, как и у Ани. Все новое и хорошее из мебели и вещей было конфисковано.

Стали они обустраиваться, каждая отдельно, хоть и в одной комнате. Анечка сумела приукрасить свою скудную обстановку скатерками, салфеточками, красивыми занавесками на окне. На диван постелила какое-то ярко расшитое покрывало. Сверху набросала подушечки с ленточками, оборочками и кружевами, которые сама и смастерила.

Елизавета Эдуардовна была ей полной противоположностью во всем – аскетична в одежде и в жизни. Такой же выглядела и ее часть комнаты. Так и стали мы жить все вместе – мирно, но каждый по себе: делить нам было нечего, так как все мы были «друзьями по несчастью».

Благодаря тете Лине и дяде Семе и с их помощью бабушка прошла медкомиссию, и ей назначили пенсию по инвалидности третьей группы. Пенсия маленькая, но хоть что-то есть.

В школу номер 3, где я прежде училась, меня не приняли, а направили в школу номер 10, как раз в ту, что находилась напротив детприемника. Новая моя учительница оказалась пожилой женщиной с уставшим, но приветливым лицом. Меня встретила она доброжелательно. Довольно быстро я догнала по учебе

остальных ребят, так как русский язык и арифметику неплохо усвоила в городе Белом. Но общение с одноклассниками как-то не получилось – я была сама по себе.

Кончался 1937 год. Скоро наступит новый, 1938-й... Но никакого радостного ожидания праздника у меня не было. Незадолго до этого события мы услышали, как натужно скрипят ступеньки лестницы. К нам поднялся кто-то большой. Бабушка поспешила к двери и открыла ее. В нашу обитель прошел, с трудом протискиваясь между мебелью, наш прежний семейный врач Морис Самойлович. Ворчливо стал выговаривать:

– Как вам не стыдно! Ничего

не сказали мне о вашем несчастье! Я случайно узнал и стал искать, где вы теперь живете. И мне надо тащиться к вам? Не могли сами прийти?

Был он тяжел, грузен и трудно дышал после подъема по лестнице. Мы растерялись, предложили ему сесть, он тяжело опустился на стул.

– Как живете? Как себя чувствуете? Давайте договоримся – при первой необходимости вы сами ко мне приходите.

Он жил на расстоянии квартала от нас в своем собственном просторном доме с большим двором. Это был частный врач, принимал и лечил больных дома, и еще преподавал в медицинском училище. Считалось, что лучшего врача в округе нет. Около его дома всегда было полно подвод. К нему везли больных из города и близлежащих деревень и поселков. Все городское начальство лечилось тоже у него.

Мариуполь – город многонациональный: украинцы, русские, евреи, немцы и греки жили здесь издавна. Вокруг города кочевали цыгане в своих кибитках и шатрах. И Морис Самойлович лечил всех. А был он уже немолод, лет шестидесяти... И вот этот человек сам пришел к нам, совершенно отвергнутым властью. «Не волнуйтесь, денег с вас я брать не буду. Мне хватает на жизнь от тех пациентов, что могут платить». Он поговорил с бабушкой, посочувствовал, осмотрел нас, прописал что-то из лекарств, попрощался и, кряхтя поднявшись со стула, пошел к двери. Скоро мы опять услышали его тяжелые шаги вниз по лестнице. Сразу после его ухода бабушка обратила внимание на вздувшуюся чуть-чуть клеенку на столе. Отвернула угол, а там – деньги, бумажные, да не маленькие... Мы были очень растроганы и опечалены одновременно.

Новый год прошел для нас грустно и тихо. Потянулись похожие друг на друга, печальные дни. Рука у бабушки заживала, с нее сняли гипс, но работать в полную силу она еще не могла. Спустя некоторое время пришел к нам дядя Сема и сказал, что он

нашел работу для бабушки в артели инвалидов. Там вяжут недорогие кофты, свитера, рейтузы. Бабушку могут взять в швейный цех, но заработки там маленькие. Зато есть всякие льготы для детей работающих там инвалидов и бесплатные обеды для них самих. Бабушка согласилась. Перед устройством на работу она поехала на несколько дней в Харьков

хлопотать о своей пенсии. Там жила папина младшая сестра Лиза, она в письме бабушке обещала помочь ей в этом. Я оставалась на попечении Анечки. Поездка для бабушки прошла удачно, приехала обратно она быстро, очень довольная. Теперь у нее была пенсия аж 210 рублей, да еще работа!

Как-то вечером, накануне выходного дня, на постоянном месте встреч у водопроводного крана, Чернова сказала бабушке, что мама моя не верит тому, что я уже дома, в Мариуполе. Поэтому решила эта смелая женщина устроить нам свидание. Мы завтра должны к восьми часам утра подойти к зданию тюрьмы.

– Станьте на противоположной стороне улицы и найдите глазами на первом этаже окно с желтой занавеской. Оно одно такое – это медпункт. Сразу за ним начинается тюремная стена, но окна она не загораживает. Я вызову вашу дочь на медицинское обследование в это же время. Смотрите в окно, и вы увидите ее. Но не подавайте никаких знаков, просто смотрите.

Мы очень взволновались. Всю ночь не могли уснуть. Вышли из дома рано, еще затемно. На улице было очень скользко.

Дул сильный ветер, с неба летела снежная каша. Бабушка для опоры взяла палку, так как под ногами был мокрый лед. Вцепившись друг в друга, мы дотащились до трамвая, доехали до конечной остановки «тюрьма». Здесь было светлее – везде горели фонари. Медленно дошли до нужной улицы. Она была неширокая, и окна напротив хорошо просматривались. Около здания тюрьмы было очень много людей, все больше женщины с узелками в руках. Особенно тесно было у окошка в стене. Но в том месте, где мы остановились напротив окончания стены, никого, кроме нас, не было.

Нашли глазами последнее окно с желтой занавеской, оно было зарешечено. Вдруг занавеска отодвинулась сантиметров на двадцать, и мы увидели худое бледное мамино лицо, все в слезах. У нас тоже текли слезы, но мы стояли неподвижно и молча. Минут через пять занавеска задвинулась. Все – свидание окончено. Но мы увидели друг друга, и мама убедилась, что я уже с бабушкой. Еле добрались домой. Встреча эта оставила в нас боль и смятение, но все же и какое-то успокоение. Мы никому из наших новых соседей не рассказали об этом. Люди они, видимо, были неплохие, но страх не покидал нас.

Каникулы в школе кончились, наступила новая, третья четверть учебного года. Учеба не была для меня затруднительной, но в школе я чувствовала себя неудобно, так как мне было известно, что все учителя и многие дети знали о судьбе моих родителей. Кое-кто откровенно меня сторонился, кому-то все было безразлично, но друзей у меня не было. Марья Борисовна относилась ко мне хорошо. Бабушке кто-то рассказал, что у нее арестован сын, и может быть поэтому она ко мне относилась с сочувствием.

В нашем классе училась еще одна девочка, Вика, тоже дочь «врагов народа». Она раньше жила в каком-то другом городе, а на каникулы всегда приезжала к своей бабушке в Мариуполь. Вот как раз во время летних каникул ее родителей арестовали в том городе, где они жили, а она так и осталась у бабушки в Мариуполе. На бабушкину пенсию жить им было трудно, и пришлось им заниматься продажей рыбы. Викина бабушка покупала у рыбаков рыбу, в основном «бычков», прямо на рынке, и там же продавала ее из больших чанов. По выходным дням Вика помогала ей, и ребята в классе дразнили ее – «бычки, бычки». Она очень бурно на это реагировала, дралась, а потом перестала ходить в школу. Вскоре они и вовсе переехали в другой город. Были и еще дети в школе, у которых арестовали отцов, но таких, как мы с Викторией, у которых были арестованы оба родителя, больше

не было, так как все эти дети находились в детдомах.

В конце января Чернова передала, что маму и всех женщин по тем же статьям отправляют в лагеря. Она согласилась передать ей валенки, шерстяной платок и теплую кофту. Через пару дней она сообщила нам, что маму увезли. Мы поплакали и стали ждать весточки. Ждать пришлось недолго. Пришла на наш адрес открытка почтовая, измятая и грязная, без обратного адреса. В ней было: «Я здорова, нас везут на восток». А через неделю пришло более подробное сообщение, хотя на такой же замазюканной карточке: «Нас везут в Казахстан, в город Акмолинск. Я здорова». Мы с бабушкой стали рассматривать карту в моем учебнике «Наша Родина». Нашли и ужаснулись – как далеко!..

С соседями мы жили мирно. Анечка оказалась общительной и доброй. Муж ее – немец, до ареста работал главным инженером на военном заводе. Ее украинская семья – мать, отец, брат и сестра – отвергли ее за неуютное им замужество. Общения между ними не было и раньше, а теперь и вовсе... Детей у них не было. Она всегда была домохозяйкой при муже, а сейчас жила тем, что шила на заказ очень красивые платья. Работала она дома, но заказчики к нам в дом никогда не приходили, так как обслуживала их Аня у них дома. Елизавета Эдуардовна до ареста ее мужа и брата работала корректором в какой-то редакции. После арестов ее уволили, и она устроилась киоскером, продавала газеты. Строгая, аккуратная, она уходила рано утром, возвращалась поздно. Обедала в столовой, а дома кипятила только чай у нас на печке. С Анечкой они вообще не общались.

Однажды в конце зимы бабушка пришла с работы не одна:

вместе с ней вошла в нашу кухню удивительно красивая девушка – молодая, стройная, сероглазая, с пышными светло-каштановыми волосами. Когда она поздоровалась и улыбнулась, то показалась мне прекрасней всех знаменитых артисток, хотя была совсем не накрашена. Одета была очень скромно – на ногах резиновые боты, простое пальто, на голове шерстяной белый тонкий платочек, не скрывающий пышности ее волос. Бабушка сказала:

– Валя, это Катя, для тебя – тетя Катя. Она будет жить у нас в кладовке.

– Где?!

– В кладовке!

– Разве там можно жить?? Там даже окна нет!

– Она хочет там жить!

Тетя Катя ушла за своими вещами, а бабушка объяснила мне, что ей совершенно негде жить. Ее родственница, что работает вместе с бабушкой, уговорила приютить у нас Катюшу на некоторое время, так как у них так тесно, что негде поставить даже раскладушку. Скоро наша новая жилища вернулась с чемоданом и узлом. Бабушка вынула из шкафа «конфискованные» матрас, подушку, одеяло и постельное белье. «Какая разница, где они будут лежать – так хоть польза человеку будет!» Постелила она ей на ящиках с книгами в кладовке, и стала Катюша жить у нас.

Работала она буфетчицей в столовой командного состава в воинской части, домой приходила только ноче-

вать. Годы спустя бабушка мне рассказала, что Катя была беглянкой из села Воронежской области. Совсем молоденькой девушкой она вышла замуж за председателя колхоза. Был он старше ее на десять лет. Но прожили они душа в душу только полгода, и его арестовали как «врага народа». Ей посоветовали быстро уехать подальше, чтобы избежать ареста. Родители отправили ее в далекий от них Мариуполь к дальним родственникам. Здесь она вроде бы потеряла паспорт, и ей выправили новый на девичью фамилию. Она была так молода, что по метрическому свидетельству ей помогли это сделать. С ее удивительной внешностью Катюше удалось устроиться буфетчицей, да еще и в воинской части. Бабушке она рассказала, что муж был очень хорошим человеком, и ей его очень жаль. И вот стали жить в этой квартире пять женщин разных возрастов и национальностей, но с одной болью...

Возвращение партбилета

В один из весенних вечеров раздался требовательный стук в дверь. Все замерли. Все узнали этот вечерний стук. Но к кому? Так и есть – на пороге молодой энкаведешник.

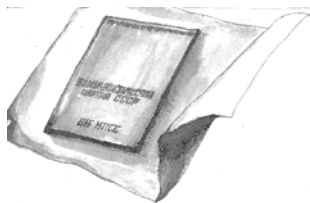
- Кто здесь Зельда Шлемовна Анцис? – с трудом прочел он.
- Это я, – сказала бабушка.
- Одевайтесь, поедете со мной!
- Куда?
- В НКВД.
- Не знаю, велели привезти. Я шофер.
- Я не могу, у меня ребенок!
- Ничего не знаю, одевайтесь и поедем!
- С вещами?
- Нет!

Бабушка встала, надела пальто, повязала платок, подошла ко мне, поцеловала и сказала:

– Меня опять забирают. Завтра иди к тете Лине и дяде Семе, они что-нибудь посоветуют. Прощайте все! – повернулась и пошла к двери, прямая, отстраненная.

Все произошло всего за две-три минуты. Мы все ошеломленно смотрели на дверь. Я как сидела за столом, так и осталась сидеть, ничего не понимая и отказываясь что-либо понять. Женщины, все три, тоже сели за стол и стали мне что-то говорить. Но я их не слышала... У меня в голове было только одно: «Бабушка, вернись, бабушка! Я не могу без тебя, вернись!»

В немом оцепенении я сидела, не спуская взгляд со стрелки ходиков. Меня не оставили одну, никто не ушел спать. Все сидели и чего-то ждали – чего? Прошло немногим более часа, и вдруг – скрип ступеней... Кто-то шел к нам! Все смотрели на незапертую дверь. Вошла бабушка. Вся серая, как будто выжатая. Она молча прошла к столу, положила на клеенку какой-то прямоугольничек, завернутый в бумагу. Не раздеваясь, легла на кровать, лицом в подушку, и зашла плачем.

Я подошла к ней, обняла ее, тоже плача. Она повернула ко мне лицо:

– Я думала, что меня поведут на расстрел, потому что без вещей... – выдавила она, захлебываясь, – а они отдали вот это, – махнула рукой в сторону

свертка, – пожали мне руку и сказали, что я могу идти домой. Ноги у меня не шли, еле добралась домой. Как дошла – сама не знаю...

Катя осторожно развернула свертки. Там лежала красная книжка члена КПСС. Все три женщины были поражены.

– Вы что, член партии?

– Еще с двадцатого года... С одесского подполья... При нашем аресте у меня отобрали все документы, а потом, когда выпустили, все отдали, кроме партийного билета. Я тогда подумала, что меня исключили, и ничего не сказала. Выпустили – и ладно... А вот теперь... Ну неужели нельзя было как-то по-человечески? – и она опять заплакала. Все нас с бабушкой очень жалели, но и за себя боялись страшно.

Потихоньку все разошлись, я помогла бабушке раздеться и лечь в постель. Сама легла рядом с ней. Ночью ей стало плохо. Она задыхалась. Я постучала к соседкам. Е.Э. вынесла пузырек с каким-то лекарством, накапала несколько капель в стакан с водой и дала бабушке выпить. Постепенно ей стало легче. Утром побежала я к Морису Самойловичу. Вскоре он пришел. Расспросил, что случилось, осмотрел и выслушал бабушку. Потом дал ей что-то выпить и сделал укол. Сказал, что у нее сердечный приступ, и вставать бабушке нельзя. Добавил, что сам вызовет врача из поликлиники со своего телефона, так как он не имеет права выписывать больничный лист. Так все и было – бабушка неделю не ходила на работу.

Этот случай очень сплотил всех в нашей квартире. Даже Е.Э. стала мягче относиться к Анечке.

Новые соседи. Неожиданный визит

Но дальнейшие события все опять изменили в нашей жизни.

К Анечке зачастил тот энкаведешник, который арестовывал ее мужа. Посещения его становились все более частыми и продолжительными. Анечка не смотрела нам в глаза. Бабушка вздохнула как-то: «Ох, ведь он тоже человек, и, видимо, просто влюбился. Ведь вряд ли ему это простят... Да и она еще молодая и одинокая... Люди ведь». Е.Э. смотрела на них с великим презрением. Кончилось это тем, что Анечка и Михаил поженились, и он увез ее в свое жилье куда-то на другой конец города. Е.Э. очень боялась, что к ней кого-нибудь подселят, и стала искать возможность обмена этой большой комнаты на маленькую. Ей это удалось.

Мы с бабушкой с тревогой ожидали новых соседей. Решили как можно скорее закопать папину «игрушку» где-нибудь за городом. Было начало апреля, и все уже шли с лопатами копать землю под посадку картофеля. И мы тоже пошли вроде бы за тем же, с лопатой, подальше от города. Нашли место в балке, на крутом склоне, чтобы кто-нибудь случайно не облюбовал это место под огород. Выкопали довольно глубокую ямку, положили туда «награду», завернутую в бумагу и холстину. Закопали, затоптали и забросали камнями и ветками.

Мы очень боялись новых соседей. И вот настал день, когда Е.Э. выехала из комнаты, тепло с нами попрощавшись. В этот же день пришли новые жильцы – сильно хромящий мужчина и его жена, небольшого роста, крепенькая, розовощекая и улыбчивая, лет тридцати. Сказали, что у них семья из пяти человек. Кроме них, еще двое сыновей восьми и четырех лет и бабушка. Мужчину звали Филиппом Захаровичем, а его жену – Аней. Опять Аня!

Они решили до переезда побелить комнату, а детей и маму пока отвезли в деревню к родственникам.

– А вещи вы когда привезете? – спросила бабушка.

– Да какие у нас вещи – из десятиметровой комнаты? Стол,

табуретки, кровать да две раскладушки. Мы с них и будем белить и клеить.

– Сами?

– Конечно!

И за два дня мрачная неухоженная комната превратилась в чистенькую горницу. Это моей бабушке очень понравилось. Потом привезли новую, только что купленную мебель – шкаф, еще две кровати, стол, стулья и кухонный столик. Повесили крахмаленные занавески на окна,

расшитые украинские полотенца. Прямо красота!

Через неделю приехала их бабушка, чистенькая, симпатичная, в белом платочке, подвязанном под подбородком. Звали ее Пелагея Дмитриевна. С нею приехали двое белобрых мальчишек – Ваня и Митя. Нам сразу стало легче. Бабушка моя была довольна, что Пелагея Дмитриевна была всегда дома, с детьми, и я одна не оставалась. К тому же все заботы о дровах и угле они взяли на себя. Филипп Захарович работал возчиком от Горисполкома, развозил в чистой телеге по детсадам и школам продукты, а в грязной – уголь и дрова. Аня была официанткой в городской столовой. Поэтому дома они почти не готовили, лишь разогревали еду, которую из столовой приносила Аня. Она, смущаясь, говорила моей бабушке: «Не подумайте, что я ворую, просто сотрудникам у нас отпускают обеды по очень низкой цене. Я приношу ежедневно по два судка, и всей семье хватает». Бабушка, улыбаясь, рассказала ей, что она долго работала кухаркой в одесской больнице и тоже брала дешевые обеды для двух своих детей. Так что ей это очень даже понятно. С этой семьей нам было как-то

легко и просто, и они против нас тоже ничего не имели. Так и стали жить вместе.

Но ни от мамы, ни от папы мы не получали никаких известий. Нас это страшно угнетало. Где они? Что с ними?

Приближался конец учебного года. 22 апреля, в день рождения В.И. Ленина, всех ребят нашего класса принимали в пионеры. Бабушка купила мне шелковый красный галстук и никелированный зажим для него. Приготовила новую белую кофточку, юбка была у меня от матросского костюма. Галстуки с зажимами, обвязанные тесемочкой с именем каждого, мы отдали пионервожатой. В городском парке возле памятника Ленину все ребята были построены в линейки. В этот день здесь всегда принимали в пионеры всех третьеклассников города из всех школ. Вожатые обходили шеренги, надевали каждому его галстук и застегивали зажимом с изображением языков пламени. Каждого вновь посвященного призывали: «Будь готов к труду и обороне!» И каждый, сделав шаг вперед, отвечал: «Всегда готов!» – и поднимал руку в пионерском приветствии. Потом строем мы прошли по парку с песнями. Поодаль родители дружно хлопали в ладоши.

На первом же пионерском сборе пионервожатая рассказала нам о событиях в Испании. Там в это время шла война между коммунистами и фашистами, давно уже шла, сейчас вроде бы уже закончилась, но так и не было понятно, кто же победил... Мы все, конечно, очень переживали за коммунистов. И вот наступил день, когда в наш мариупольский порт прибыл корабль с детьми испанских коммунистов. Нам в школе

объявили о прибытии, и что тот, кто хочет, может прийти встречать их вместе со своими водителями.

Много детворы поехало в порт на трамвае, и я поехала тоже. В руке у меня был сверток с красным галстуком и зажимом для кого-нибудь из испанских детей. На голове – белая «испанка» с голубой окантовкой и кисточкой. Я сама себе ее сшила. Вот стоим мы плотной толпой с двух сторон дороги, по которой идут смуглые, усталые и грустные дети, только что сошедшие с трапа корабля. Мы подбегаем к ним и повязываем

им на шеи красные галстуки. «Здравствуйте! Геноссе! Рот фронт!» Они смотрят на нас с удивлением и тревогой, потом все вместе мы доходим до трамвайной остановки, их сажают в специальный трамвай и куда-то везут, а мы разъезжаемся по своим домам.

Почему-то эти дети остро напомнили мне, как везли нас в детский дом. Я понимала умом, что все это совсем другое, но сердце сжималось от жалости к ним и к нам.

Вот уже и кончились занятия в школе, наступило лето. Бабушке от организации, где она работала, выделили путевку в пионерский лагерь на берегу Азовского моря. Знакомых детей там не оказалось, и я чувствовала себя спокойней и уверенней, чем в школе. После этого лагеря я отдыхала еще и в городском пионерском лагере. Лето пролетело быстро...

Уже год как случилась беда, а о папе и маме мы ничего не знали, кроме того, что их куда-то сослали. Перед началом нового учебного года бабушка повела меня в фотомастерскую, чтобы

сфотографировать в пионерской форме и фотографию послать маме, если все же узнаем, где она.

Приехали из деревни Ваня и Митя, где они все лето были с бабушкой. Такие свежие, загорелые, выросшие. Началась подготовка к учебе. Ваня уже идет в первый класс, и ему тоже покупают все учебники и принадлежности. Удивительный мальчик – умеет свободно читать и писать печатными буквами, хотя и в садик не ходил, и дома с ним никто особенно не занимался. Говорит: «Мне азбуку давно уже подарили, и я в газетах и на вывесках стал все читать». Его мама, смеясь, называет профессором. Он уже просмотрел и прочел все свои учебники. Что же он в школе делать будет? Он вообще много читает, берет книги у нас, ведь в кладовке, в ящиках, много детских книг. Правда, взрослых книг становится все меньше, так как бабушке приходится через знакомых продавать их. Ведь жить-то надо, хотя книги очень жалко.

Начались занятия, но в школе мне по-прежнему было неуютно и одиноко. И вдруг 7 сентября вечером опять настойчивый стук в наружную дверь. Мы с бабушкой в страхе – ведь это «их» стук. Так и есть – на пороге энкаведешник. Что на этот раз? Проходит, по-хозяйски рассаживается у стола, открывает портфель, вынимает оттуда какой-то уже открытый конверт и опять с запинкой, по слогам:

- Вы Анцис Зельда Шлемовна?
- Да, я...
- Я принес вам весть о вашей дочери.
- Какая весть, какая?!

Мы следим за ним с замиранием сердца. Он вынимает из конверта письмо и читает:

*Начальнику Спецотделения КАРЛАГ, г. Акмолинск,
гражданину Бредихину
от з/к Анцис Мариам Лазаревны
Заявление.*

В связи с тем, что после моего ареста 11 сентября 1937 года в г. Мариуполе у меня осталась мать 60 лет – Зельда Шлемовна Анцис с дочкой – Валентина Завелевна Муллер-Анцис рожд. 1927 г. августа 27 числа, проживающие по ул. Карла Либкнехта номер 9, я прошу поставить в известность их о том, что я совершенно здорова, работаю по специальности и нахожусь в лагере г. Акмолинск, КССР, спецотделение КАРЛАГа НКВД. Если можно мне сообщить, перешла ли моя дочка в 4 класс и состояние их здоровья.

з/к Анцис 15.7.1938

Адрес матери – УССР, Донбасс, г. Мариуполь, ул. Карла Либкнехта 9. Зельда Шлемовна Анцис.

Он все прочел и сказал:

– Вы можете писать ей письма и посылать одну посылку в месяц, а от нее вы ничего получать не будете, так как она осуждена на восемь лет дальних лагерей без права переписки.

Бабушка наконец взяла в свои руки это письмо. Да, почерк мамин. Все опять сама прочла. Попросила меня принести ручку и чернила. Переписала мамин адрес.

– Где расписаться-то?

– Вот здесь, – он указал пальцем место на бумаге.

Бабушка написала:

7.9.1938 г.

*Мне объявлено адрес моей дочери
в чем и расписываюсь Анцис Зельда Шлемовна
ропись Анцис*

(Орфография сохранена.)

Он взял бумагу, засунул обратно в конверт, потом все положил в портфель и ушел. Мы остались сидеть ошеломленные – хорошо,

что получили известие... Бабушка тихо сказала:

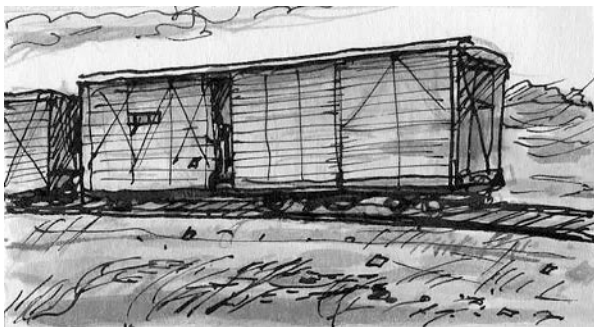
– КАРЛАГ! Это, наверное, карательный лагерь! И восемь лет без права переписки! Ужас!! Кем и где она работает? Наверное, швейей...

Мы сразу же написали ей письма. Бабушка – свое, а я –

свое. Положили в конверт еще и фотографии – где я с бабушкой по приезде из детдома и ту, где я в пионерском галстуке.

Начались наши хлопоты по сбору посылки. Тетя Катя принесла целый килограмм сливочного масла и качалочку хорошей копченой колбасы. «Это от меня. Денег я не возьму». Тетя Аня принесла мешочек сухофруктов, привезенных из деревни. Бабушка засушила сухариков. Купили сахар, пилёный, квадратиками, две пачки чая, пачку какао. Но как посылать масло? От кого-то бабушка узнала, что есть в Мариуполе жестянщик, который изготавливает специально для дальних посылок коробки с квадратным сечением. Надо купить у него такую коробку с крышкой, истопить масло, залить его в эту коробку, закрыть крышкой, и он припаяет эту крышку к коробке. Живет он в заводской слободке – это не очень далеко от нас.

И вот все это сделано. Посылка на восемь килограмм готова, а больше нельзя. Волнуясь, в выходной день пошли мы с бабушкой на почту. Очередь для отправления посылок была огромная. Все больше старики и женщины. Недалеко от окошка, немного в стороне, за столиком, сидит старик и помогает упаковывать посылки за один рубль. Но у нас все уже готово! Подошла наша очередь, приемщица взяла посылку, взвесила, оказалось, что на 250 граммов больше, и не так она завязана. Велела убрать лишнее,

вновь прийти к ней, показать, взвесить, забить и завязать вновь.

Мы стояли расстроенные и растерянные. Тут подошла к

бабушке женщина из очереди, отвела в сторонку и стала ей что-то тихо говорить. Бабушка взяла посылку, отнесла к столу старика, он снял все наши веревочные обвязки и ловко, по всем правилам, вновь перевязал своим шпагатом. Посылку он не открывал и ничего из нее не вынимал. Мы посмотрели на него удивленно, он сказал: «Идите, примут!» Мы заплатили ему рубль и опять стали в очередь. Подошли, волнуясь, к окошку, приемщица посмотрела на завязки, взвесила посылку – все в порядке! Шлепнула сургучной печатью, выписала квитанцию, поставила посылку к другим принятым, и мы пошли домой.

Бабушка сказала:

– Этот старик делится деньгами с приемщицей, за день вон сколько посылок принимают!

И стали мы каждый месяц посылать маме посылки, не зная, получает она их или нет.

А от папы за все время вообще ни одной весточки не пришло. Я все смотрю на его лицо на нашей с ним фотографии в витрине фотомастерской. Часто смотрю, когда иду мимо. Ведь у нас дома ни одной его фотографии нет. Еще давно, когда мою бабушку выпустили из тюрьмы, ей велели взять из комнаты все семейные фотографии. Но папины велели сжечь обязательно. Бабушка не смогла их сжечь – не поднялась рука. Она отобрала его

фото, где он один, и где он с нами. Кроме того, отобрала фотографии своих родителей, братьев, покойного мужа, где все они в ермолках – такие торжественные, с бородами, – все это она завернула в бумагу, потом в холст и спрятала в прихожей за посудной полкой. Там была какая-то выемка глубокая. Но не насквозь. Она туда все заложила, потом замазала стенку цементом и забелила. Так они там и лежат. Но где же все-таки сейчас мой папа?

Мы знали, что от мамы письма приходиться не будут. Но все же чего-то ждали... И вдруг – письмо! Наш адрес написан рукой мамы, а обратного вовсе нет. Вскрыли письмо, читаем:

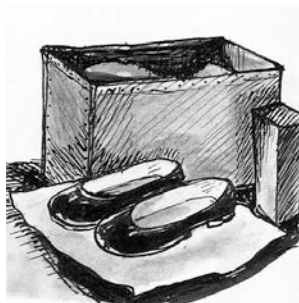
«Дорогие мои, любимые мамочка и доченька!! Как вы живете, как ваше здоровье? Нет ли известия от З.? Все письма, посылку и фото получила. Огромное вам спасибо! Я здорова. Могу сообщить вам, что работаю здесь тоже директором швейной фабрики, но в других условиях.

О получении вами этого письма ничего не пишите на мой адрес. Простите меня, пожалуйста! Очень прошу вас, если сможете, положить в посылку глубокие галоши самого большого размера, пары две или три. Огромное вам спасибо за все!

Очень скучаю, крепко обнимаю и целую вас – ваша мама и дочка».

Бабушка сразу догадалась, что это письмо было отправлено нелегально.

Мы были ему очень рады и стали собирать новую посылку. Стояли в очереди за галошами – это был очень дефицитный товар, наконец, купили, скоро пошлем!

Новый Год – с елкой

Время проходит в хлопотах, тревогах, в бабушкиной работе и в моей учебе. В жизни тети Кати изменения – у нее появился ухажер Женя, молодой военный, недавно окончивший военное училище. Вечерами он приходил за Катей, и они уходили гулять или в кинотеатр. Очень красивая была пара!

И вдруг мы получаем телеграмму: «Я командировке Сталино ждите выходной дома тчк Приеду гости Женя Саниович». Бабушка очень разволновалась и обрадовалась, ведь Женя – самая близкая мамина подруга! Давно от нее не было никакой весточки, хотя бабушка дважды писала ей о том, что у нас случилось. Тетя Женя, дядя Шура и Октябрина, моя ровесница, живут в Москве. Бабушка напекла пирожков, приготовила что-то вкусное – ждем... К полудню в выходной день приехала дорогая наша гостья. Они с бабушкой обнялись и расплакались. Тетя Женя, как всегда, аккуратно, строго и добротнo одета. Она очень приятная и женственная. Но что-то в ней изменилось – взгляд какой-то потухший и тревожный.

Оглядела она нашу не то комнату, не то коридор, заставленный мебелью.

– А там кто? – спросила она и глазами показала на закрытую дверь в комнату.

– Там живет семья, соседи, но сейчас их нет дома – на выходные они всегда уезжают в деревню. И еще с нами живет женщина, вон там, в кладовке, но ее сейчас тоже нет дома.

– Это хорошо, мне очень многое надо сказать вам... Ведь у нас тоже беда – Шуру арестовали еще в сентябре 1937 года. Я боялась вам писать об этом. Живем с Октябриной мы в той же комнате, что и раньше. Шуру осудили на пять лет, по статье за клевету на советскую власть. Он сейчас в лагере, в Воркуте. Очень сильно болел, сейчас уже не в руднике работает, а нормировщиком. Ведь он тоже, как и я, экономист...

Я с ужасом представила себе дядю Шуру, невысокого, худенького, в пенсне, очень вежливого – как он может работать в руднике? Я его видела всего один раз, когда они приезжали к нам в гости в Красный Луч. Из разговоров папы и мамы я знала, что он очень начитан и вообще интеллигент. Мои родители его любили и уважали.

А тетя Женя рассказывала:

– Меня понизили в должности, теперь я работаю рядовым экономистом, но в том же отделе, что раньше возглавляла. И то хорошо – так как относятся ко мне там спокойно. А от Мани и Муллера что-нибудь есть?

Бабушка стала ей все рассказывать – и о маме, и о папе. И о

нашем с ней путешествии. Они сидели рядом, охали, ахали, вытирали слезы... Вдруг тетя Женя встрепенулась: «Я ведь тут вам кое-что привезла...» – и вынула из чемодана чудесные вещи для меня. Костюмчик, платье, туфельки, ботинки – все не совсем новое, но как новое. Октябрина, хоть и ровесница мне, но очень крупная девочка и быстро растет. Все, из чего она выросла, тетя Женя привезла мне. Вещи были в полном порядке и прекрасного качества, как всегда все у них было. Бабушка очень растрогалась:

– Ведь ты могла бы все продать, тебе тоже сейчас тяжело...

– Нет, мне легче, чем вам, так как мне помогает Меця (ее младшая сестра), у них с мужем нет детей, а зарабатывают они прилично.

Потом достала большущий бумаж-

ный пакет с конфетами, самыми лучшими. Я уж забыла, что такие бывают. Я очень обрадовалась, самое главное – теперь я могу меняться фантиками с девочками, да еще какими фантиками!

– Это вам от Меци! – сказала тетя Женья.

Потом мы сели за стол, бабушка выставила свои угощения. Тетя Женья осмотрелась и с удивлением спросила:

– А почему вся мебель здесь – у вас, что, ничего не конфисковали?

– Что ты, все более-менее ценное конфисковали, а остальное переписали и оставили здесь, и я расписалась за их целостность.

Мне бабушка постелила на диване, а они легли вместе на кровать и всю ночь разговаривали. Пока не заснула, до меня долетали отдельные фразы из разговора тети Жени и бабушки.

– Соболя ведь тоже посадили... Ему дали только три года, но его жену и дочь переселили из их квартиры в комнату в коммуналке, в том же доме, но этажом ниже.

– Происходит что-то совершенно непонятное, что же дальше будет?..

Совсем поздно постучала тетя Катя и тихонечко пробралась к себе. Утром мы проводили тетю Женю к поезду, потом бабушка позвонила с почты на свою работу и попросила разрешить ей оформить сегодняшний день за свой счет. Я в школу тоже не пошла.

Дня через два, под вечер, пришла к нам Анечка. Мы ее еле узнали – опухшая какая-то, печальная... Ясно было видно, что скоро у нее будет ребенок. Села и стала плакать. Оказывается, Михаила посадили из-за нее, а саму Анечку выселили из квартиры. Родители смилостивились и взяли ее к себе, даже отдельную комнату дали. Они жили в своем собственном просторном доме недалеко от военного завода имени Ильича. Но отношения в семье были холодными, и ей было тяжело. Она посидела с нами, поговорила, спросила о Кате. Они как-то сердечно относились друг к другу. Потом поднялась тяжело, и бабушка решила проводить ее до трамвая. Вернувшись, сказала мне:

– Вот ведь как бывает... Добрая, красивая, работающая, – а счастья нет... Как она теперь будет жить?

...Вот уже заканчивается вторая учебная четверть. Скоро опять Новый год, 1939-й. Бабушка вдруг решила, что совершенно необходима в нашей проходной кухне елка.

– Куда мы ее поставим и зачем?

– Буфет мы с Катей сдвинем, чтобы отгородить печку.

– Да буфет там загорится!

– Нет, я подальше поставлю. Я уже все измерила. Пусть у тебя будет елка, как у всех детей! Соседи, конечно, уедут на Новый год в деревню, ты позовешь девочек со двора, сделаешь игрушки. Немного купим магазинных, а конфеты у нас есть. Я вкусного чего-нибудь испеку. Пусть и у нас будет Новый год! Ты помнишь, как мы встретили 1937 год? Помнишь?! Папа увез тебя к себе в Красный Луч на елку к своему другу, мама ушла на елку на свою любимую фабрику, а я осталась одна в квартире, правда, тоже с елкой. Ну, и что получилось? Вся семья разлетелась кто куда...

Я стала вспоминать все свои елки... Их и было-то всего две. Раньше их вообще не разрешали, но когда-то, конечно, разрешали, а потом запретили. Первая разрешенная елка состоялась в канун 1936 года. Я тогда училась в первом классе в городе Красный Луч. Елки тогда устраивали только в школах и в детсадах. Игрушек покупных, особенно стеклянных, было очень мало – всего несколько зеркальных шаров. Остальные игрушки мы, школьницы, делали из бумажных стружек-лент, из цветных лоскутков, фантиков, яичной скорлупы. Очень много всяких зверушек и клоунов мы делали из яичной скорлупы! Но больше всего ма-

стерили цепи из цветной бумажной стружки. Колечко в колечко, и так несколько метров. Потом вожатые украшали ими елку. Когда все было готово, пришла какая-то комиссия елку эту принимать. И одна строгая

тетя в комиссии, взглянув на нашу красавицу-елку, воскликнула: «Как! Советская елка в цепях!!! Это невозможно! Немедленно снять все цепи!» Вожатые испуганно стали их снимать. Дети, конечно, все огорчились, но не сильно – все равно было весело!

А в канун 1937 года мы уже жили в Мариуполе, но папа работал еще в Красном Луче. Он повез меня туда на елку на электростанцию, начальником которой был его друг. Электростанция еще не полностью была достроена, но уже частично действовала. Елку установили в новом, еще не до конца обустроенном зале. Она была огромной – ее составили из нескольких елок поменьше. Украшена она была не игрушками, а множеством цветных электрических лампочек. Тогда это было в диковинку! Сверху, из каких-то балок, свешивались веревочные лестницы, из чего-то сделанная блестящая луна. Выступали артисты цирка – это было прекрасное представление! Я до этого ничего подобного не видела! Это была центральная елка для детей шахтеров всего города, и присутствие моего папы, секретаря Горкома, было обязательным.

А следующий, 1938 год, мы с бабушкой не отмечали вовсе, так как на нас обрушилось много беды и неизвестности... И вот сейчас бабушка хочет поставить хоть маленькую елочку. С увлечением мы с ней мастерили чудо-украшения! Елочку небольшую укрепили в ведре с песком, укрыли понизу белой простыней, присыпали мелко нарезанной цветной бумагой. Свечей ставить не стали – тесно и опасно. Пришли ко мне еще четыре девочки со двора, водили хоровод, танцевали, пели, ели вкусные пирожки и шикарные конфеты. Все вечером разошлись по домам, чтобы Новый год встретить в своей семье. Мы с бабушкой вдвоем встретили Новый год с надеждой на лучшее...

Бабушкины рассказы. Узнаю историю семьи

Вскоре после зимних каникул опять мы получили нелегальное письмо от мамы, где она сообщала, что здорова, благодарила нас за посылку и очень просила прислать еще пару таких же галош. Бабушка грустно улыбалась: «Ну прямо, как в сказке Корнея Чуковского – “...пришлите мне пару отличных калош”. Что она с ними делает? Скорее всего, не для себя...»

Мы часто сидели с ней, и она вспоминала прошлое. Я ведь ни о судьбе бабушки, ни о молодости моих мамы и папы ничего не знала, и мне все было интересно. Как-то бабушка рассказала мне о своем покойном муже, моем дедушке – Лазаре Анцисе. Он очень рано умер от аппендицита, оставив ее с тремя маленькими детьми, старшей дочке (моей маме) было тогда только четыре года. Работал мой дедушка механиком, был мастером «золотые руки». Чинил и ремонтировал по всей округе мельницы и всякое другое оборудование. Жили они в полном согласии и безбедно

по тем временам. Но после его смерти бабушка вынуждена была оставить детей у своих родителей и уехать на заработки в Одессу. Сначала работала по найму в богатых домах, потом в мастерской, где стегали одеяла, телогрейки. Уже позже удалось устроиться сначала посудомойкой, а вскоре и кухаркой в Еврейской больнице. Самый младший ее сынок умер, когда в местечке, где они жили у дедушки, была эпидемия. Двух старших – мою маму и среднего мальчика – она через пять лет взяла к себе в Одессу, когда начала работать в больнице.

Маму мою удалось устроить в еврейскую ремесленную школу для девочек-сирот, где она училась на белошвейку. Училась она очень успешно, поэтому, окончив школу, сразу устроилась в мастерскую по пошиву одежды.

Работая, сумела подготовиться и сдать экстерном экзамены за гимназию. По тем временам это было прекрасное образование для еврейской девушки, моя бабушка всегда говорила об этом с гордостью. Потом мои мама и бабушка работали вместе в больнице – мама работала в регистратуре.

А потом началась война мировая, а за ней революция. Средний сын бабушки, Иосиф, умер в 1918 году во время эпидемии. Я спрашивала бабушку и о папиной семье. У них в семье тоже было много потерь. Семья была многодетная. Несколько детей умерло во младенчестве. Мой папа был вторым сыном в семье. Глава семьи Иосиф, мой второй дед, сапожник, работал на дому. Жили очень трудно. Все дети мало учились, так как рано приходилось начинать работать. Мой папа не окончил даже начальную школу, но всегда просто мечтал об учебе.

– Бабушка! Папа всегда говорил, что у него было много братьев и сестер, а я знаю только его маму, бабушку Малку, двух сестер – тетю Лизу и тетю Аню, да двух братьев – дядю Сему и дядю Милю. А были еще?

– Да, были... Его старший брат Исаак погиб еще в

начале 1918 года в Красной гвардии, защищая Одессу от белых. Ольгу, его сестру, убили тоже во время гражданской войны. Это страшная история, я тебе когда-нибудь потом расскажу. Вторая сестра, Мина, умерла от «испанки» тоже в 1918-м. Отец их все это не смог выдержать, сильно заболел и в 1920 году умер.

– Твой папа остался самым старшим в семье, и все заботы легли на его плечи. Ведь Миле было только четыре, Семе – шесть, Ане – восемь, а Лизе – десять лет. Какая уж там учеба! Работал он рабочим на канатной фабрике. Но во время гражданской войны участвовал в подполье, ему поручали отправку оружия в красные партизанские отряды. Это уже потом ему стали поручать более ответственную партийную работу. В 1923 году папа с мамой поженились и уже вместе стали заботиться о его семье. Твой папа всегда мечтал учиться, очень хотел стать журналистом, любимым занятием всегда было чтение. Но сначала пошла учиться твоя мама в Академию, потом никак не могли соединиться, чтобы жить в одном городе, а вскоре и вовсе беда случилась... Вот так. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь...

– Бабушка, а как ты-то оказалась в подполье?

– А я и не знала, что я в подполье... Мы с твоей мамой работали в Еврейской больнице, а наш главврач сочувствовал красным, так как белые всегда устраивали еврейские погромы. Он разрешал раненых красноармейцев класть в еврейскую больницу, не спрашивая их о национальности.

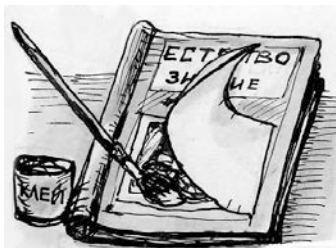
– Одесса без конца переходила из рук в руки. Когда приходили белые, то в больнице расстреливали раненых красноармейцев прямо в кроватях. Тогда мы, несколько женщин из obsługi, стали прятать их в комнате, где складывали грязное белье. На дверь повесили объявление: «Грязное белье. Опасно! Тиф! Вход воспрещен!» И никто не заходил – откроют дверь, увидят кучу белья и быстро уходят. Так за два с половиной года мы многих красноармейцев спасли. А когда в 1920 году пришли красные окончательно, то нам объявили благодарность за работу в подполье и всех приняли в партию большевиков. Вот так было дело. Мы, конечно, очень этим гордились...

Четвертый класс. Первые экзамены

Прошла зима, скоро закончится еще один учебный год без папы и мамы. В четвертом классе экзамены. Ведь это окончание начальной школы. Нас предупредили, что слабых учеников переведут в ремесленное училище. Все усиленно готовятся, Марья Борисовна очень за нас всех переживает. Оставляет тех, в чьих знаниях сомневается, после уроков, а если нет свободных классов, то даже домой к себе водит и там с ними занимается.

В этом году самым важным предметом объявили историю. Экзамен этот будет первым. В течение года в учебнике истории без конца заклеивали портреты «врагов народа». К концу года выдали нам новые книжки, а прежние у всех отобрали. А на обложке учебника по естествознанию всех заставили заклеить белым листом картинку, где был изображен комбайн, косящий пшеницу. Там обнаружили, что гусеницы трактора, тягача комбайна, состоят из штрихов, напоминающих фашистские знаки.

И вот первый экзамен по истории. Все одеты нарядно. На мне белое полотняное платье с красивой вышивкой. Я из него уже выросла, и бабушка отпустила немного подол. Но все равно коротковато, и я немного стесняюсь. Все подходят к столу и тянут билеты. Потом, когда нас вызывают к доске, отвечаем. Все отвечают очень хорошо – потрудились Марья Борисовна. Рядом с ней сидит завуч – строгая тетя с мужским лицом, коротко стриженная под скобку. Она никогда не улыбается, и мы ее очень боимся.

Дошла очередь и до меня. Я отвечаю на все вопросы, Марья Борисовна ободряюще мне кивает. Закончила я по билету, и завуч стала задавать мне дополнительные вопросы, еще и еще. Я отвечаю. Марья Борисовна стала почему-то волноваться.

Потом они между собой переговорили, и наша учительница говорит мне:

– Молодец! Отлично!

Я улыбаюсь во весь рот. Вдруг завуч начала на меня кричать:

– Что ты смеешься? Надела платье до пупа и смеется!

Я ничего не понимаю, стою, растерявшись.

– Ну что стала? Сдала и иди!

И я пошла... Вышла из класса и разревелась. Иду и реву, не могу успокоиться. Недалеко от дома меня встретила бабушка.

– Что случилось? Ты не сдала экзамен?

– Сдала...

– А что получила?

– Отлично...

– А почему же ты плачешь? Ну ладно, пойдем домой, там расскажешь.

А я и дома ничего не могу рассказать, реву, и все... Немного успокоившись, рассказала о том, что произошло. Бабушка молчала, а вечером сказала:

– Не волнуйся, ты молодец! Наверное, завучу запретили тебе ставить «отлично», но она не совсем, видимо, совесть потеряла, а сама боится.

Благополучно прошли экзамены – диктанты по русскому и украинскому языкам, а также по арифметике. Все – учебный год окончен! Накануне последнего родительского собрания, где должны быть все – и дети, и родители, бабушка принесла к нам домой большой букет роз для Марии Борисовны. Поставили его пока в ведро с водой. Мы с бабушкой принарядились и пошли на это собрание с букетом. Цветов было очень много, и все поставили их в ведра с водой в классе. Марию Борисовну все любили и уважали. Она была растрогана, ведь это ее последний выпуск, так как она

	I	II	III	IV	V
МАТЕМАТИКА	—	—	4	5	5
РУССКИЙ ЯЗЫК	—	—	4	5	5
УЧЕНИК	—	—	4	5	5
ИСТОРИЯ	—	—	5	5	5
ФИЗИКА	—	—	—	5	5
ТРУД	—	—	4	—	4
РУССКИЙ ЯЗЫК	—	—	5	—	5

выходит на пенсию. Сказала, что на второй год никто не остался, все дети старались, хотя, конечно, всякое бывало. Сначала вызвала двух наших отличниц – Еву Азархину и Валею Ляшенко. Они подруги, живут в одном доме и обе прекрасно учатся. Вышла сначала Ева, тоненькая, смуглая, с длинной косой и карими глазами. Вручила ей Мария Борисовна похвальную грамоту – все хлопали. Потом так же хлопали Вале – крупной, русоволосой, с круглым добродушным лицом. Затем по алфавиту вызывали остальных и вручали всем аттестат об окончании начальной школы. Бабушка сияла – у меня только две оценки «хорошо», остальные «отлично». Вдруг в класс входят директор школы и завуч. Они обходят все четвертые классы школы, а их три. Завуч сказала, что директор хочет попрощаться с нами, так как и он уходит на пенсию. Все встали, хлопают. Мария Борисовна вручила директору большую охапку цветов, и на этом собрание закончилось.

Вот и наступило лето.

Я опять отдыхаю в том же пионерском лагере, что и в прошлом году. У меня здесь есть друзья. Да еще в этом году здесь работает художественный кружок. Я очень этому рада, так как люблю рисовать. С нами занимается настоящий художник, говорят даже, что очень известный. Он французский коммунист. Правда, он почти не говорит по-русски. Так, кое-что, и то непонятно...

Пожилой, высокого

роста, с довольно длинным носом, и очень какой-то не наш, что ли... В серой свободной то ли рубаше, то ли куртке, в полосатых длинных носках и остроконечных туфлях. На шее яркая косынка. Брюки чуть ниже колен, на манжетах. На голове что-то вроде кепочки с отворотами и очень длинным козырьком. В общем, иностранец! Он назвал свое имя, но мы не запомнили и

стали называть его «мусье». Он сначала удивленно поднимал брови, а потом привык к нашему «мусье». Ставил он нам длинную скамейку на горке, так, чтобы и море, и все вокруг было видно. Мы приносили с собой табуретки, альбомы, карандаши, краски и дощечки с бортиками, тем усаживались на скамейку, дощечку упирали в табуретку и начинали рисовать. «Мусье» обводил рукой вокруг и говорил: «Рисуй!» К каждому подходил и показывал, как надо делать. Сказать-то он нам ничего не мог, кроме «рисуй» и «карашо». А сам ставил рядом свой мольберт и рисовал и нас, и море, и все вокруг. Мы рисовали и зачарованно смотрели, как рисует «настоящий» художник. Мне было очень интересно, и я с удовольствием ходила на его занятия.

А еще «мусье» учился русскому языку у нашей библиотекарши и повсюду ходил со словарем, карандашом и тетрадкой. К концу нашей смены он уже мог разговаривать, немного коверкая слова. Особенно в ударениях. Всем детям он очень нравился, но сам всегда был какой-то грустный.

Время в лагере пролетело очень быстро, и вот уже прощальный костер. Потом был еще городской лагерь, так и прошло уже

третье лето без папы и почти два года без мамы.

Однажды на стенде на городской улице я увидела ужасный плакат, на котором был нарисован не то червяк зеленый, не то человек, весь зажатый в огромной руке, сунутой в колючую рукавицу. И написано было что-то вроде «ежова рукавица для врагов народа». Меня как будто током ударило – я восприняла это в адрес моих родителей, и стремглав убежала от этого страшного видения, но на всю жизнь за-

помнила фамилию художника – Борис Ефимов. Дома я рассказала об этом бабушке, она не удивилась и сказала, что тоже видела это, но ничего не сказала мне в надежде, что этот плакат снимут раньше, чем он попадетя мне на глаза.

Пятый класс: новые проблемы

В Мариуполе всегда были, кроме русских и украинских, еще греческая, еврейская и немецкая школы. К концу лета по городу поползли слухи, что в греческой школе нашли расклеенные по стенам антисоветские прокламации, которые случайно были обнаружены уборщицей. А потом стали шептаться, что в немецкой школе нашли бомбу, а в еврейской еще что-то такое же ужасное. Никаких сообщений ни по радио, ни в газетах не было. Потом все узнали, тоже без оповещения, что все три школы закрываются, а детей переводят в разные русские школы.

К моему дню рождения дома нас ждал сюрприз – извещение о посылке от тети Жени из Москвы и письмо с красивой открыткой от папиной сестры, тети Лизы. Мы сразу побежали на почту и принесли посылку. В ней были конфеты в такой же коробке, в какой папа всегда привозил конфеты маме и мне из командировок. На этой коробке был изображен бегущий, почти парящий золотой олень. Еще в посылке были конфеты россыпью, хорошее печенье, красивые носочки с цветными каемочками и новые детские книги Гайдара. Вот это был праздник!

А на следующий день мы получили поздравительную открытку от мамы, но опять без обратного адреса. А от папы – ничего...

Лето кончилось, и наступил день переключки в школе. Внутри школьного двора на заборе были прибиты щиты с номерами классов, а под ними списки учеников. Нашла я свой пятый «Б». Очень длинный список – сорок шесть учеников! Да, я в этом списке. Рядом группками стоят прежние ученики класса и новые – несколько греков и несколько немецких детей. И еще двое всем нам знакомых из прежнего пятого «Б» класса – втородников.

Со всеми нами здоровается молоденькая девушка, очень стройная, с короткой стрижкой, острым носиком и довольно крупным подбородком. Глаза перебегают от одного из нас к другому – считает... Потом вдруг зычным голосом командует: «Всем построиться! Я ваш классный руководитель, я буду вести у вас физкультуру. Зовут меня Зоя Ивановна».

Мы, толкаясь, стали выстраиваться в ряд. З.И. решительно нас перестраивала, пока не расположила всех по росту. Впереди оказался верзила-второгодник, за ним, по убывающей, вперемешку мальчики и девочки. Затем З.И. так же зычно призвала: «Мальчишки – два шага вперед!» Мальчишки испуганно и послушно сделали два шага. Потом новая команда: «Обеим шеренгам сомкнуть ряды!» Мы не поняли, что должны делать. Тогда она прошла перед шеренгой, бесцеремонно подталкивая нас друг к другу. Получилось, что мы все стоим по росту, мальчики и девочки отдельно, в две шеренги. Сама она встала перед нами и начала выкликать по списку каждого по фамилии и ставила галочку. Так сразу она нас пересчитала, измерила и указала раз и навсегда каждому его место в построении. «Учиться мы будем во вторую смену, с двух часов дня. Класс наш находится на третьем этаже. Первого сентября всем надо прийти к часу тридцати, я сама расскажу вас по партам».

Мне стало как-то неуютно, не понравилась мне наша классная... Дома я бабушке все рассказала.

– Какой-то командир полка – нос до потолка, а не учительница. Наверное, очень вредная!

– Ну, ты уж потерпи, слушайся ее, – сказала бабушка.

Первого сентября мы пришли к часу тридцати, никто не

опоздал! Весь класс был заставлен партами очень тесно. Она поставила нас по росту, отдельно мальчиков и девочек, и стала сажать за каждую парту девочку и мальчика. Поскольку девочек было больше, я оказалась с гречанкой Дорой за одной партой. Очень обиделись две наши отличницы, Ева и Валя, так как они всегда сидели вместе, отлично учились и никому не мешали, а теперь они оказались далеко друг от друга – на разных рядах!

Первым у нас был урок русского языка. Вела его средних лет учительница, Тамара Сергеевна. Когда очередь дошла до второгодников (они были рядом в списке), то она, смеясь, сказала, что с этой прелестью знакома. Пашка Пинчук – здоровенный, с клокастой светлой шевелюрой, и Колька Пятаков – маленький, юркий, с маленькими бегающими черными глазками.

В дальнейшем они очень мешали всем учиться. Учителей по математике, русскому и украинскому языкам они боялись и сидели на их уроках спокойно, а на остальных творилось светопреставление! И все это было из-за фокусов нашей классной Зойки, которую мы так называли за глаза, потому что перестали ее бояться и уважать. Она управляла классом с помощью Пинчука и Пятакова. То они кого-то избобьют, то разорвут одежду, то отнимут портфель. Все это понимали, но никто из учителей не хотел брать над этим классом руководство. Получалось, что заменить Зойку некем.

У нас долго не было уроков по иностранному языку. Потом нам объявили, что будем изучать французский. И вот однажды пришел к нам в класс новый педагог. Я так и обомлела – «мусье»! Он появился в хорошем темном костюме, при галстуке. Совсем не в такой одежде, в какой ходил в пионерлагере. Прошел к столу, положил журнал, все ребята встали.

– Бонжюр! Асеевú!

Это значит: «Здравствуйте! Садитесь!» И вдруг с задней парты заржали в две глотки, ну буквально заржали: «Бонжюра!

Бонжюра! Асееву!» Это, конечно, они, Пашка и Колька, никак не успокаиваются, кривляются. В класс вошел на шум новый директор школы, молодой человек, взял этих двух за шкуру и вытащил в коридор.

Но так было только в первый день, а дальше уроки французского, да еще и рисования, которые он тоже вел, превратились в ад для всего класса и для «мусье». Его уроки были всегда последними и шли уже при электрическом освещении. В него летели бумажные голуби, стоял ужасный шум, и иногда даже выключали свет эти два балбеса. Мне даже расхотелось ходить в школу.

Кончалась первая четверть – скоро самый большой праздник в стране: день Октябрьской революции! Зойка пригласила к нам на урок какую-то знатную работницу, чтобы она рассказала про этот праздник. После уроков – сбор. Все пришли в пионерской форме. Открылась дверь, и в класс вошла маленькая остроносая женщина с черными глазками-пуговками. Зойка сказала, что это почетная работница швейной фабрики товарищ Синичкина. Я аж поперхнулась. Ну да, это та самая Синичкина, о которой моя мама, когда она была директором фабрики, рассказывала, что перед каждым праздником та заявлялась к ней и парторгу и требовала, чтобы ей дали рассказать «про Сталина». Парторг вежливо говорил ей, что уже назначен человек для выступления. На что она визгливо кричала: «Вы что, не разрешаете рабочему человеку рассказать про Сталина?» Все пугались и говорили: «Ну ладно, напишите, что вы хотите сказать» – «Нет, это вы мне напишите, что надо сказать, потому что я малограмотная, но хочу рассказать про Сталина!» И чтобы отвязаться, ей стали писать, и она почти совсем перестала работать и только этим и занималась, и сейчас тоже пришла к нам выступать с рассказом про Сталина.

Я опустила голову, чтобы меня она не узнала. А то вдруг она запомнила меня с мамой на демонстрации. Я же ее запомнила...

Но она не обратила на меня внимания, прочла свою речь по бумажке и ушла. Дома я бабушке все рассказала...

Бабушка забеспокоилась и стала меня уговаривать, чтобы я ни во что не вмешивалась, вела себя очень тихо, так как у нас и без того много бед. Все это, конечно, так, но было мне как-то тревожно все время. Несмотря на это, отметки у меня были очень приличные по всем предметам, кроме физкультуры. Я все выполняла не хуже других, но получала только «посредственно». Меня Зойка вовсе не замечала, как будто меня нет.

С соседями жили мирно, хотя у нас была совсем разная жизнь. Они спокойно жили, работали, учились, а нам было очень неуютно и страшно. Подружилась с Ваней, хотя он был намного младше меня. Его бабушка, мама, папа и братик Митя тоже хорошо к нам относились.

Наша комната-кухня была очень холодной и сырой. Сильно дуло снизу, а под окном всю зиму не просыхало мокрое пятно. Но самое ужасное было то, что уже несколько месяцев мы не получали известий от мамы. Мы даже не знали, получает ли она наши посылки и письма. А от папы вообще не пришло ни разу ни одной весточки. Где он? Так и жили. Голодными не были, потому что в Мариуполе рыба и овощи были очень дешевыми. Конечно, мясо, масло и сахар мы покупали очень экономно. Но хлеба было вдоволь. Бабушка говорила: «Ничего! Грех жаловаться, бывает и хуже!»

Финская война. Посылка от мамы

Вот и 1 декабря 1939 года. В этот день каждый год объявлялся траур по товарищу Кирову. Вечером по всей стране выли сирены, гас свет на одну минуту, и все вставали. Так было и у нас в школе. Как раз шел урок «мусье». На задней парте мальчишки курили и играли в карты. Погас свет, завывала сирена, мы все встали. И вдруг что-то обо что-то ударилось, и сразу раздался стон. Когда зажегся свет, все увидели присевшего на стул «мусье» с окровавленным лицом. Все вскочили. Крик! Шум! Прибежали учителя и директор, вызвали скорую помощь, и сразу же стали искать Пинчука и Пятакова! А их и след простыл. Когда дома я бабушке рассказала обо всем этом, она спросила:

– А кто их родители? Они что, совсем без присмотра? Очень бедно живут?

– Ну что ты, бабушка, они у нас самые богатые, потому что только у них есть суконные костюмы и очень хорошие ботинки! А у Пинчука есть даже часы! А родители у них никакие не начальники: у Пятакова отец работает сторожем на кладбище, а у Пинчука – швейцаром в центральном ресторане. Его почему-то называют вышибалой.

– А! Тогда понятно, почему они себя так ведут!

Но мне ничего не было понятно. После этого случая Пинчук больше в школе не появился. Говорили, что его отправили в колонию. Пятаков отсутствовал две недели, а потом пришел, тихий, и сидел на уроках молча, даже начал учиться. «Мусье» болел целый месяц, а потом вернулся, какой-то несчастный. Об этом случае никто больше ничего не говорил.

Как-то раз, на одном из уроков рисования, «мусье» протянул мне листок с направлением в кружок ИЗО (изобразительного искусства) во Дворец пионеров, но я туда не пошла, так как после ареста мамы я вообще ни разу не была во Дворце пионеров. Я не могла туда пойти, и даже смотреть на этот Дворец не могла, а

пробегала стремительно мимо. И даже когда весь класс туда шел организованно на какой-то спектакль или еще что-нибудь, я под любым предлогом отказывалась. Так и сейчас, взяв эту бумажку, я туда не пошла. «Мусье» меня спрашивал, была ли я там, а я отрицательно качала головой. И он больше не стал спрашивать об этом.

Зойка не была больше нашей классной руководительницей, вела только физкультуру, и то без всяких фокусов. Незадолго до этих событий наша учительница по истории – пожилая, полная седая женщина – Софья Александровна ушла на пенсию. Вместо нее пришел молодой педагог, подтянутый и энергичный, Юрий Алексеевич. Он очень увлекательно вел уроки. Все с интересом слушали. Через некоторое время его назначили нашим классным руководителем. Мы все были рады.

Как раз в это время началась Финская война. И хоть шла она далеко от нашего города, а откликнулась и у нас. Хлеб стали выдавать по спискам. Нормы были хорошими, и всем хватало. Только велели сшить холщовые мешочки, по два на каждую семью, с пометкой фамилии и адреса. Все сдавали в домоуправление эти мешочки и деньги, а утром по списку там же получали хлеб. Все успевали получить его до работы. Нам с бабушкой хватало и на еду самим, и на сушку сухарей для мамы. Посылки посылали мы ей каждый месяц. Но с другими продуктами было хуже. В магазинах выстраивались огромные очереди за маслом, сахаром, крупами, макаронами. Выдавали все по определенным нормам в одни руки, но никаких карточек не было.

Нас выручала тетя Катя. Она покупала для нас в своем буфете все продукты, хотя там стоили они до-

роже. И то хорошо! Вскоре тетя Катя и Женя поженились. Свадьбу справили в своей военной столовой. Теперь они ходили веселые и счастливые, хотя жить им было негде. Женя был на казарменном положении, но их часть должны были перевести в другое место, и они ждали переезда. И действительно, Женя уехал со своей частью куда-то, а тетя Катя пока осталась в Мариуполе до получения жилья для них на новом месте. Бабушка и Катя очень уважали и доверяли друг другу, жили как одна семья.

Вот и декабрь, скоро опять Новый год, 1940-й! Решили мы с бабушкой встретить его так же, как и прошлый, с маленькой елочкой. Так и было. А после Нового года вдруг пришло извещение о посылке от мамы! Я уже была на каникулах и сразу побежала на почту с бабушкиным паспортом и стала упрашивать, чтобы мне ее выдали по моей подписи. Нас на почте хорошо знали, и мне выдали эту драгоценную посылку в мягкой упаковке. А там! Красивая желтенькая шелковая кофточка, вышитая гладью, и вязаная, тоже вышитая, тубетейка для меня и письмо, в котором она сообщает, что в лагере разрешили переписку и еще

разрешили из отходов производства изготовить детские вещи и послать их своим детям. Вот такая посылка и пришла к нам. Ура! Я так обрадовалась, что дома напялила кофточку на себя, даже не погладив ее, и помчалась в фотомастерскую,

только взяла из шкатулки деньги, отложенные на еду. Там сняла пальто, шапку, надела на не расчесанную голову тубетейку и в таком виде сфотографировалась, чтобы побыстрее маме **фотографию** послать.

Когда бабушка пришла с работы, я показала ей письмо и посылку и сказала, что уже сфотографировалась в этом одеянии. Бабушка очень обрадовалась письму, а мне сказала, что я молодец.

Но через неделю, когда я принесла фотографию, она ужасно на меня рассердилась: «Ты что, причесаться не могла, а кофточку почему не погладила? Ну как такое посылать фото?» Долго она мне выговаривала, что с ней бывало очень редко. Я совсем расстроилась. Но потом мы, конечно, помирились. Мы маме сразу же написали письма и отправили их с этой фотографией. Я маме написала, как все получилось, и извинилась за мятую кофточку. Я просила ее, чтобы она не обижалась на меня. И послали ей еще посылку с продуктами.

Это все случилось в то время, когда сняли Ежова, а вместо него назначили Берию. Но вскоре и письмо, и посылка вернулись обратно с приписками: «Адресат выбыл». Как? Куда? Мы в ужасе! Что произошло? Где мама? И только через два месяца, два жутких, тревожных месяца, мы получили письмо от мамы совсем из другого места. В письме мама сообщила, что сразу после разрешения переписки начались какие-то административные изменения в лагере. Кого-то освобождали совсем. Кого-то куда-то отправляли. Неожиданно, без всякого предупреждения, маму вызвали с вещами, и с еще несколькими женщинами отправили

этапом в ссылку. Им объявили, что дела их пересмотрены, срок восемь лет лагерей заменен на пять лет ссылки.

Ехали они в Красноярский край этапом вместе с уголовниками. Но по дороге уголовницы отобрали у них деньги и продукты, выданные им на дорогу и обустройство. Деньги были небольшими, но без них они очень бедствовали. В Красноярске их рас-

пределили по разным местам этого края отбывать ссылку. Маму отправили в поселок Большая Мурта. В первый день ей повезло остановиться на несколько недель в большой семье. Ее выручило умение шить, так она и переходила из семьи в семью, где были швейные машинки. Мама шила для них, а ее за это кормили и разрешали ночевать, пока она работала у них.

В письме мама просила прислать ей сухарей, комбижир, немного сахара и пшено. Очень извинялась. Ни жилья постоянного, ни работы у нее не было, так как там было полно ссыльных, и все они искали работу и жилье. Мы поняли, что мама в беде, и стали ей посылать по две посылки в месяц. Потом она написала, что устроилась на работу в гончарный цех, там же и ночует. А вот от папы так ни одной весточки ни разу и не получили...

Мы с бабушкой нашли на карте этот поселок Большая Мурта. Ужас! Это где-то в Сибири, очень далеко. (Много лет спустя, уже в период перестройки, я прочла где-то, что в 1942 году в поселке Большая Мурта Красноярского края в тамошней больнице умерла от голода жена известного советского разведчика

Зорге. Она была там тоже в ссылке, как и моя мама.)

Но наша жизнь шла своим чередом. Вот и третья четверть подходит к концу. Хорошо, что в классе стало намного спокойнее. Но вот сообщили нам, что школу нашу занимают под госпиталь для бойцов, раненных в Финскую войну. Нас перевели в школу № 18. Это небольшая двухэтажная школа-семилетка. Мы теперь будем учиться в третью смену. Школа эта находится очень близко от нашего дома – через дорогу, чуть наискосок. Теперь прихожу домой совсем поздно.

Однажды, придя из школы, вижу у нас Женю, мужа тети Кати. Он приехал за ней. Ему дали комнату в квартире для командиров Красной армии. Это на самой границе, где-то в Западной Украине. Через день они уезжают. Катя ждет ребенка, поэтому Женя сам за ней приехал. Ух, какой он бравый, высокий, красивый, в новой командирской форме! Улыбается и протягивает мне длинную узкую коробочку и какой-то маленький пузырек: «Это тебе подарок от всех нас на память». Я осторожно открываю коробочку. А там блестит и искрится авторучка с каким-то желтым пером. Я даже не знаю, что сказать от волнения. «Спасибо! Спасибо!» А сама удивляюсь тому, что это у меня такая красивая авторучка. Авторучки были лишь у единиц на всю школу, а такой я даже и не видела никогда! Бабушка, глядя на меня, говорит: «Успокойся, убери ее подальше, в школу брать не надо, будут завидовать, а это последнее дело». Но я успокоиться не могу. Верчу ее, взяла листок бумаги и стала что-то писать. Женя и Катя смеются, показывают мне на пузырек: «Это чернила запасные для ручки». После этого проводили мы Женю и Катю. Хорошие они люди! Бабушка и Катя даже всплакнули при прощании.

Демонстрация 1 Мая 1940 года. Болезнь. Санаторий

Вот и весна! Скоро праздник 1 мая! За неделю или две до него наши соседи уехали на выходной день в деревню. Ночью бабушка возилась у плиты, что-то пекла. Утром, перед завтраком, ставит на стол белую красивую тарелку с какими-то круглыми тонкими, с золотистыми пузырьками то ли лепешками, то ли блинчиками. Я осторожно беру один, а он не мягкий, тверденький такой. Откусываю хрустящий кусочек. Бабушка на меня смотрит, а у самой на глазах слезы:

– Ты его ломай, это маца, еврейское кушанье. Сегодня Песах, еврейская Пасха. Только никому не говори об этом и не угощай никого. Покушай дома.

Я ее прошу разрешить мне отнести хоть две кругляшки девочкам Фридкиным, они ведь тоже евреи, и у них недавно тоже арестовали папу. Но бабушка категорически запрещает это делать:

– Я не могу тебе этого разрешить, так как боюсь, что тебя у меня отберут. Я ведь расписку дала в том, что буду воспитывать тебя по-советски.

Сразу все настроение испортилось. Так вот и живем в страхе.

Наступил праздник 1 Мая! Все школьники, начиная с пятого

класса, идут на демонстрацию. Вот и я шагаю в общей колонне! У нас у всех что-то в руках – воздушные шары, большие, яркие, бумажные цветы, «серпимолоты» на палочках, блестящие на солнце, портреты наших вождей. Идем, поем песни. Вроде бы весело, но мне почему-то

очень трудно идти, еле ноги передвигаю. С трудом прошла весь путь, подошла к своему дому, еле взошла по лестнице на наш этаж, вошла в нашу кухню и прямо свалилась на диван. Бабушка встревожилась: что такое? Приложила руку к моему лбу: жар! Смерила мне температуру: 39 градусов! Что делать? Ведь праздник! Оставила меня одну, ведь соседи в деревне, а тетя Катя уехала. Бабушка побежала к Морису Самойловичу. И тот пришел! Он посмотрел меня, послушал и вынес диагноз: «Двухстороннее воспаление легких». Меня уложили в постель. Врач сделал какой-то укол, дал что-то выпить, прописал еще лекарство и ушел. Бабушка побежала в дежурную аптеку, благо, что это близко. Второго мая – нерабочий день, бабушка дома. А с третьего мая Морис Самойлович обещал прислать сиделку.

Так все и было. Целую неделю меня выхаживала какая-то очень пожилая женщина, значительно старше моей бабушки, но опытная медсестра и довольно подвижная. Бабушке пришлось ходить на работу, так как очень много появилось расходов из-за моей болезни. Но соседи уже приехали, да и сиделка с утра была возле меня: ставила банки, давала лекарства, делала какие-то растирания. И я стала выздоравливать. Через неделю к Морису Самойловичу уже сама пошла. Он послушал меня и сказал, что у меня осложнение в левом легком, и это очень серьезно.

В артели инвалидов оказалась одна «горячая» детская путевка в специальный санаторий в Одессе. Бабушке ее дали для меня по очень небольшой цене. Надо ехать, но у меня экзамены за пятый класс! Но все **обошлось**: **меня от экзаменов освободили** и дали свидетельство

о переводе в шестой класс с очень хорошими оценками.

Я еду в Одессу! Все произошло так быстро, что мы с бабушкой не успели даже опомниться. Нас, пятерых детей из Мариуполя, повезла чья-то мама. Без осложнений доехали. Сошли с поезда, а нас уже ждет санаторный автобус. Приехали в санаторий, и я прочитала его название: «Санаторий имени 518». Что это значит? Какого имени? Кто эти 518? Комиссары? Но что-то уж очень много! Меня замучили эти вопросы. Но это на потом. А пока нас повели к врачам. И мне сразу запретили купаться в море, так как вода еще не очень теплая. Все купаются, а я сижу на берегу. Нет-нет, а искупнусь тайком. Ну как можно сидеть у моря и не искупаться?!

Через день пошла в библиотеку и спросила у библиотекарши:

– Кто такие 518?

Она не сразу поняла, о чем я ее спрашиваю. А когда поняла, то и сама заинтересовалась. Через несколько дней, когда я пришла менять книгу, она, смеясь, мне говорит:

– Это не кто, а что. Это 518 пудов сахарной свеклы собрал какой-то не то колхоз, не то совхоз. Но это сельскохозяйственный рекорд, вот и назвали этот санаторий «Имени 518», так как его как раз тогда открыли.

Я разочарована! Говорю ей:

– А я думала, что это подвиг какой-то!

А она мне:

– А это и есть подвиг!

Я взяла у нее почитать книгу «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара. Книга мне очень понравилась, так как многое там было из моих переживаний.

В один из дней я увидела на дверях дирекции объявление о приеме детей в кружок лепки, и там было написано, в какое время и в какой день будет первое занятие. Я, конечно, пошла. Вела кружок немолодая худощавая женщина, Роза Исаковна. Без всяких вступлений сразу повела нас вдоль берега моря. Потом по тропинке поднялись немного на возвышенность.

– Вот тут очень хорошая зеленая глина, – вынимает из своей большой сумки мешочки из клеенки и маленькие, но острые лопатки. – Сейчас накопаем глину, а в санатории замочим ее в ведрах. А завтра будем эту глину месить. Я вас этому научу».

Мы все сделали, как нам сказала и показала Роза Исаковна.

Весь следующий день мы месили и мяли глину. Долго так месили и мяли, пока она не стала мягкой, гладкой и перестала липнуть к рукам. А потом из нее мы лепили разные фигурки, кто что хочет. Ловкими своими руками Роза Исаковна показывала нам, как все это делать. Очень интересные были занятия! На берегу моря мы собирали разноцветные камешки и ракушки. Вдавливали их в свои творения, как каждый это понимал. После высушивания мы раскрашивали наши изделия. Роза объясняла нам, советовала, но сама не трогала наши работы. Какие же красивые получились фигурки! Мы все сделали по две вещи, так как больше не успели. Одну из них, по нашему выбору, нам разрешили увезти с собой, а вторую мы оставили в санатории для выставки. У меня получился красивый олень с рогами из длинных узких ракушек и еще смешная такая собачка. Оленя я решила взять с собой домой. Быстро время пролетело, и вот уже надо уезжать... Хороший отдых в этом санатории. Жаль только, что здоровье мое не улучшилось, кашель не прекращался.

Вот снова вокзал, поезд, и мы дома. Я с восторгом рассказывала бабушке, как отдыхала, а она грустно так на меня смотрела и совсем не радовалась, так как лучше мне не стало, и я продолжала кашлять. Остальную часть лета провела я дома, без конца навещая поликлинику: то рентген, то анализы, то банки, то еще что-нибудь. Меня записали в очередь в санаторий

при туберкулезном диспансере в Мариуполе. Эта очередь подойдет только в начале 1941 года. Придется ждать. Бабушка ужасно переживает, так как боится, что закрытая форма болезни может перейти в открытую. Варит мне какую-то противную бурду с жирами, с какао и медом. Приходится есть как лекарство.

А тут еще для меня ужасное огорчение. Возвращаясь из поликлиники, я, как всегда, остановилась у витрины фотомастерской. А там, в углу, где была наша с папой фотография, – пустое место! Все остальные фото висят, как и висели, а нашей фотографии нет. Я стою и не могу сойти с места, как прилипла. Потом заставила себя уйти, а слезы сдержать не могу. Это значит, что кто-то узнал моего любимого папу и донес куда надо. В Мариуполе папа никогда не работал, и его мало кто знал, но вот нашелся же! Очень больно и обидно. Где же папа? Где же он? Ни разу ни одного письма не пришло...

Всю дорогу до дома я вспоминала папу. Ведь так мало он бывал дома, всегда приходил очень усталый, но неизменно веселый и доброжелательный. Но сейчас мне вспомнился случай его гнева. Бабушка рассказывала, что очень редко он выходил из себя, и то лишь при какой-то несправедливости по отношению к людям. А я помню, как это случилось из-за моего поведения. Однажды, в первом классе, я подралась с одним мальчишкой, по моему, очень противным, за то, что он обидел одного мальчика, маленького и тихого. Обидчик был рослым и сильным, намного сильнее меня, но я его толкнула, и он от неожиданности упал и ударился головой о парту, стал реветь и орать, что я его побила. Пришла учительница и сказала, что поговорит с моим папой. А я сдуру ей сказала: «А мне ничего не будет, потому что мой папа секретарь Горкома!» Она позвонила, конечно, папе и все ему рассказала. В этот день он пришел раньше обычного, очень серьезный, даже злой, и спросил меня, так ли было дело и говорила ли

я такие слова. Я утвердительно кивнула головой. Он, вроде спокойно, взял меня за руку и повел в нашу с бабушкой спальню. Закрыл дверь, снял свой ремень и три раза полоснул меня ниже спины. Я даже заплакать не успела от неожиданности, хотя было больно. «Запомни раз и навсегда, что у тебя есть папа, который тебя очень любит, но у тебя нет секретаря Горкома! Я тебе только папа!» Мне было больно, но я молчала, потому что он был прав. После этих слов он ушел из нашей комнаты в свою и больше не выходил до самого вечера. Даже ужинать не стал. Так сильно переживал! Ведь он меня никогда, никогда, ни до этого, ни после не только не бил, но даже грубого слова я от него не слышала!

И еще один случай произошел вроде бы тоже из-за меня, на моих глазах. Мы тогда жили еще в Красном Луче, в начале лета 1936 года, а мама уже работала в Мариуполе. У нас тогда гостила папина любимая сестра, тетя Лиза, со своим маленьким сынишкой Вовой. Как-то днем, вдруг, к нашему дому подъехала бричка. В ней сидели двое мальчишек и женщина лет тридцати. Они сняли с брички что-то и постучались к нам в калитку. Это оказалась заведующая детским домом, что находился за городом, и дети из этого детского дома. Они поставили у нас во дворе очень красивый деревянный детский столик, весь разрисованный, и такой же стульчик к нему. На столик поставили глубокую тарелку, полную малины. Сказали, что это подарок мне, так как папа очень много сделал для их детского дома! А столик сделали дети. Мы сказали им спасибо, и они уехали.

Когда к вечеру папа пришел и все это увидел и услышал от нас, он ужасно возмутился и накричал на тетю Лизу, зачем она это взяла: «Я что, для них что-то лично сделал? Я все

это делал из государственных средств! Причем тут моя дочь?» Он схватил тарелку с малиной и запулил ею в стену дома. Мы испуганно закричали, тарелка разлетелась осколками, малина вся превратилась в лепешку на земле. Бабушка, вышедшая на шум, стала папе что-то говорить, успокаивать. Потом увела его в дом, и долго там они разговаривали. Потом папа мне сказал, что мы с ним поедem в детский дом и отвезем детям подарки лично от меня: хороших конфет. Он вызвал машину, она как раз оказалась свободной. Я очень удивилась, ведь меня он никогда на машине не возил. Мы подъехали к магазину, накупили много шоколадных конфет в пяти кульках и повезли их в детский дом. Там в это время был ужин. Папа велел мне на всех столах разложить конфет, чтобы было у всех детей поровну. И всем сказать «спасибо». Мне помогала какая-то воспитательница. А сам пошел в кабинет заведующей. О чем он там говорил, я не знаю, но они вышли из кабинета только через полчаса, и заведующая была заплаканная. Но они попрощались спокойно. А по дороге папа сказал, что она очень хорошая заведующая, но поступила плохо, но больше так делать не будет.

А еще я помню его очень веселым и остроумным. Мама даже его иногда одергивала, чтобы он был серьезнее. Папа всегда ей отвечал: «Манюточка! Я же одессит, ну как ты не понимаешь?»

И еще вспомнилось, как он моментально вскакивал с постели, когда ночью звонили, что на какой-то шахте пожар или обвал, или залило водой. Быстро одевался, вызывал машину или лошадь, в зависимости от того, где это случилось и какая была погода. Он всегда приезжал на место аварии и спускался в шахты. У него для этого была специальная одежда и обувь, и еще фонарь. А случилось это в шахтерском районе часто. Приезжал домой после этих случаев очень серьезный и говорил бабушке или маме, если она была дома, что все шахты старые, и их обязательно надо, хотя бы по одной в год,

останавливать для ремонта, и что это никакое не вредительство, а просто нужен ремонт, так как все давным-давно износилось.

А однажды к нам в гости приехала опять тетя Лиза с Вовой. В этот раз она приехала без мужа, так как он был военный и не мог отлучиться почему-то. А жили они тогда на границе, в Нахичевани. Папа пришел с работы, а тетя Лиза и Вовик у нас! Он поцеловал их и спросил: «Лизанька, а где же твой гусар?» Тетя Лиза возмутилась: «Зяма, ну как тебе не стыдно? Какой он гусар?! Он же красный кавалерийский командир!» А папа ее обнял и говорит: «Лизанька, но кавалерийский командир – это и есть гусар! А про цвет я же ничего не сказал!» И все засмеялись и помирились.

Мама пишет опять регулярно, ей там трудно, но все же мы знаем, где она. Из-за моей болезни и из-за необходимости помогать маме нам очень трудно материально. Считаем каждую копейку. Бабушка совсем извелась. Она все время вздыхает: «Хочь скачь, хочь плачь, а гроши треба. А где ж их взять?» Бабушка договорилась на работе, что ей будут дополнительно давать надомные заказы. Вскоре она принесла бракованный кусок трикотажного полотна и такой же бракованный кусок воротника к свитеру. Говорит:

– У нас в артели есть работа, которую очень не любят выполнять инвалиды: надо прикетлевать к горловине свитера связанный в резинку воротник. Прикетлевать – это значит пришить друг к другу вручную, петельку в петельку, два отдельных куска и так же вручную закрепить их с изнанки, чтобы было ровно и красиво.

Она мне показала, как это надо делать.

– Люди у нас все пожилые или больные, зрение у многих слабое, и им делать эту работу трудно. Ты попробуй, ведь у тебя хорошо получается вышивка и всякая ручная работа.

Я охотно взялась за это дело, и у меня получилось. При этом я совсем не испытывала трудности или усталости.

Мне такая работа нравилась. И вот бабушка стала брать эту работу, так как за нее платили неплохо. Она вечерами сшивала все изделие, ей для этого дали специальную лапку к ее машинке. Эта лапка сшивает трикотажные изделия. А я днем прикетлевывала воротники, так как для этой работы нужен дневной свет. Пока у меня каникулы, а потом я буду учиться во вторую смену и смогу продолжать эту работу утром. И пошло у нас дело.

А в стране опять изменения: вместо пятидневной рабочей недели сейчас объявили шестидневную. Выходной день – воскресенье. Раньше работали пять дней, на шестой – выходной. 31 число месяца раньше объявлялось то рабочим днем, то выходным, по-разному. И еще новость: убили за границей Троцкого. В газете мы прочли, что убили его в ресторане пивной кружкой, ударив ею его по голове, и что это случилось по пьянке. Я сразу вспомнила, как нас в детском доме дразнили «троцкистами». Причем тут мы?

Лето на исходе. Скоро опять в школу. Готовлюсь – покупаю учебники, тетради. Хоть бы скорее выздороветь! А то кашель не проходит, и температура по вечерам поднимается. В этом году мы отметили мой день рождения дома, одни – я и бабушка. Но на следующий день пришла опять посылка от тети Жени и открытки с поздравлениями от мамы и от тети Лизы, папиной сестры. Посылку принесли прямо домой, потому что оплачена доставка. В посылке шерстяной темно-бордовый костюм (свитер и рейтузы), ну и, конечно, печенье и конфеты.

Начался учебный год. Что-то мне труднее стало учиться, я даже стала хуже соображать по математике. Учитель наш, Илья Иосифович, даже вызвал бабушку в школу. Говорил ей, что я раньше самые сложные задачи решала одной из первых, а сейчас

он мне за контрольную с натягом поставил «хорошо», так как было много ошибок. Бабушка ему рассказала о моей болезни. Да и физически я ослабла, меня даже освободили от физкультуры. И вдруг, перед Октябрьским праздником, мы получили телеграмму от мамы из города Красноярск: «Воздержитесь посылкой письмами зпт меня переводят другое место тчк приезде сообщу Маня». Мы опять в тревоге: что случилось? Куда ее переводят? Хорошо еще, что не успели отправить посылку. Волновались, те-рялись в догадках две недели.

Потом пришло от мамы письмо из Акмолинска. Она сообщила, что ее неожиданно с вещами вызвали в город Красноярск, до которого повезли оказией вместе с этапом. Там ей объявили, что ей изменили место ссылки. Ей выдали проездное свидетельство и билет до города Акмолинска с пересадкой в городе Петропавловск-Казахстанский. Ехать она будет без этапа, одна, но по приезде в Петропавловск должна сразу явиться к коменданту на вокзале, и он направит ее дальше. Так она и сделала, а уже в Акмолинске, в комендатуре при вокзале, получила направление в поселок № 26 Акмолинской области. Она глазам своим не поверила! Ведь поселок № 26 – это то самое место, где она отбывала срок в лагере и работала директором фабрики, и откуда ее отправили в ссылку в Красноярский край по этапу! Просто в ее направлении вместо номера поселка было указано отделение КАРЛАГа НКВД 17, поэтому мама сразу не поняла. Она сама пошла на хорошо знакомую базу КАРЛАГа в Акмолинске. Все ее там знали и очень удивились ее приезду в ссылку опять туда же, где она была в лагере. Когда мама прибыла в поселок, то узнала, что ее перевели на ту же должность: директором швейной фабрики, но уже в качестве ссыльной, а не заключенной. Жить она будет в общежитии за зоной, но обещают комнату отдельную тоже за зоной. Мы были очень удивлены. По маминому письму поняли, что она и сама ничего толком не знает.

После этого письма бабушка решила сообщить маме о

моей болезни. Ответ от нее пришел быстро, она писала, что будет стараться добиться разрешения на наш приезд к ней в ссылку. Она написала, что климат там резко-континентальный, сухой, очень полезный при легочных болезнях, и что у казахов в аулах можно покупать кумыс – специально приготовленное кобылье молоко, тоже помогающее выздоравливать от этого недуга. Но необходимо специальное разрешение, без него туда никого не пускают. И мы стали ждать известия от мамы. Тете Жене бабушка еще раньше написала про меня. Мы получили от нее письмо с сообщением, что ей известно о каком-то чудо-лекарстве от туберкулеза. Называется «пенициллин». Это не то таблетки, не то уколы, от которых очень быстро больные выздоравливают. Но где это чудо достать, она не знает.

Приближается новый 1941 год. Нам сообщили, что очередь на путевку в санаторий при тубдиспансере уже подошла. И вот путевка у нас на руках – с 1 января 1941 года начинается мое лечение в санатории. Утром 1 января идем туда с небольшим чемоданом. Нас приветливо принимают. Ждем очереди на осмотр к врачу. Потом, после осмотра, нам велят попрощаться и говорят, что каждое воскресенье после завтрака разрешаются встречи детей с родными, и им надо приносить чистую смену одежды. Бабушка поцеловала меня и ушла.

Меня ведут в ванную, тщательно моют, осматривают волосы на голове, нет ли там чего-нибудь нехорошего. Я даже испугалась – мне это напомнило детский дом. Но нет – одеваемся в свою одежду, чистую, что принесли с собой. Потом проводят в большой зал – столовую. Там стоит высокая, красиво

наряженная елка! Вокруг елки столики, каждый на шесть человек. Нас рассадили за столики вместе – мальчиков и девочек, по возрастам. Осматриваюсь. Дети какие-то бледные и вялые. Ну да! Мы же больные! На тарелках на каждом столе: красная икра, красная копченая рыба, колбаса, масло. Все красиво так уложено. В графинах соки. Приходят главный врач, все воспитательницы. «С Новым годом! Пусть он будет для вас счастливым!» Мы постепенно чувствуем себя одной семьей, которая собралась за новогодним столом. И действительно, все постепенно осваиваются, знакомятся.

И пошла у нас жизнь, как в сказке! Вкусная еда несколько раз в день, после еды мы целыми днями в любую погоду, кроме уж совсем ужасной, гуляем, катаемся на санках с горок в большом благоустроенном для игр дворе. У нас веселые и внимательные воспитательницы. Днем обязательно спим. А потом опять гуляем, даже после ужина обязательно выходим на воздух. Питание, какое даже трудно было себе представить в то время: молоко, масло, рыба, мясо! Кому мало – дадут еще добавку. Даже раньше, до нашего несчастья в семье, мы так разнообразно и обильно не питались. А ведь наша семья была вполне обеспеченная по тем временам. А уж сейчас и говорить нечего. Здесь, в основном, были дети из бедных семей. Поэтому уплетали все подряд и на глазах поправлялись и веселели. Ну, конечно, были еще всякие лечебные процедуры. По выходным дням ко всем приходили родственники. Ко мне приходила бабушка. Но один раз пришли две бабушки и с ними Ваня и Митя! Я была очень рада! Мы в санатории не учились. Была у нас одна задача – выздоравливать!

В одно из посещений бабушка рассказала, что получила

письмо от мамы с известием о том, что мама получила официальное разрешение жить мне у нее полгода для поправки здоровья. Я удивленно спросила:

– Бабушка, а что, тебе не разрешили?

Она пожала плечами.

– Мне позволили только тебя привезти, но ты не переживай, там видно будет. Главное – уехать нам туда, и чтоб нас пустили в это место.

– А как моя учеба? Там школа есть?

Бабушка меня успокоила и насчет учебы:

– Мама наверняка все устроит как надо, не волнуйся, а лучше быстрее набирайся сил и выздоравливай!

И стала бабушка серьезно готовиться к отъезду. Покупала по маминой рекомендации плиточный чай, вроде бы там он ценнее денег. А в Мариуполе в магазинах этого добра навалом! Здесь пьют молоко, узвар (компот), да еще горилку. Бабушка казалась мне усталой, похудевшей. Я ей говорю каждый раз при встрече:

– Ты сама-то кушай, а то совсем похудела. Наверное, на всем сэкономишь?

– Не беспокойся. У меня все хорошо. Я работаю, да и книги почти все уже продала, так что деньги есть.

И вот подходят последние дни в санатории. Я чувствую себя намного лучше, но врач считает, что до полного выздоровления еще далеко. 23 февраля – день Красной Армии и предпоследний день пребывания нашей смены в санатории. В этот день у нас был праздник: мы все выступали, кто как умел! Гостями и зрителями были родители. Некоторых детей после праздника взяли уже совсем домой. Все родители очень благодарили главного врача, сестер,

нянечек, воспитателей, а особенно поваров. Меня бабушка оставила на ночь еще здесь. Попросила она нянечку, чтобы та меня помыла и передела во все чистое, что принесла она с собой, так как послезавтра, 25 февраля, мы рано утром уезжаем очень далеко.

Так все и было. Вечером, 24 февраля, я распрощалась со всеми в санатории и ушла с бабушкой домой. Там уже стояли приготовленные к поездке вещи. В двух больших плетеных корзинах с прочными ручками были уложены три стеклянные трехлитровые банки с вареньем – вишневым, смородиновым и малиновым. В другой корзинке поменьше – несколько больших желтых антоновских яблок, а сверху снедь нам в дорогу: пирожки, хлеб, масло и две маленькие банки с вареньем, а также несколько пачек чаю. Ну, конечно, сыр, колбаса, да еще две эмалированные зеленые кружки, чтобы пить в дороге чай. На столе красовался большущий чайник, медный, цилиндрической формы. Я удивленно посмотрела на бабушку, и она объяснила:

– Это мне жестянщик подарил, когда узнал, куда мы едем. У него сын где-то тоже в лагере. Этот чайник, конечно, не новый, чиненый, в него входит четыре литра воды. Я ему говорю, что он для нас слишком большой, и четыре литра я не донесу. А он мне: «Я поездил по стране и знаю, что кипяток в

дороге зимой – это спасение. А его можно взять только на больших станциях, где долго поезд стоит. Не отказывайтесь, он вам очень пригодится, а принести его смогут и попутчики, ведь им тоже пить хочется». И я взяла этот подарок и поблагодарила его.

Я оглядела все вещи, приготовленные в дорогу. В сером плотном чехле – постель. Чехол перетянут ремнями с ручкой. Еще стояли, загораживая проход, два чемодана: один очень большой, с плиточным чаем, и второй, немного поменьше, с нашими носильными вещами. Чемоданы были обтянуты такими же чехлами, как и баул с постелью. Ведь все эти чехлы бабушка сама пошила, все сама приготовила. Когда же она успела? Ведь до последнего дня она работала.

– Как мы все это дотащим?

– А я договорилась с извозчиком. Он утром отвезет нас на вокзал и посадит в поезд. А на пересадках придется брать носильщиков. А еще я отправила маме несколько посылок: керосинку, кастрюлю, сковородку и сухие продукты. У нее ведь там ничегошеньки нет, а нам всем жить надо.

Бабушке посоветовали не ехать через Москву, а добираться рабочими поездами до Транссибирской железной дороги, чтобы поменьше было проверок документов. Ведь мы были в постоянной тревоге и страхе за себя и за маму...

25.2.1941 г. Путь к маме

Вечером мы пошли прощаться с тетей Линой и с дядей Семой, на обратном пути зашли к Морису Самойловичу. Очень тепло с ним попрощались, поблагодарили его. Потом подошли к двери Черновой и вызвали ее. Она расплакалась. У бабушки тоже слезы в глазах. Как же эти люди нас поддерживали, рискуя собой! Дома тетя Аня все вздыхала: «Куда же вы едете зимой, в такую даль, добровольно в ссылку? У нас дальних родственников сослали десять лет тому назад, так некоторые там поумирали, совсем еще не старые люди были». Бабушка ей объяснила, что другого выхода у нас нет: «Я, скорее всего, вернусь, а Валя проживет там полгода. Говорят, что климат должен помочь ей поправиться».

Рано утром 25 февраля 1941 года мы быстро встали, оделись. Постучал извозчик, и мы стали спускаться по лестнице. Ночью похолодало, выпал снежок. Нас ждали большие сани и пара нетерпеливых коней. На вокзале мы сели в рабочий поезд. Все вещи перетащил извозчик. Бабушка несла корзину с едой, а я, конечно, чайник, пока еще пустой. Через несколько часов у нас была первая пересадка, во время которой бабушка успела взять билеты еще на один местный поезд и принести полчайника кипятка. В этом поезде мы спали всю дорогу сидя, привалившись друг к другу. И вот так, с пересадками, – их было то ли три, то ли четыре, точно уже не

помню, – мы за двое с лишним суток добрались до Пензы. Везде мы брали носильщиков, сами вещи не таскали, но все равно ужасно устали. Я помню названия станций-пересадок: Волноваха, Ясиноватая, Дебальцево, Миллерово.

В Пензе, на удивление просто, бабушке удалось купить билеты до Акмолинска с пересадкой в Петропавловске-Казахстанском. Мы с помощью носильщиков отнесли

вещи в камеру хранения, а сами успели хорошо пообедать в станционной столовой, в первый раз за три дня. Билеты у нас были в плацкартном вагоне, так что ехали с комфортом на двух полках. На нижней спала бабушка, а на верхней – я. В купе, кроме нас, еще одна семья: мужчина и женщина с двумя детьми. Я вошла в купе с блестящим чайником в руках. Этот чайник привлекал внимание многих людей на пересадках. Многие предлагали принести кипяточку. Но бабушка сама ходила за ним и приносила по полчайника. Пили сами и другим наливали.

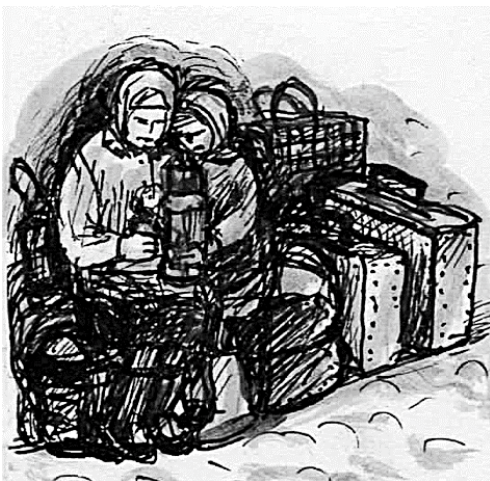
Женщина в купе сразу обратилась к бабушке: «Разрешите моему мужу сходить с вашим чайником за кипятком. Здесь долго будет поезд стоять, так как меняется смена машинистов, и еще уголь будут загружать. А то мы в суматохе не взяли свой чайник, а пить и детям, и нам, – очень хочется». Николай, так звали мужчину, подхватил чайник и пошел к месту, где висело облако пара и было много людей. И над ними огромными буквами было написано: КИПЯТОК». Это было спасительное место на всех больших станциях. Еще когда везли нас в детский дом, я это увидела и подумала, что так называется станция. А

потом уже догадалась, что это такое. Ну не могут же все станции одинаково называться!

Женщину звали Симой, мальчика лет десяти – Сашей, а четырехлетнюю девочку – Катюшей. Наши соседи по купе ехали с похорон Симиной мамы. Они должны были сходить на следующей остановке после Челябинска, там их поселок при заводе, на котором они работают. Ехали мы вместе несколько суток и подружились. Тетя Сима все время плакала, вспоминая свою маму. Скоро они сошли, а мы отогрели дыханием на стекле окна кружки и смотрели им вслед. Морозы здесь крепкие!

Через какое-то время подъехали к Петропавловску и сошли с поезда, нам помогали с вещами проводник и пассажиры. Все наши пожитки бабушка оставила у вагона на мое попечение и пошла искать носильщика, вернулась с ним, и мы переместились в битком набитый вокзал. Не только скамеек свободных не было, а даже и на полу еле-еле смогли приткнуться свои вещи с помощью носильщика возле камеры хранения. Бабушка пошла узнавать, когда будет поезд на Акмолинск и где компостировать билеты. Пришла совсем расстроенная. Оказывается, в этих местах бушевал буран целую неделю. Всю железнодорожную колею занесло снегом. Сейчас ветер стих, но расчищать пути будут несколько дней. Поэтому до Акмолинска поезда не ходят, и скопилось очень много народа.

Придется ждать. Все вещи, кроме баула с постелью, корзинки с едой и чайника, мы сдали в камеру хранения. Нашли уголок, где можно разместиться. Я

села на баул. А бабушка пошла за кипятком. Довольно быстро пришла, и мы с удовольствием стали пить горячий чай, заварив его прямо в эмалированных кружках. Рядом люди попросили налить кипяточку. «Пожалуйста, пейте!» Всю ночь так просидели мы с бабушкой, обнявшись, на нашем бауле. Я, конечно, спала, да и бабушка немного подремала. И вдруг, рано-рано утром раздалась команда по репродуктору: «Всем подготовить документы! Проверка!» Больше часа всех проверяли. Потом опять команда: «Всем выйти из вокзала с вещами! Будет уборка помещения!» Потянулись люди к выходу. И мы с ними.

На улице темно, лишь чуть-чуть начинает светлеть. Мороз ужасный! Прямо на снег, около какой-то стены, мы поставили баул и сели на него. Часа полтора никого не пускали обратно в здание вокзала. Все ужасно замерзли. Наконец открылись двери. Вышли несколько военных, растолкали толпу, установили очередь и опять стали проверять документы. Мы попали в помещение почти последними. Настолько замерзли, что еле двигаемся, да и двигаться некуда. Стали около дверей.

В основном на вокзале застряли командировочные мужчины, одетые в добротные полушубки, в теплой обуви и в меховых ушанках. Все они были с портфелями или небольшими чемоданами.

Много было молодых парней и девушек. Эти толпились группами. Некоторые из них, судя по одежде, ехали из более теплых мест. Одеты, в основном, были в ватники и стеганные ватные брюки. На головах треухи с суконным верхом и меховой отделкой. Почти все были в валенках, иногда с галошами. Это были ребята и немногие девушки, завербовавшиеся на

работу в карагандинские шахты. В каждой группе выделялся более взрослый и солидный вожак. Много было военных. Они тоже держались группами. Детей не было вовсе. В такой мороз только крайняя необходимость могла заставить людей ехать с детьми. Мы с бабушкой очень отличались от всех.

И вот, совершенно обессилев, стоим мы у дверей. Вдруг бабушку тянет за рукав какая-то немолодая уже женщина в пуховом платке, ватнике и в валенках с галошами.

– Куда вы меня?

– Идем, идем.

Берет у бабушки корзинку со снедью, тянет баул, а мне головой показывает – вон туда! Мы пробиваемся сквозь толпу следом за ней, ничего не понимая. Она подходит к какой-то двери в конце зала, ставит наши вещи на пол, вынимает ключ, отпирает висячий замок и отодвигает задвижку:

– Заходите сюда!

Мы боимся. Она буквально вталкивает нас и наши вещи в маленькую чистую комнатенку с печкой в углу. Нас обволакивает тепло.

– Не бойтесь, это моя конура! Я здесь работаю уборщицей и сторожем. Здесь и живу. Посмотрела на вас и не выдержала. Вот в углу на полу стелите свои вещи. Здесь и спать будете. У меня чисто.

Мы стоим, не знаем, что делать.

– Ну, устраивайтесь! Ждать придется, может, двое, а может, трое суток.

Бабушка прошла, передвинула баул и корзину в указанный угол. Мне помогла отмотать платок, велела снять пальто и шапку. Сама тоже сняла все верхнее. И мы буквально повалились на наш баул. Так намерзлись и устали, что не можем ничего ни сообразить, ни сказать.

– Спасибо вам, дорогая, вот отогреемся и уйдем.

– Куда?

– Туда, в общий зал.

– Да там яблоку упасть некуда! И бесконечно будут выгонять на улицу.

И решительно так:

– Будете у меня, пока движение не наладится.

Как только она сказала про яблоко, я сразу вспомнила, что у нас в корзине лежат десять антоновских яблок, завернутые в бумагу по одному, чтобы не испортились. Я поднялась с баула, открыла корзину и вынула оттуда два яблока антоновских, крупных, желтых, и подаю женщине:

– Вот вам!

Она аж ахнула:

– Ой, спасибо! Я ж такого уже два года, как здесь оказалась, даже и не видела!

Бабушка улыбается. Достает баночки с вареньем, что мы в дорогу с собой взяли, пачку чая. Немного осваиваемся. Хозяйка этой комнаты называет себя:

– Мария я, Мария Васильевна. А вас как величать?

– Сразу не выговорите, я – Зельда Шлемовна. Зовите, как многие зовут – бабушка Зина. А внучку мою – Валя. Вот и познакомились.

– А у нас чайник есть, надо за кипятком сходить, – говорю я.

– Зачем? Вон у меня на плите бачок с краником. Ведь часто здесь приходится кого-то выручать, горячей водицы налить.

Лицо у Марии какое-то суровое, а глаза добро смотрят, и улыбается она хорошо. Они с бабушкой чем-то схожи, хоть черты лица у них разные, ария ниже, а вот что-то общее есть. Бабушка спрашивает:

– А столовая здесь есть?

– Есть и столовая, и ресторан, но сейчас так много собралось народу, что туда не пробиться.

Бабушка вынимает пирожки с повидлом и с картошкой. Они, конечно, уже зачерствели немного, но есть можно. Мария варит картошку в котелке. Пока варится картошка, постелили на пол чехол, на него одеяла, подушки, и я, не дожидаясь еды, сразу легла и уснула. Проснулась уже к вечеру и вижу, что Мария на своей скамейке и бабушка на табуретке сидят за маленьким столиком и разговаривают, и при этом слезы вытирают.

Так мы и прожили вместе двое суток. Мария спала на скамейке, такой, какие в зале расставлены, но с аккуратной чистой постелью. А мы на своей постели в углу на полу. Везде тепло и чисто. У этой женщины тоже какая-то очень тяжелая история жизни, я об этом догадываюсь по отрывкам разговоров Марии и бабушки. Что-то случилось с ее мужем страшное, из-за чего и ей опасность угрожала. Вот поэтому она и вынуждена скрываться далеко от родных мест. Когда она уходит по своим делам, то нас запирает снаружи. Мы с бабушкой только в туалет выходим, когда появляется Мария, а так сидим в этой комнатенке, чтобы меньше мелькать.

На утро третьего дня мы услышали возню и шум в зале. Скоро пришла наша благодетельница, закончив свою утреннюю уборку вокзала, и сообщила, что скоро подадут первый поезд до Караганды. Бабушка дала ей наши билеты, чтобы она их заком-постировала, так как нам самим не пробиться к кассам: там уже длиннющие очереди. Очень скоро Мария принесла готовые билеты: «Я через знакомую в кассе все сделала». Также по нашей просьбе она отправила телеграмму маме по написанному бабушкой адресу и тексту с номером поезда и вагона. Что бы мы без нее делали?!

Вышли мы в зал. Обе эти немолодые женщины взяли наши вещи из камеры хранения и подтащили их к боковой закрытой двери на перрон, а не к той – открытой, где уже стояла огромная толпа людей. Договорились с носильщиком, чтобы посадил нас в вагон. Ох, и пригодился же нам чай, все время им и благодарили наших помощников. Марии бабушка тоже оставила несколько

пачек. Вдруг я заметила, что нет нашего чайника и сказала об этом бабушке. Она засмеялась:

– Его взяла Мария, чтобы нам кипяток принести. Да вон она уже идет обратно!

Носильщик привел какого-то человека, тот открыл дверь на перрон. Мы попали в вагон одними из первых. Провожатый наш положил чемоданы и большую корзину под нижнюю полку, а меня с баулом и корзиной закинул на самую верхнюю, третью. Велел сидеть и не слезать пока, так как очень много народу, все хотят успеть первым поездом. Бабушке велел сидеть у окна и тоже пока не вставать. На столике сиял наш чайник с кипятком, за окном стояла Мария и махала нам рукой. Мы все всплакнули. А народ все входит и входит в вагон. Все больше мужчины, но на нижнюю полку напротив бабушки сели две девушки. У моих ног навалили какие-то мешки. Напротив меня, тоже на третьей полке, улегся мужик в полушубке и в валенках. На вторых полках уселись по двое, согнувшись, а на нижних – по четверо. Весь проход забит вещами и все боковые полки заняты.

Наконец, утрамбовались, и поезд тронулся. Внизу, на обеих полках, кроме бабушки и девушек, еще молодые мужчины расположились. Они едут в Караганду, на работу в шахтах. Едут из Донбасса. Их целая команда, в других купе их тоже много. Им обещали в Караганде жилье и хорошую зарплату. Вот они и едут.

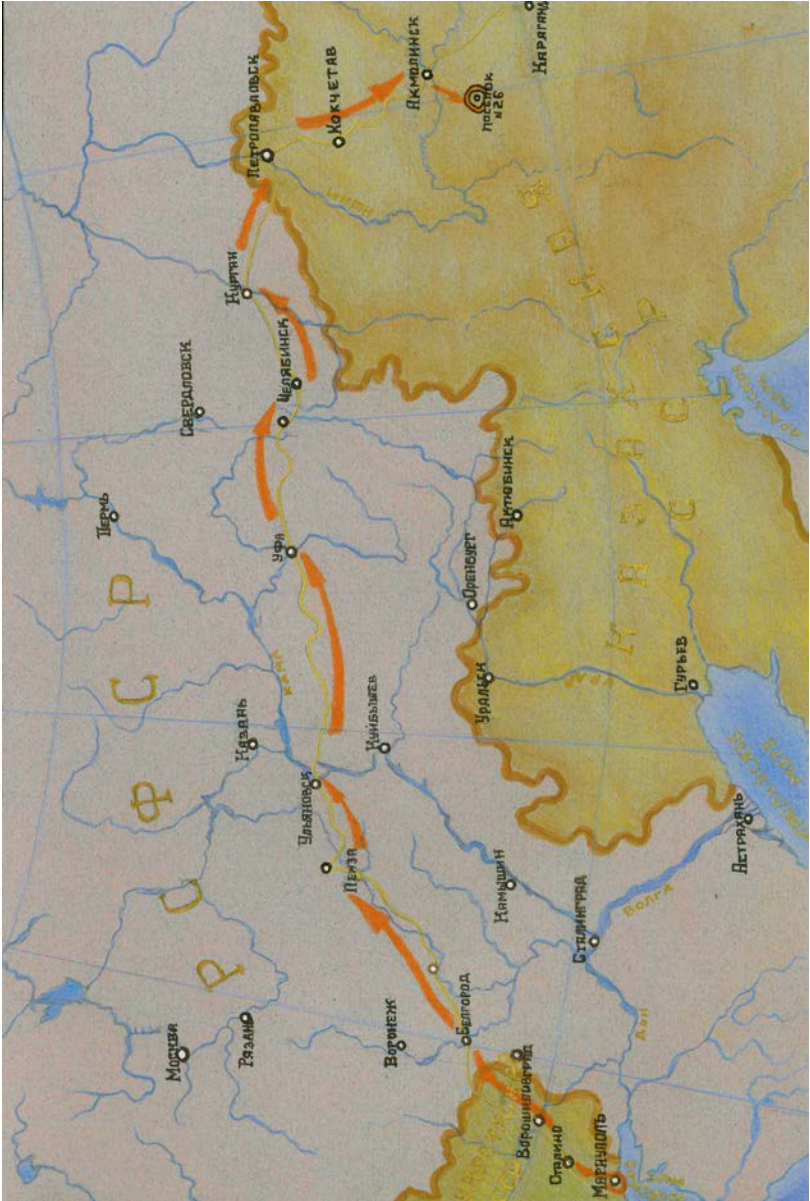
Очень хочется мне пить, да и в туалет надо, но боюсь слезть со своего места, а вдруг кто его займет. Вижу, бабушка наливает всем кипяточку, и заварку отламывает кусочками для всех, потом бабушка встала, попросила одного парня снять нашу корзину с

моей полки, что-то оттуда вынула и положила на стол. А корзину парень вернул на место возле меня. Значит, уже познакомились. И я слезла с моей верхотуры. И ничего, никто места моего не занял. Остановки были редкими, места здесь малолюдные. Окна заморожены,

ничего вокруг не видно в маленькие отдышаны-дырочки. На станции Кокчетав сошли какие-то люди, но не в нашем купе. Вошли на их места казахи-мужчины. Все в полушубках или в длинных кожухах, в валенках. На головах какие-то странные шапки из вывороченной кожи, без козырька, но с полукруглым хвостом сзади. У всех за спиной мешки. Говорят только по-казахски. Кто-то из ребят из купе принес в нашем чайнике кипяток.

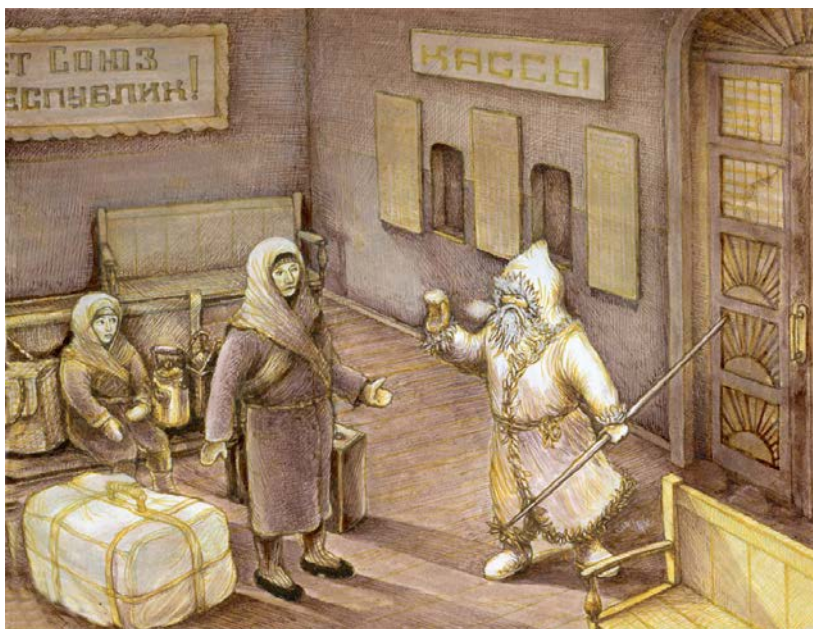

Путь Вали с бабушкой из Мариуполя в Казахстан

Акмолинск. Долгожданная встреча

Дальше ехали без остановок до Акмолинска. Там нам помогли сойти со всеми нашими поклажами. Но нас никто не встретил. Что делать? Поезд наш уехал. Мы на перроне одни. Пока еще светло, но дело к вечеру. Ветер сильный и мороз крепкий. Все люди, вышедшие из нашего поезда, разошлись. Хорошо еще, что поезд остановился у первого пути, и вагон наш был недалеко от дверей вокзала. И стали мы потихоньку волоком перетаскивать свои вещи. Подтащим одни вещи вдвоем к двери вокзала и бежим за другими. Так и вошли в вокзал. А там народу совсем мало: несколько казахов в тулупах и таких же шапках, как у тех в поезде, сидят на скамейках прямо с ногами крест-накрест, курят и о чем-то между собой по-казахски говорят. Бабушка велела мне сидеть на бауле около вещей, а сама из противоположной от перрона двери вышла на привокзальную площадь.

Очень быстро вернулась с казахом в тулупе, такой же шапке, со сложенным кнутом в руке. Борода вся залеплена снегом. Ужас! Посмотрел он на нас и что-то спрашивает. А мы не понимаем. Потом бабушка догадалась, что он спрашивает, куда нам ехать, и говорит ему: «КАРЛАГ НКВД». Он как закричит: «Шайтан! Шайтан! Джок!» Повернулся и быстро вышел из вокзала. Постепенно разошлись и те казахи, что сидели на скамейках. Мы остались одни в холодном помещении в полном отчаянии.

Но вдруг распахнулась дверь с привокзальной площади, и вошли три молодые женщины в тулупах, валенках и платках. Одна из них кинулась к нам: «Мама! Дочка!» Мы к ней! Обнимаемся, плачем, смеемся. Те две женщины, что с ней вошли, тоже плачут и смеются одновременно. Они, все трое, показались нам молодыми, свежими и красивыми. Это с мороза! Весь день они были в дороге. Оказывается, этот КАРЛАГ в 45-ти километрах от Акмолинска, в степи. Сразу, как получила мама телеграмму, так и стала собираться в дорогу: пока получила разрешение взять лошадей,

возчика, пока добрались! Поезд пришел раньше, чем они доехали. Возчик у них – Шахтай Татимова, казашка, тоже эчка из ЧСИР*. Вторая – Соня, тоже ЧСИР, – экспедитор. Она поехала по работе, не гонять же лошадей из-за нас впустую.

Все трое сразу взяли все наши вещи, сложили их в большие розвальни, усадили нас, сами сели, и две лошади, пофыркивая, повезли нас по заснеженному пространству. Ехали мы недолго, так как ночевать нам надо в общежитии при базе КАРЛАГа, недалеко от вокзала. Приехали. Ничего нет, кроме сплошного снега и на нем каких-то снежных холмиков, из которых идут дымки. Немного поодаль видна расчищенная от снега площадь, огражденная колючей проволокой. Все это место хорошо освещено. Мама говорит, что это база КАРЛАГа, куда привозят заключенных с этапа. Мы туда не идем, а идем по каким-то прорытым траншеям в снегу, шириной не более одного метра, но глубоким. Из траншеи прорыты поперечные проходы со снежными ступеньками. Спускаемся в один такой проход, он ведет к длинному строению с несколькими дверями. Мы входим в первую дверь. А там тепло, большая печь. На ней котелки и бачок с краником, как у Марии. За печью, с двух сторон, стоят какие-то деревянные лежаки с матрасами и грубыми суконными одеялами. На многих лежат люди, одетые в ватные брюки и телогрейки. Нас подвели к незанятым лежакам, стоящим рядом. Мама говорит:

* ЧСИР – аббревиатура: член семьи изменника родины. Так официально называли репрессированных членов семей, осужденных по политическим статьям. Отсюда же просторечное: «чесеировки». (Прим. ред.)

– Вот здесь мы переночуем, а завтра рано-рано утром уедем в поселок, где у меня комната.

Все люди – не поймешь, женщины или мужчины – поднялись со своих мест. С интересом нас рассматривают, улыбаются, но в глазах слезы. Это, оказывается, заключенные-женщины, ЧСИР. Они работают здесь экспедиторами и

возчиками. Поэтому ездят и ходят по делам без конвоя (расконвоированные), но с отметкой у коменданта при выходе и по возвращении. У них у всех где-то дети. Я приехала сюда первой из детей. Женщины глаз с меня не спускают. Мама с бабушкой сдвинули свои топчаны (так, оказывается, называются эти лежаки) вплотную. Мы быстро перекусили, попили чаю и улеглись, так как очень все устали. Я уснула сразу, а мама с бабушкой все шептались.

Утром, еще совсем в темноте, мама растормошила меня. Быстро оделись, вышли из барака, так называлось это помещение, выбрались по ступенькам из снежной траншеи. Там нас уже ждала Шахтай с санями и лошадьми. Мы уселись в сани, накрылись каким-то большим тулупом и поехали по накатанной санной колее. Вокруг никого и ничего нет! Только удивительно полыхающий восход. Все небо в переливающихся всполохах розового, желтого и сиреневого цветов. Мороз очень крепкий, но ветер утих. Днем уже подъехали к какой-то деревне. Шахтай говорит:

– Ну, вот и Рождественка, здесь остановимся, передохнем, поедим. Я напою и покормлю коней, и поедем дальше.

Но никакой деревни не видно, только на снежной равнине снежные холмы, из которых вьются дымки.

Мы приближаемся, и я вижу длинную тонкую палку, как-то

наклонно торчащую из снега. К ней ведет расчищенная дорожка между высоких снежных стен. Что это?

– Это колодезь-журавль, – говорит мама.

Теперь я вижу, что здесь очень много таких дорожек-щелей в снежных туннелях. А дымок вьется не из холмов, а из труб домов, занесенных снегом по самые крыши. К каждому дому ведет проход-щель в снегу.

– Мама, это кто же прокопал эти проходы?

– А никто их специально не копал, просто с самого начала зимы, когда начинается снегопад, люди расчищают дорожки к своим домам. Потом всю зиму идет обильный снег, и постепенно получают вот такие лабиринты и щели в снегу. Это каждую зиму так. А вообще-то, места здесь ровные – степь, но снега зимой выпадает всегда очень много. Эта деревня – русская. Здесь живут еще столыпинские переселенцы*.

Подъехали к дому, где всегда останавливается Шахтай. В доме тепло и чисто, мы попили чаю, перекусили, поблагодарили хозяев, оставив им пачку чая, и поехали дальше. И до Рождественки, и после нее мы встречали много казахских аулов, но проезжали мимо, так как Рождественка находится как раз на полпути к поселку номер 26, а мы очень спешили доехать за-светло. О том, что мы едем мимо аулов, узнавали от Шахтай, потому что кроме снега и дымков из-под него, ничего больше в этих местах видно не было. Еще долго ехали, я даже заснула. Мама меня разбудила:

– Смотри, вот наш поселок.

Но видно было только торчащее из снега что-то длинное.

– Это труба котельной. Она здесь как маяк, ее издалека видно. Это уже мы ее здесь построили, эту котельную.

* В ходе крестьянской реформы П.А. Столыпина, проведенной в 1906–1910 гг., безземельные крестьяне могли получить от государства землю в Сибири. (*Прим. ред.*)

Стало немного темнее, небо опять заалело, но уже с другой стороны, с западной. Кончался короткий зимний день, хотя еще было все видно. И вдруг открылся взору засветившийся квадрат перед нами, весь огражденный огоньками, и кое-где еще от квадрата тянулись шеренги огней.

– Ну, вот мы и приехали!

Когда подъехали совсем близко, то различили в освещенном большущем квадрате много-много одинаковых низких и длинных барачков, построенных рядами, с маленькими, тускло светящимися оконцами.

Вся эта огромная площадь была очищена от снега, сугробов нигде не было. Все это пространство было огорожено по периметру двумя рядами колючей проволоки, между ними тоже было все очищено, но покрыто тонким слоем свежеснеженного снега. А снаружи, за этой оградой, располагались по всей ее длине какие-то столбы, между ними был протянут толстый стальной канат. Мы это разглядели, когда остановились у маленького глиняного домика, куда мама и Шахтай пошли отмечаться, что приехали. Потом мы отъехали от этого места, но не очень далеко. Там тоже было освещено электрическими фонарями, но домов не было видно, так как они были в снегу, и были прорыты такие же узкие щели, как в Рождественке, где стояли такие же бараки, узкие, низкие и длинные, в таком же мы и ночевали. Мама сказала, что это поселок вольнонаемных, то есть тех, кто живет не в зоне. А все огражденное пространство – это и есть зона, где отбывают свой срок заключенные. Жуткое мы испытали ощущение от всего увиденного и услышанного.

Мы остановились у одного из снежных проходов. По снежным же ступенькам спустились к барачку с четырьмя дверьми. Мама сказала: «Это наш барачок!» Вошли в одну дверь. Там оказалась чистая квадратная прихожая, и тоже с четырьмя дверьми. Мама постучала в первую слева дверь и взяла у пожилой женщи-

ны ключ. В это время из всех дверей, кроме одной справа, вышли люди. Это мамыны соседи. Они с интересом на нас смотрели и улыбались. Мама открыла дверь справа ключом, что взяла у соседки. От такой доброжелательной встречи с соседями мы даже растерялись: все люди смешались, и мы как-то никого толком не разглядели.

Вошли в маленькую комнату – мамину! Там тепло, чисто, даже уютно. У входа слева – печка, небольшая, но побеленная, с ярко светящимся поддувалом от жаркого огня. Ставим вещи одно на другое, как можно плотнее, так как места мало. Раздеваемся, все верхние вещи вешаем на вешалку, прибитую к входной двери изнутри. И, наконец, бросаемся со слезами друг к другу! Так много надо рассказать, спросить... Я смотрю на все с интересом. Вдоль побеленных стен стоят два топчана, друг против друга. Они покрыты какой-то пестрой, но простой тканью. На подушках вышитые накидки. Между топчанами у маленького замерзшего оконца втиснут столик. На окошке белые занавески. На столике скатерть из сурового полотна с вышивкой крестиком. А на лампочке под потолком – красивый абажур из оранжевой ткани, видно, что самодельный. На одной из кроватей на гвозде висит деревянная наплечная вешалка с платьем, сверху прикрытая простынкой. Справа у стены, за дверью, стоит табуретка. На ней тазик, над тазиком умывальник железный, зеленый, с краником-соском. Рядом стоят два ведра: одно с чистой водой и с ковшиком, зацепленным за обод ведра, а другое – для слива, с крышкой. Между печью и топчаном приткнулся маленький кухонный столик с табуреткой. Вот и все убранство, а так уютно! Мы очень рады! Мы вместе!

Знакомство с зоной. Потрясение

Начали распаковывать вещи. Из большой корзины вынули три трехлитровые банки с вареньем, довели целехонькими! Бабушка спрашивает у мамы:

– А кто печь растопил?

– Соседка. Я ей ключ оставила. Она и муж – поляки, уже довольно пожилые люди, ученые-селекционеры. Оба ссыльные, прошли по какому-то делу о вредительстве. С ними живет одиннадцатилетний мальчик, из семьи раскулаченных, Франек, тоже поляк. Его родители то ли погибли, то ли умерли при переселении. А соседи наши его усыновили. Он любит их и называет мамой и папой, и очень старается помочь. Такой маленький мужичок, ходит в ларек, топит печь. Сами эти люди работают здесь агрономами, а Франек учится в четвертом классе. Здесь школа пока только четырехклассная. Кто старше, уезжают в интернат в поселок Долинка. Это под городом Караганда. Долинка – центр всего КАРЛАГа. В КАРЛАГе много отделений по всей Карагандинской области, потому и КАРЛАГ. А наш поселок – самый дальний, отделение № 17 в Акмолинской области, так как мы ближе к Акмолинску, чем к Караганде. Поэтому у него есть еще одно название – поселок № 26 Карагандинской области. Так получилось потому, что Акмолинск стал областным городом только в 1938 году, когда уже было создано это отделение. Акмолинск на казахском – «Белая могила»: Ак – белый, Мола – могила. Здесь зимой бывают страшные снежные метели и морозы, и часто в них гибнут люди. А Караганда – это по-казахски не то черная земля, не то черная яма, по-разному объясняют, так как там добывают уголь, но он

расположен близко к поверхности земли, не так глубоко, как в Донбассе.

Бабушка удивленно так говорит:

– Вот оно что! А я-то думала, что КАРЛАГ – это карательный лагерь.

– Ты правильно думала, но происхождение этого слова другое.

И вдруг какой-то пронзительный звон прервал их беседу. Что это такое?! Мы с бабушкой с ужасом смотрим в окно, но оно замерзло, и ничего не видно.

– Ничего страшного. Это развод собак. Бьют по подвешенному рельсу железной кувалдой, чтобы все в поселке прятались по домам, а то собаки здесь злющие, так они воспитаны.

Послышался гром цепей и лай многих собак!

– Это их привязывают к тросу вокруг зоны так, чтобы они бегали вдоль стального каната, но не могли достать друг друга. Между ними остается промежуток, в который человеку не пройти. Так нас здесь охраняют. Собаки бегают вдоль каната, а цепи гремят.

– Они что, всю ночь будут так лаять и греметь?

– Конечно. Ничего, скоро привыкнете, так что и замечать этого не будете.

– О, ужас!

– Если бы только это! – говорит мама.

– А еще какие соседи у тебя?

– Рядом с нами живет семья шофера. Он из раскулаченных. Женился на девушке из Рождественки уже здесь. У них мальчик Шурик двух лет. Он родился слепым почему-то, с бельмами на глазах. Это ужасное их горе. Врачи обещают, что после шести лет его можно будет прооперировать и вернуть зрение. А жена после родов сильно болеет, так как у нее порок сердца. Поэтому им дали комнату здесь, а не в общем бараке для раскулаченных. А в крайней квартире у входа живет бездетная пара, энкаведешники, сотрудники секретного отдела. Мы с ними мало общаемся.

– А откуда воду здесь берут?

– Из колодца, правда, не очень близко. Туалет на улице, недалеко. Он холодный, но очень чистый. Его моют женщины-чесэировки. Это считается хорошей работой, так как не гоняют на общие работы по расчистке снега и по заготовке камыша. Камыш режут серпами на озере, связывают в снопы и на обычных упряжках отвозят в зону. Там ими топят печи. Уголь карагандинский с трудом разгорается, без камыша его не разжечь. А те, кто моет здесь туалеты, кроме этого подрабатывают в семьях здешнего начальства: моют полы и стирают белье. Их за это в семьях подкармливают.

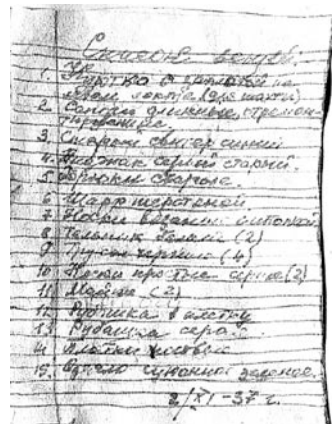
За время разговоров сварилась картошка в мундире, вскипела вода в чайнике. Поели опять с разговорами о жите-бытье тут. Потом бабушка и мама сели друг напротив друга, рука одной в руке другой, держат их вместе, как будто боятся опять разлучиться. Бабушка рассказывает все о нашей с ней жизни за время разлуки. Когда она рассказала, как пришли за папиными вещами и прочли ей список вещей, который он сам написал, мама широко открыла глаза:

– Как он? Это же я составила список вещей на допросе, когда мне объявили, что Зяме дали десять лет дальних лагерей без права переписки. Я же не знала еще, где ты и что с тобой, думала, что они сами будут вещи отбирать, поэтому так подробно все описала! Ты что, не узнала мой почерк?

– Так мне же не дали самой прочесть. Сказали, что будут мне читать, а я чтоб быстро все собрала.

– Вот как! Значит, обманули нас! Но зачем?

– Я-то думала, что Зяма сам все написал, и очень в душе удивлялась

этому! – и обе они заплакали.

– Я все это время пыталась найти его, собрала здесь у людей, в зоне, адреса лагерей. Многие ведь сюда попали, уже отбыв часть срока в других лагерях. Говорят, что если послать запрос прямо в лагерь, то приходит ответ, если человек там. А еще лучше послать перевод на пять рублей. Если его там нет, то деньги возвращаются. Я уже в несколько лагерей отправила, куда – деньги, а куда – запрос. Пока нигде его нет.

И еще мама рассказала, что когда их из города Сталино отправляли этапом, то последними к поезду подвели группу из двадцати четырех женщин с детьми малюсенькими на руках.

– Мы это видели из своего окна в телячьем вагоне, мы даже пересчитали этих несчастных женщин. Их сажали в соседний с нами вагон. Когда поезд тронулся, мы обратились к конвоиру нашего вагона: «Что за женщины едут рядом с нами?» – «Такие же, как и вы, только с грудными детьми». Конвоир был молод и вроде бы не жесток. Назвался он Иваном.

– Мама, мама, у нас в группах, когда нас везли в детдом, все сопровождающие были Иванами Ивановичами Ивановыми!

Мама только вздохнула... Она поведала нам, что уже три

раза сидела здесь в карцере. В первый раз – вскоре по приезде в лагерь, когда отказалась работать директором швейной фабрики. До этого она мыла туалеты в зоне. Ее нашли по картотеке, она оказалась единственным инженером-швейником, да еще и с опытом работы директором швейной фабрики. Дело в том, что по приказу сверху стали в это время организовывать здесь швейную фабрику, буквально с нуля. Это было вызвано необходимостью обеспечить всех эзек, присланных сюда в 1937 – 1938 годах, работой по десять часов в день. Ведь кроме общих работ на камыше и по обслуживанию лагеря, других работ здесь не было, особенно зимой. Кроме этого, ощущалась острая нехватка в теплой зимней одежде, так как многие женщины были арестованы в теплое время года и в более южных местах. Мало у кого были с собой теплые вещи, пригодные для здешних зимних морозов. А работать и выполнять норму должны были все!

Сначала выделили под фабрику один барак. Навезли пятьдесят немецких швейных машин, разобранных, в ящиках, там же были инструкции по сборке и работе на них, но на немецком языке. Также прибыли тюки с ватой и материями, ящики с нитками, пуговицами и иглками (ручными и для машин). Сначала необходимо было разобраться с этим богатством, собрать машины, в короткий срок обучить женщин работе на них и немедленно начать выполнять план! И вот по картотеке подобрали женщин с подходящими профессиями. Кроме мамы, оказались в списке еще две женщины-инженеры, но не швейники, а просто умеющие читать чертежи; кроме того – плановик, электрик, две чертежницы и одна женщина, свободно владеющая немецким языком.

Вызвали всех этих женщин и потребовали от них в категорической форме подписать бумаги, где был указан двухнедельный срок для сборки и установки швейных машин. И что, если не уложатся в этот срок, то будут судимы за саботаж, а если что-нибудь сломают или испортят, то будут судимы за вредительство. Вызывали их по одной, но никто из них не подписал себе такого.

Тогда их посадили в карцер на три дня. Потом каждой дали подписать уже другую бумагу, что «я, такая-то, согласна работать по должности такой-то (директором фабрики, главным инженером, плановиком, инженером по качеству и т.д.) и обязуюсь выполнять план и отвечать за качество продукции». Конкретно об уголовной ответственности уже ничего не было, хотя и подразумевалось. И всем этим женщинам ничего другого не оставалось, как подписать приказ. После этого их выпустили из карцера, и они приступили к работе. Маме, кроме всего этого, вменили в обязанность подобрать швей на машины. Это уже было проще, так как среди такого количества женщин (шесть с половиной тысяч) всегда можно найти достаточное количество умеющих шить на машинках.

Но параллельно с этим надо было проектировать настоящую швейную фабрику. Нашли инженеров-строителей, теплотехника, экономиста. И пошла работа, очень напряженная, ответственная, и в постоянном страхе за малейшую оплошность получить дополнительный срок! Мама также входила в число женщин, готовивших проект фабрики.

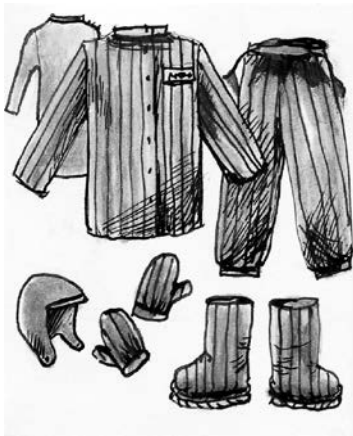
Кроме этого, отобрали еще пятнадцать человек для руководства другими отраслями: врачей, ветеринара, строителя, экономиста, бухгалтера, агрономов по зерновым и овощным культурам, специалиста по орошению и еще необходимых работников. Конечно, формально возглавляли все эти работы энкаведешники, но, поскольку они не были специалистами, то их функции сводились к жесткому контролю.

Работали женщины-заключенные в очень тяжелой моральной обстановке, ничего не зная о своих детях, мужьях, родственниках. От быта остальных чесеировок их быт отличался тем, что они оставались в общих бараках, но не на нарах, а на топчанах, огороженных занавесками, и получали не 500, а 800 грамм хлеба, и эта норма хлеба не зависела от их личного выполнения плана. При этом им угрожала «лишь» судимость за общее невыполнение планов и за общий брак в работе, то есть вторая судимость.

Как-то все эти пятнадцать женщин собрались и написали общее заявление с просьбой для ВСЕХ чесеировок: сообщить им, где находятся их дети. В ответ на это письмо все пятнадцать женщин были посажены в карцер (для мамы это был второй карцер). Но вскоре всех выпустили и предложили каждой лично от своего имени написать заявление с просьбой сообщить каждой из них, где их дети. Об общем для всех таком сообщении разговора уже не было. И они написали. И с таким заявлением и пришел к нам энкаведешник 7 сентября 1938 года, то есть через год после ареста мамы. Все эти пятнадцать женщин получили сообщения о местонахождении их детей и родственников. Бумагу об этом с бабушкиной подписью мама тоже получила и сохранила. Все эти женщины хоть и были рады, что знают о своих близких, в то же время были очень подавлены тем, что их противопоставили остальным. Ничего большего они добиться не смогли и испытывали чувство вины перед другими женщинами.

И третий карцер был у мамы, когда уже завершился проект строительства швейной фабрики. Проект этот не приняли «наверху», так как основан он был на центральном отоплении всей фабрики и на строительстве котельной. От мамы и теплотехника, очень опытного инженера, Елизаветы Шор, потребовали переделать проект на основе печного отопления в цехах. Это было очень опасно, так как в цехах шили ватные изделия, и пожар был неминуем. Они наотрез отказались. Опять был карцер. Но в этот раз все-таки кто-то «сверху» утвердил решение строить котельную и принял проект с центральным отоплением. Их выпустили из карцера, и началось строительство фабрики с центральным отоплением.

А за это время наладили выпуск продукции: шили телогрейки, ватные брюки, бушлаты и шапки по выкройкам, присланным из центра ГУЛАГа. Работали в две смены: по десять часов – днем, и по девять часов – вечером, с перерывом на обед. Девять дней рабочих, десятый – выходной. Жесткий план тоже

был установлен в центре ГУЛАГа. Оплата – двухразовое питание в день и пайка хлеба. За невыполнение плана снимали часть хлебного пайка. За перевыполнение плана – хлебная надбавка, в зависимости от процента перевыполнения. У всех женщин одно стремление – выжить и найти своих детей.

А на общих работах еще труднее: зимой стужа и ветер, непосильный труд; летом зной ужас-

ный и тоже очень тяжелая работа на строительстве и на сельскохозяйственных участках. Строили все из самана. Саман – это шестнадцатикилограммовые кирпичи из глины, кизяка, соломы и воды. Все эти кирпичи делали сами зэчки: месили глину в специально вырытых круглых кольцевых ямах, с островком суши в центре, куда был вбит специальный механизм с рычагами, на которых были укреплены острые «мешалки». Все это двигали привязанные к рычагам лошади, погоняемые теми же чесеировками. Воду в эти кольца возили с озера в бочках на бычьих упряжках. Потом замешанную глину вываливали специальными черпалками в формы. Когда все это подсыхало, укладывали кирпичи пирамидами для сушки. Это была самая тяжелая работа! Да еще надо было выполнить жесткий план, чтобы оправдать свою пайку хлеба и баланду. Мама нам все это рассказывает, а бабушка и я слушаем с ужасом.

Наконец мы улеглись: я с мамой на топчане, что пошире, а бабушка – на узком. Но собаки лают, цепи гремят, и мы засыпаем с трудом с непривычки.

«Спасибо родному Сталину за нашу счастливую жизнь!»

Рано утром встали, поели немного и пошли все в баню. Мама для этого отпросилась с работы. Баня в зоне. Мы подходим к маленькому домику, где вчера отмечались Шахтай и мама. Это вахта. Мы уже знаем, что он построен из самана. Вход в одну дверь, а выход в другую. Внутри этого домика есть еще дверь в комнату, освещенное окно которой выходит в проход. Там сидят охранники. У входа и выхода тоже по охраннику. У нас проверяют пропуска, что маме выдали для нас раньше, специально для прохода в баню и в поликлинику. Прошли вахту.

Перед нами широкая, расчищенная длинная дорога, по обе стороны которой саманные бараки. Мама говорит, что эту улицу ээчки прозвали «Бродвей», потому что здесь собирают по утрам ээчек, проверяют, строят в колонны и через вахту выводят на общие работы. Это самая главная «улица» зоны». Теперь мы уже при дневном свете, изнутри, хорошо видим колючую проволоку в два ряда. Бараки такие же, как и везде, без всяких вывесок. Мама показывает: вот это – поликлиника, больница, детский питомник, мастерские – обувная и швейная, а по другую сторону – парикмахерская, прачечная, баня, столовая и еще что-то. За этими строениями слева – бараки, бараки, бараки, равномерно расположенные. А справа – швейная фабрика, огражденная колючей проволокой и тоже с вахтой, дальше котельная, электростанция и еще какие-то строения.

Мама говорит, что зона занимает площадь в один квадратный километр, не включая фабрику и котельную. По углам зоны вышки с вертухаями (так называют охранников, которые сидят на вышках). Мы входим в баню, здесь чисто, но не жарко, а в предбаннике и вовсе прохладно. Мама говорит, что надо побыстрее

раздеться и идти в моечную, там намного теплее. Быстро помылись, и мне прямо в банный зал бабушка принесла все чистое. «Здесь всегда такая холодная баня?» – «Нет, это потому, что мы рано пришли и помещение еще не прогрелось».

Выйдя из бани, направляемся к врачу, так как это в соседнем бараке. Заходим в барак-поликлинику. А там чисто, отдельные комнаты для врачей. К нам вышла женщина лет пятидесяти, в белом халате и такой же шапочке. Седые волосы чуть видны. А глаза, немного выпуклые, карие, внимательно так смотрят на нас. Она улыбается нам, но вид какой-то все равно грустный, как у всех чесеировок, что встречались нам за это короткое время.

Врач меня очень внимательно прослушала, простукала, осмотрела. «Здесь нет рентгенаппарата, но я думаю, что есть надежда на выздоровление. Хорошо, что не дошло до открытой формы!» Бабушка рассказала ей про санаторий и дала выписку из истории болезни. Врач уверена, что пребывание в санатории меня спасло, а перемена климата в связи с переездом сюда мне очень поможет восстановить здоровье. Мариуполь для легочных больных – место неподходящее. Климат влажный, ни морозов настоящих зимой, ни сухой жары летом. А здесь, в Казахстане, климат резко-континентальный, то есть как раз очень подходящий. А самое главное – что мама рядом. Выписала она мне какое-то лекарство. Посоветовала много гулять и есть молочную и жирную пищу. Написала для меня бумагу о моей болезни для того, чтобы мне каждый день выделяли через ларек пол-литра молока. А еще рекомендовала мне побольше есть курдючного

бараньего жира, перетопленного с луком. Сказала, что курдючное сало можно купить в аулах у казахов, а вот лук зимой здесь трудно достать.

Когда мы вышли из поликлиники, нам мама рассказала, что эта врач – Рахель Гольдберг – киевлянка, очень известный специалист по легочным болезням. Обрато к вахте идем мимо барака, огражденного невысоким деревянным заборчиком. Там, за ограждением, гуляют одинаково одетые и покрытые платками до глаз маленькие дети, много детей. Глядя на них, я невольно вспомнила Валечку из Мариуполя, и мне стало очень грустно... Это детский питомник. Сюда привезли со всех сторон Советского Союза больше сотни женщин с грудными детьми. Они находятся отдельно от матерей, в этом бараке. Ухаживают за ними нянечки, медсестры и врач, тоже все из чесеировок. Поэтому относятся к детям хорошо. Здесь эти дети растут и содержатся только до четырех лет, а потом разрешают родственникам их взять. А у кого на воле никого из родных нет, тех отправляют в детский дом в селе Осакаровка, что находится недалеко от Акмолинска. Но про этот детский дом идет худая молва о том, что там многие дети умирают, или им дают другие имена и фамилии, а потом куда-то увозят, а матерям сообщают, что их дети умерли. И поэтому мамы этих детишек очень волнуются, особенно когда время разлуки неумолимо приближается. У Лизы Шор, что вместе с мамой проектировала фабрику и котельную, здесь живет маленький сынок.

Родственников на воле у нее не осталось, и она очень нервничает. То же самое у мамыной приятельницы, еще с воли, Ривы Барг. У нее здесь доченька Полиночка. Еще у нее старший сын в дет-доме, в другом, заканчивает школу.

Мама проводила нас с бабушкой к вахте, а сама пошла на фабрику, обедать обещала прийти домой. Мы пошли обратно сами, уже немного соображая, где что. Вернулись домой, и бабушка стала хлопотать у плиты, готовить обед, сокрушаясь, что не догадалась привезти лук и чеснок. Но скоро бабушка заметила, что около столика между кроватями, на полу, вырезано отверстие квадратное, небольшое, прикрытое крышкой вплотную, так что сразу и не заметишь. Она догадалась, что это подпол, и попросила меня влезть туда. Подпол оказался неглубоким, мне по плечи, зато сколько всего ценного там оказалось! Картошка, капуста, морковь, свекла и тыква! Я вытащила все, что просила бабушка. Мы были очень рады этим овощам. Видимо, мама забыла сказать нам о них. Потом оказалось, что кроме подпола, на улице, вдоль стен барака, стояли невысокие ящики. У каждой семьи по два ящика – один с углем, а в другом – замороженные продукты. На каждом ящике краской был написан номер квартиры. В нашем ящике для продуктов оказались курица, уже распотрошенная и очищенная, кусок баранины, молоко, замороженное в глиняной миске и завернутое в плотную ткань, замороженное топленое баранье сало. Все это богатство мама сумела запасти к нашему приезду!

Я выпросилась у бабушки погулять, пока она готовит обед. Она разрешила, так как заблудиться здесь негде. Я вышла из нашей траншеи, пошла по тропинке, протоптанной в снегу. Вокруг все то же: снег и дымки, вдали маячит зона. Но вот вижу – навстречу мне по той же тропинке идет девочка, примерно с меня ростом. Одета по-крестьянски, как будто сошла с картинки-иллюстрации к стихам Некрасова. Пальто на ней суконное, темное, без мехового воротника; длинная, тоже суконная юбка, из-под которой видны большие

валенки. На голове толстый клетчатый платок, черный с синим, повязанный крест-накрест поверх пальто.

Она мне:

– Ты Валя? Дочка Марии Лазаревны?

– Да, а откуда ты знаешь?

– Так все уже знают, что к Марии Лазаревне приехали дочка и мама.

– А ты кто?

– А я Настя Мамыкина, из раскулаченных. Из Башкирии мы, живем вон в том бараке, – показывает куда-то вдаль, на бугры, из которых идут дымки. – Пойдем, покажу!

Это оказалось на расстоянии около ста или чуть более метров от основного поселка.

– А ты где учишься?

– Сейчас нигде, а вообще-то я в шестом классе.

– А здесь школа только до четвертого! Вот я в четвертом! А вон там, в клубе, наша школа!

– Как в клубе?

– Ну, у нас здесь две комнаты пристроили сбоку у клуба под школу. А в клубе кино показывают и даже концерты бывают.

Клуб выглядел издали как снежный бугор. Подошли. Там, вокруг тоже саманного, но повыше остальных барачков квадратного здания, хорошо очищенная от сне-га широкая полоса, и ступеньки снежные, широкие. На карнизе, под защитной аркой, на красном полотне белыми буквами выведен лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь!» Я прямо опешила! Конечно, Сталин – наш великий вождь, мы его все любим, но какая же здесь счастливая жизнь? Да и наверняка Сталин об этом ужасе просто ничего не знает. Ему почему-то об этом не говорят.

Я спрашиваю Настю:

– А из зоны заключенных в клуб пускают?

– Да. Их сюда иногда приводят кино смотреть. Но, конечно, под конвоем.

Сбоку выступает пристройка с крыльцом.

– Вот! Это наша школа!

Недалеко от клуба есть еще одно здание, повыше других.

И тоже вокруг все очищено от снега.

– Это управление лагерем.

Дальше все засыпано снегом, но чувствуется, что там что-то есть.

– Это зернохранилища и ток, где летом обрабатывают зерно.

Сейчас все под снегом.

За ними, тоже в ущельях, стоят разные строения. Настя показывает:

– Здесь мастерская по железу, здесь бочки делают, мой папа тут бондарем работает. А вон тут – кузница, а там дальше – землянки и бараки для раскулаченных.

Мы идем к бараку, где живет Настя. Спускаемся по снежной траншее к двери в торце длинного здания. Входим. В нос ударяет

запах кислой капусты и нечистот. Внутри сумрачно. Оконца маленькие. С двух сторон двухэтажные нары, затянутые разноцветными тряпками. Слышен детский плач.

– Вот и наша площадь, – говорит Настя, – у нас все же почище. Я живу со старшей сестрой и папой. А мама у нас умерла по дороге сюда.

Я в ужасе! Уж мы-то с бабушкой жили в проходной кухне, но чтобы такое?! Говорю Насте:

– Ладно, я пойду, а то меня бабушка ждет.

Мы вышли на свежий воздух. Попрощались. Я сама легко нашла свой барак. Я ведь иду домой, да, домой! К маме и к бабушке! Захожу.

– Ну вот, наконец! Я уже хотела идти искать!

Как вкусно пахнет борщом!

Я рассказываю бабушке про Настю, про бараки, вообще про все, что увидела и где была. Она переспрашивает про барак для раскулаченных.

– Ох, как же тяжело бывает людям! Вот думаешь, что у нас

совсем уж плохо, а как насмотришься кругом, то видишь, что не совсем мы такие уж и несчастные. Бывает и хуже.

– Но бывает и лучше!

– А ты не смотри, где лучше! Считай, что нам повезло. Мы сыты, и с мамой встретились. Здоровье у тебя идет на поправку.

– А папа?

– Да, с папой какая-то беда, но, может, и он найдется!

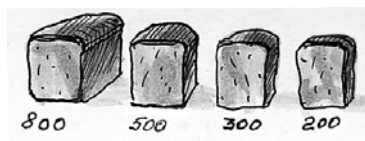
А вот и мама! Она, конечно, очень изменилась: худенькая и постарела сильно. Но с мороза кажется молодой. Я запомнила ее полноватой, кругленькой, уверенной в себе. А сейчас она совсем другая, а главное, глаза смотрят как-то грустно и тревожно, как у всех женщин-чесеировок здесь. Она входит и опять нас обнимает, целует. И очень хвалит бабушкин борщ! А бабушка опять сокрушается, что не привезла чеснок и лук: «Ну какой борщ без этого?» Мама говорит, что в это время года здесь очень плохо кормят. Все запасенные с осени продукты подходят к концу, а новые продукты привозят сюда только для охраны и начальства. Все остальные (вольнонаемные) должны сами себя прокармливать. Осенью еще очень много хлеба и овощей вывозят для государства.

А в зоне заключенных сейчас кормят вообще ужасно. Какая-то бурда из мелкой мороженой рыбешки, в которой плавает немного полугнилой картошки и чуть-чуть пшеницы. Здесь это называется

«баланда». Иногда, редко, бывает какая-нибудь разваренная до клейкости каша: овсянка, пшенная или еще что-нибудь, сваренное на воде, без молока. Вкус молока все уже забыли. Здесь есть стада и коров, и овец, есть даже птицеферма. Везде работают чесеировки, но никаких продуктов оттуда в зоне не бывает никогда. Хлеб выдают утром – пайку на целый день. Самая большая

пайка – 800 грамм. Ее дают на очень тяжелой работе при выполнении очень жесткой нормы. А большинство получают по 500 грамм, тоже с условием выполнения нормы, и если норма не выполняется, то пайку снижают

до 300 грамм и даже до 200. А это уже погибель.

– А сколько раз в день кормят?

– Два раза: утром и в обед.

– А вечером?

– Это уже сами что-нибудь варганят зимой, когда печь топится, а летом – всухомятку, у кого что есть. Все зависит от того, кому как помогают из дома. Пока не было переписки, все голодали и зависели только от пайки. Это было самое главное. А сейчас уже все по-разному. Люди здесь, как и везде, всякие. Кто помогает другим, кто – нет. Вот и мы, кто волею судьбы оказались в более привилегированных условиях, стали чувствовать себя не очень удобно. Мы стараемся как-то помочь тем, кто норму не выполняет по своим физическим ограниченным возможностям или по возрасту. Стараемся перевести их на более легкую работу или в больницу на время. А то беда, если кто-нибудь становится доходягой, то есть крайне истощенным, тогда выбраться из этого положения очень трудно, почти невозможно. Здесь, в этом лагере, начальники зверством не отличаются, но они подчиняются общему порядку в лагерях, да и сами боятся за себя. Самое трудное время – конец зимы и весна. Летом и осенью значительно лучше кормят. Это же сельхозлагерь. Все, кто работает летом на полях и на огородах, немного подкармливаются во время работы: грызут овощи сырые, жуют зерно.

– А как ты питалась после возвращения из Сибири?

– В столовой для ссыльных. Тоже не сахар, но несравнимо лучше, чем в зоне. Мне все же удавалось что-нибудь купить в

аулах по дороге в Акмолинск, когда я ездила за товаром или, наоборот, отправляла продукцию. А в Сибири, в ссылке, я вряд ли бы выжила.

У бабушки глаза опять на мокром месте. Мама пообедала и ушла на фабрику. Возвратилась совсем поздно. Уже привязали собак. И они громко лают и гремят цепями. Нам уже это не так страшно, но пока все-таки привыкнуть не можем.

Мы приехали 5 марта, а завтра, 7 марта, мама поведет меня в школу. Я там буду сидеть в четвертом классе вольнослушателем, чтобы совсем все не забыть. Учебный год у меня все равно уже пропал. И вот, до похода в школу в 8.30, как только мама ушла на работу в 6.30, я встала, быстро оделась и пошла посмотреть вокруг, на улицу. Собак уже отвязали и отвели в собачник.

Я вышла из траншеи, пошла по тропинке, потом вышла на более широкую колею. И вижу – прямо на меня движется по этой широкой дороге какая-то плотная масса людей длинной-длинной змеей, выползающей из светящейся двери вахты. Я успеваю отпрыгнуть на поперечную дорожку. Стою и смотрю.

Мимо меня сначала проходит кто-то в тулупе, в валенках, с ружьем за спиной. За ним, колонной по четыре человека, идут люди в серой стеганой одежде. Головы замотаны платками разными до самых глаз. Руки спереди сцеплены и засунуты в рукава бушлата. На ногах какие-то несуразные, стеганые не то бурки, не то валенки, большие, с какими-то толстыми подошвами. Я с ужасом вижу на всех лицах ярко накрашенные губы, как у клоунов. Двигутся не очень быстро, как будто им тяжело идти. Вот прошла одна большая колонна, сзади опять фигура в тулупе, шапке меховой, в валенках и с ружьем. За ними другая, такая же. Потом проехали сани. Их тянет не лошадь, а бык. На санях лопаты, много-много деревянных лопат. Я долго стояла, а потом убежала домой по поперечным дорожкам.

Прибегаю домой и рассказываю с ужасом бабушке. Она говорит, что, наверно, заключенных ведут на расчистку дорог или еще на какие-то работы. Это наверняка женщины, здесь мужчин-

зэков* мало, всего один барак, так мама говорила. И то они работают не на общих, а по специальностям, кто где. Да и губы накрашены, значит – женщины.

Пришла мама, чтобы отвести меня в школу. Я ей рассказываю, что увидела. Она подтвердила, что это женщин ведут на работу.

– А зачем они губы накрашили?

– Чтобы не отморозить их. Очень сильные здесь морозы, с ветром. Губы страшно болят после обморожения.

– А зачем так ярко?

– Какая есть помада, такой и мажут.

– А что, кроме помады, больше ничем нельзя?

– Можно! Лучше всего помогает топленое гусиное сало. Но где же его здесь взять? А помаду присылают некоторым женщинам родственники, и они делятся ею с другими.

Мы позавтракали и пошли в школу. У школы я опять посмотрела на лозунг на карнизе клуба. Мама заметила мой взгляд, но ничего не сказала.

Взошли на крыльцо, что сбоку у выступа от стены клуба, оттуда в комнату с печкой. К нам, улыбаясь, подходит высокая женщина лет пятидесяти, очень худая. Лицо бледное, внимательный взгляд черных глаз, полные губы. Она очень бедно одета. На ней телогрейка и простая серая юбка. На голове старый, весь в заштопках, вытершийся платок (видно, что раньше был пуховым), повязанный крест-накрест поверх телогрейки. На ногах толстые рабочие ботинки поверх белых шерстяных носков. Если бы я ее встретила на улице в Мариуполе, то подумала бы, что она нищенка. Мама очень приветливо с ней поздоровалась:

– Здравствуйте, дорогая Зинаида Наумовна! – а мне говорит:

– Вот это твоя теперь учительница.

– Здравствуй, Валечка, проходи, осмотрись.

Я удивляюсь все время: все знают, что я приехала, знают мое

* Зэк – аббревиатура от «заклученный каналoармеец»: так называли заключенных на строительстве Беломорканала, далее эта аббревиатура стала названием всех заключенных. Отсюда также, для женщин – зэчка. (Прим. ред.)

имя, очень тепло меня встречают. Входят постепенно все ученики. Вот и Настя появилась:

– А я уже с Валею подружилась, мы вместе гуляли вчера. Я осматриваюсь. Школа состоит из двух смежных комнат. У входа комната побольше, а из нее дверь в более маленькую. В первой комнате два длинных невысоких стола, один за другим. За каждым – по три ученика, сидящих на лавках. На стене обычная черная школьная доска. В соседней комнате один невысокий стол с двумя стульями за ним, и один учительский. И тоже доска. Сбоку два невысоких книжных шкафчика. В большой комнате у двери прибита вешалка для верхней одежды. Вот и вся школа с первого по четвертый класс. Учительница на всех – одна! Учатся в две смены. В первую – шесть четвероклассников в большой комнате, и одна девочка в первом классе – в маленькой комнате.

Во второй смене – пять второклассников в большой, и двое третьеклассников в маленькой комнате. Пока в одной комнате идет устный урок, в другой – письменная работа. Зинаида Наумовна управляется с этим очень организованно. Все получают прекрасную подготовку.

Мама оставила меня в школе и ушла на работу. Я села четвертой за второй стол. В четвертом классе шесть человек. Уже знакомая мне Настя Мамыкина, Зоя Короткая (очень на самом деле высокая девочка) из раскулаченных из Белоруссии, Сима Гаркавенко из семьи ссыльных, наш сосед Франек, Тамара Скворцова – дочь заместителя начальника лагеря, и Поля Полухина из семьи охранников. В маленькой комнате только одна девочка, ученица первого класса. Зовут ее Клара, ее отец тоже заместитель начальника лагеря (их там трое) – Юзипенко.

Первым уроком в четвертом классе было чтение. Проходили отрывок из поэмы «Мороз, Красный нос» Некрасова. Очень интересно было. Зинаида Наумовна распределила всем роли. И все участвовали с живостью. А сама она успевала заходить в соседнюю комнату, где у Клары был урок арифметики, она решала какие-то примеры. Это было понятно, потому что объяснения Зинаиды Наумовны звучали очень, очень громко. Потом мне Настя рассказала, что Клара совсем плохо слышит, и что Зинаида Наумовна научила ее говорить. И учится теперь она хорошо.

После уроков, дома, я рассказала все бабушке. А совсем поздно, когда мама пришла с работы, она добавила, что Зинаида Наумовна раньше была директором школы для одаренных детей в Москве. Но не той школы, где учились дети членов правительства, а другой, с интернатом, куда собирали самых талантливых детей со всего Советского Союза, разных национальностей.

– А почему она так бедно одета?

– На воле у нее никого не осталось. Дочь ее, постарше

тебя, – в детдоме. Да еще у нее очень щепетильный характер. Здесь у начальства можно чего-то добиться, если писать заявления с просьбами. А она этого делать принципиально не хочет, да просто и не может по своим убеждениям. Здесь очень разные люди. А Зинаида Наумовна – педагог удивительный. Она научила Клару Юзипенко говорить, так как у нее совсем плохой слух. Теперь эта девочка объясняется со всеми неплохо. Она способная. Зинаиде Наумовне все родители стараются помочь, подкармливают понемногу.

Принято трудное решение об отъезде

Завтра 8 марта. В зоне никакого праздника нет, но и день нерабочий, так как вся охрана и все, кто считается вольнонаемными, будут праздновать, поэтому конвоировать заключенных на работу некому. Вечером в клубе будут отмечать этот день. Приходить надо всем, кто живет в поселке, не в зоне. Не пойти – значит, не принять советский праздник! Мы тоже пойдем. Да нам и интересно все посмотреть! «А артисты будут?» – «Будут, будут! Да еще какие артисты!»

В пять часов вечера мы собираемся и идем в клуб. Мама говорит, что в клубе не очень тепло, поэтому все будут сидеть в верхней одежде. Входная дверь в клуб одна, но широкая. Входим в длинный вестибюль. Все стены его увешаны настоящими хорошими картинами – нарисованными, а не напечатанными.

– Кто это рисовал? – спрашиваю у мамы.

– Ну кто?! Все это сделали женщины из ЧСИР. Здесь много художниц, артисток, балерин, музыкантов. Есть и поэтессы, и писательницы. Да кого здесь только нет?!

На картинах больше всего изображены советские праздники. Есть натюрморты и пейзажи, много портретов вождей.

Из вестибюля две двери ведут в зал. Входим туда через заднюю дверь, что у входа в вестибюль. Впереди уже все места заняты. Там сидят начальник и его заместители со своими семьями. За ними охранники с детьми и женами. Потом много молодых военных, это ребята из военизированной охраны. Они здесь проходят службу в армии. Конечно, не все они здесь – многие несут охрану лагеря. По праздникам зону почему-то очень тщательно охраняют. А уж за охранниками сидят ссыльные всех мастей и национальностей. Все должны обязательно быть на торжестве, чтобы никто там, за клубом, не сотворил чего-нибудь против советской власти, – так нам намеками сказала мама.

Мы садимся на свободные три места с краю, недалеко от второй двери. На нас с любопытством смотрят со всех сторон. Тут все знакомы и все обо всех знают. Началось действие праздника! Сначала была торжественная часть, как она везде бывает. Какой-то солидный военный сделал доклад о празднике Восьмого марта. Потом награждали женщин-охранников. Вручали им какие-то грамоты и подарки. Они поднимались на сцену в военной форме, но в юбках, а не в брюках. Все они были молодые, лет тридцати-тридцати пяти, с простыми обветренными лицами. Человек десять наградили. Они что-то говорили, им хлопали, особенно впереди сидящие. Я не очень слушала, так как все время рассматривала всех и все. Небольшая сцена с темно-красным плюшевым занавесом. По бокам от сцены лозунги, такие обычные, как везде, что кино – это великий организатор, и т.д. А вот и началась художественная часть!

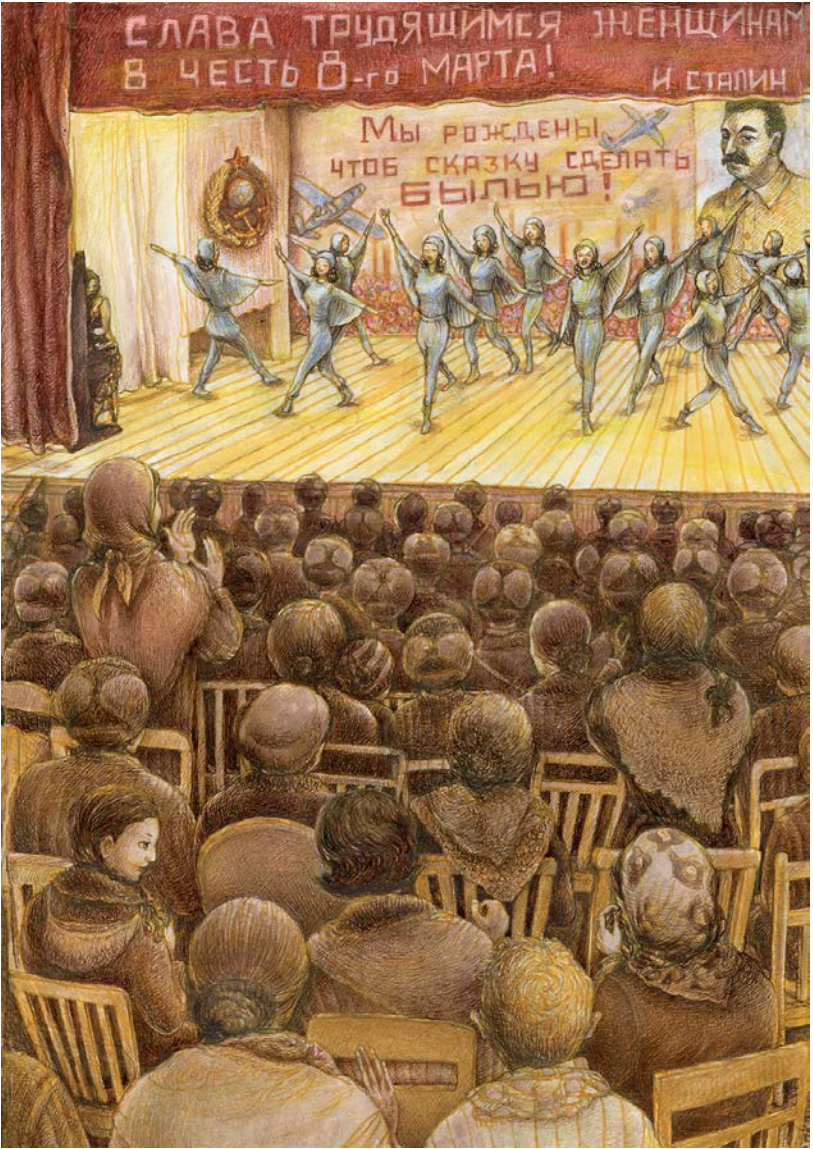
Первым выступил хор из военных. Спели песню о Сталине. Потом они же пели украинские песни. Пели хорошо, под аккомпанемент пианино, – играла какая-то женщина. После хора вышел гармонист. Ему вынесли табуретку. Он сел и заиграл. Выскочили на сцену двое молодых военных и лихо отбили чечетку. Все им очень хлопали. Это было начало. Следующим номером объявили «Марш летчиков». Под аккомпанемент пианино с прежней

пианисткой вышли из-за кулис с обеих сторон две шеренги по шесть женщин в каждой. Все женщины молодые и красивые. Все одеты были в обтягивающие костюмы вроде трико и свитеров, но сшитых из простой какой-то ткани голубовато-серебристого цвета. На головах такие же обтягивающие шапочки-шлемы спортивного типа. На ногах тоже матерчатые легкие сапожки. На спинах были приделаны какие-то крылья, переходящие в рукава. Когда они размахивали рукавами, то впечатление было, что они машут настоящими крыльями.

И вдруг прекрасными слаженными голосами они запели, не прекращая шествия по сцене: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор. Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца – пламенный мотор! Все выше, и выше, и выше...»

Это были эчки-чесеировки. Я ошеломленно на них смотрела, вспоминая вчерашнее их шествие с накрашенными губами. А сейчас они так бодро шагали и так красиво пели! Впереди нас люди в зале встали и хлопали им в такт песни. Я посмотрела на маму и бабушку. Мама постукивала в такт кулачком по спинке стула и, еле шевеля губами, повторяла: «Молодцы! Молодцы! Какие молодцы!» А бабушка наклонила голову и концом головного платка вытирала глаза. Женщин вызывали на «бис» несколько раз, и они снова и снова шагали и пели.

После них объявили, что следующим номером программы выступит Галина Оловейникова. Вышла очень красивая, одетая в длинное светлое элегантное платье женщина средних лет. Под аккомпанемент той же пианистки необыкновенно красивым голосом она исполнила несколько арий из разных опер. Ее тоже вызывали и вызывали на «бис». После нее довольно молодые, небольшого роста женщины исполнили «Танец маленьких лебедей» из балета «Лебединое озеро». Все это представление было на высшем

уровне. Исполнителями были тоже зэчки-чесеировки. Но вот концерт окончен. Все стали выходить из зала.

Я шла домой, держась за маму. Вот уже три с половиной года я нахожусь в каком-то спектакле. Сказка и быть все время в противоречии, хотя и то, и другое происходит в действительности, на моих глазах. Как будто все это

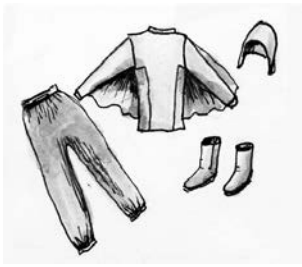
не настоящее, а понарошку. Мне очень трудно что-либо понять. Дома мы стали расспрашивать маму про ссыльных – почему они так плохо живут?

– Здесь две категории ссыльных. Те, что живут в бараках или в землянках, которые сами себе вырыли, – это раскулаченные из разных мест и республик. Этот лагерь построили раскулаченные. Потом почти всех их переселили в другие степные места, недалеко отсюда: поселки с номерами 27, 28 и 29. Они там тоже все построили. Здесь оставили лишь немногих хороших специалистов в чисто мужских профессиях. Все шофера – из раскулаченных. Бондарь, башкир, – отец Насти. Кузнецы – два брата и старший сын одного из них – поляки Шушкевичи. Прекрасный столяр-плотник Короткий – из Белоруссии. Он работает вместе со своей женой. Эта женщина преуспела в этой мужской профессии. Они, кроме всех здесь плотницких работ, еще и мебель начальству мастерят. Живут они уже не в бараке. Им комнату дали. Еще есть трактористы, токари и другие специалисты, которые научили этим работам наших женщин из ЧСИР.

– А еще здесь в ссылке есть несколько семей из интеллигенции. Вот наши соседи-поляки – ученые-селекционеры. Есть здесь

семья Гаркавенко из Украины. Он очень хороший специалист, прошел по какому-то громкому делу о вредительстве. В зоне – шесть с половиной тысяч женщин сидят за своих мужей, «врагов народа». Среди них очень много прекрасных специалистов во всех областях. Если бы вы видели, какое здесь сейчас отлично организованное, орошаемое сельское хозяйство. Ведь нас сюда привезли в голую степь на верную гибель. Поэтому и без переписки.

– Но ведь почти у всех остались дети, о которых мы ничего не знали. И женщины из последних сил старались выжить и найти своих детей. Сначала все думали, что где-то там, «наверху», разберутся и всех отпустят, так как было понятно, что всех посадили по ошибке. Но пока есть то, что есть! Вот вы удивляетесь, что они поют и шагают. Так ведь надо держаться как-то! У всех надежда на встречу с детьми. Особенно после того, как разрешили переписку. Но некоторые получили извещения о том, что их дети пяти лет и младше умерли в детских домах. И странно, что все они умерли от одной болезни – скарлатины. Ходят слухи, что им изменили имена и фамилии, а они живы. Ну представьте себе, что эти женщины, которые сегодня выступали, отказались бы от участия в концерте. Изменилось бы лишь отношение к ним и их детям со стороны начальства в худшую сторону, а также ко всем ЧСИР. А так – пусть похлопают! Есть вещи принципиальные, на которые идти нельзя: доносы, предательство и т.д. Но общее устройство нам здесь не изменить. Значит, надо искать пути, чтобы облегчать участь женщин там, где мы в силах это сделать. На фабрике сейчас работают более полутора тысяч человек. Уже и швейно-вышивальное производство налажено. Сначала мы шили только одежду для эков, и мужскую, и женскую – для всего КАРЛАГа. А в КАРЛАГе двадцать пять отделений, и наше – не самое большое, но одно из крупных. Чисто

женский лагерь только один, вот этот. А теперь мы выпускаем еще и чудесные вышитые изделия. У нас очень много хороших вышивальщиц разных национальностей. Художниц тоже много. Вот и создаются прекрасные вышивки по прекрасным рисункам.

– Мама, а кто сшил такие красивые костюмы для женщин, что пели «Марш летчиков»? И из такой красивой материи!

– Шили на фабрике по распоряжению начальства. А материал этот – оберточный! Нам присылают из-за границы очень хорошие материалы, нитки мулине, иголки тонкие и прочные, и многое другое. Все это мы получаем в прекрасной упаковке: что-то в ящиках и коробках, а материю – в мягкой упаковочной ткани, а сверху еще обтянутой непромокаемым каким-то материалом. Ведь это все очень дорого, но наши изделия во много раз окупают эти затраты. Так вот, из упаковочной ткани, подкрашенной нашими умельцами-химиками, мы и сшили эти костюмы. И детям-школьникам к праздничным выступлениям тоже мы шьем костюмы.

– Но это все мелочи по сравнению с основной продукцией. Мы ведь выпускаем чудесное белье, вышитое очень мастерски, скатерти, шторы, женские платья и мужские рубашки с русской, украинской, белорусской и восточной вышивкой. Очень много вышивается у нас художественных работ, есть такие виртуозы, что вышивают портреты вождей! Все это мы отправляем в Москву, а уж там без нас распределяют! Сейчас на фабрике работает лаборатория для создания рисунков, а также для вышивания портретов.

– Мама, а можно все это посмотреть?

– Я попробую договориться, но не уверена, что мне разрешат тебя провести на фабрику. С этим тут очень строго. В полную силу фабрика вошла лишь недавно. Ведь меня взяли в ссылку в Сибирь,

по этапу, без ведома местного начальства, по приказу откуда-то сверху, после снятия Ежова. А потом, почти через год, вернули сюда обратно по просьбе здешнего начальства, так как фабрика стала разваливаться. Я обо всем этом узнала только тогда, когда вернулась сюда обратно. Если бы не это, то вряд ли мне удалось бы выжить в Красноярской ссылке. Там, в ссылке, очень многие умирали от голода.

– А зачем тебе надо было так много галош?

– Да не мне. Мне они вообще не нужны были. Ты, Валечка, рассказала мне про Аллу Левину, что с тобой была в детприемнике, а ее мама, Женя, здесь все время работала и работает сейчас на общих работах. На фабрику она отказалась идти, потому что у нее проблема с одним глазом, и для нее очень важен свежий воздух. Она здоровая, ловкая и решила работать на общих. Норму ей выполнять было по силам, но нужна была более прочная обувь. Вот я для нее и еще для нескольких просила у вас галоши. Вы уж меня простите. Ей ведь некому помогать, так как родственники от них отказались, а дочка Алла в детдоме. А женщины на общих работах трудятся здесь в обуви, которую шьют тоже на фабрике. Это стеганые «чуни» с подошвой из веревок. Очень быстро эта ужасная обувь облипается снегом и становится неподъемной. Ты же сама видела эти «слоновые ноги».

Разговорам нашим не было конца. Мама рассказала, что о Бореньке, братике Таси из Мариуполя, их мама (она тоже здесь, в лагере) получила извещение, что он умер от скарлатины. Я расплакалась.

Здесь у нас тоже появились неприятности. Маме удалось договориться, что бабушка может пожить здесь только месяц, но время летит так быстро, и подходит срок ее отъезда. И с большим трудом маме удалось добиться разрешения еще на один месяц. Но строго предупредили, что если она не уедет в этот срок, то ее отправят в Мариуполь этапом. И теперь мы ломаем головы, как

нам быть. Ведь мне к сентябрю тоже надо уезжать. Одну меня отпустить в такой дальний путь опасно. А у бабушки ехать за мной опять сюда из Мариуполя и везти меня туда – нет ни сил, ни денег.

Здесь меня на довольствие поставили, а ее – нет. Все продукты выдают по спискам и по рангам в поселковом ларьке. Очень необычный ларек. Это маленький магазинчик, где продается все, что угодно, по довольно низким ценам. Но для разных покупателей и продукты, и цены – разные. Для сотрудников НКВД очень хорошие продукты и товары всякие тоже хорошего качества. Охранники и их семьи снабжаются отдельно в своем складе для ВОХР. Для них товары чуть похуже, но лучше, чем в городах на воле. А для ссыльных все по определенным нормам: хлеб, спички, мыло, иногда крупы, бывает сахар и чай, молоко только для больных и детей. И обязательно махорка в пачках и поллитра водки на каждого в месяц, независимо от возраста, пола и того, пьющие это люди или нет. Это всем надо, так как махорка и водка – это здешние деньги. Ими расплачиваются за всякие услуги по починке чего-либо и в аулах за продукты.

Все выдают по спискам, но никаких карточек или удостоверений нет. Здесь всех знают в лицо. Все остальное, чего нет в ларьке, мы меняем в аулах на чай. Так вот! Бабушки ни в каких списках нет, а запасы чая тают на глазах. Денег у нас мало, так как мама хоть и директор фабрики, но зарплата у нее очень небольшая, как у ссыльной. Если бабушка уедет, то маме просто некогда будет возиться с приготовлением еды для меня, потому что она уходит из дома очень рано, а возвращается очень поздно. Лишь забегают в обед покушать. Придется нам питаться в столовой для ссыльных, а это значит – очень скудная еда, сейчас особенно. Я, конечно, говорю, что буду готовить сама. А бабушка спрашивает: «Из чего?» Мама настаивает, чтобы я осталась, а мы с бабушкой колеблемся. Решили, что окончательно разберемся с этим после посещения врача.

И вот мы опять у Рахели Гольдберг. Она с радостью и с удивлением говорит, что я совершенно здорова, что ничего плохого она у меня в легких не прослушивает, конечно, надо бы сделать рентген, но его здесь нет. И в очень хорошем настроении мы идем на экскурсию по маминной фабрике. Маме разрешили меня провести туда, а бабушку – нет, так как у нее нет разрешения из центра лагеря. Ее даже в баню на зоне не пускают. В зоне, кроме проходной в нее, есть еще одна проходная – на фабрику, тоже огороженную колючей проволокой, но в один ряд. Пропуска подписывают начальник лагеря или его заместители, и обязательно еще начальник третьей (секретной) части. Это самый грозный и опасный человек в лагере: НКВД над НКВД. От него зависит судьба не только эков и ссыльных, но и всей охраны и начальников.

Фабрика – кирпичное одноэтажное здание, но значительно выше бараков, довольно большое. На фабрике три отделения. В центре – самое крупное, швейное, где шьют одежду для эков. С двух сторон от него еще два, с отдельными входами. Справа – швейно-вышивальное, а слева – вязальное, где прядут остатки ваты, вяжут варежки, шапки и носки из отходов основного производства. В основном здесь работают пожилые люди и инвалиды.

Мы идем в швейно-вышивальное отделение, где за столами с пальцами сидят женщины. Много женщин. Все вышивают. Здесь большие окна, много света. Я привлекла внимание всех, женщины даже перестали вышивать. Мама быстро провела меня по цеху в лабораторию, тоже очень светлую, но поменьше немного, чем цех. С одной стороны, подальше от окон, сидели несколько женщин-художниц за мольбертами. Они что-то рисовали на бумаге. А рядом, за столами, другие переводили рисунки разных размеров на материал через обычную копировальную бумагу. Ближе к окнам сидели вышивальщицы. Здесь создавали образцы всех изделий. А в цеху по ним уже вышивали чудесные изделия. Мама показала мне готовые мужские рубашки, вышитые по-разному: русские косоворотки, нарядные рубашки с отложным воротником. Узоры разных национальностей выглядели очень красиво, нарядно

и были выполнены необыкновенно мастерски.

Там еще были батистовые женские нижние комбинации, тоже вышитые гладью, ришелье и другими какими-то швами, которые я видела в первый раз. А от скатертей, покрывал, портьер и просто декоративных вышивок невозможно было оторвать взгляд! А потом мы прошли в еще меньшую комнату, всю залитую светом. Там на больших мольбертах-пяльцах вышивали портреты. Невозможно это описать, это надо видеть! Почти уже закончены были портреты Сталина, Ворошилова и Энгельса. Мне показалось даже, что вышитые портреты выглядят лучше нарисованных, с которых их копировали. Ничего подобного мне больше видеть не привелось. Экскурсия эта была недолгая. Мама проводила меня через вахту, сама поспешила обратно на фабрику, а я – к бабушке. Обрадовала ее тем, что теперь я здорова, и стала ей рассказывать обо всем, что увидела на фабрике.

Когда пришла мама с работы, мы все вместе приняли окончательное решение, что я и бабушка все-таки поедем вместе в Мариуполь. Ведь маме осталось отбыть в ссылку чуть больше года, и она придет к нам. Тем более, что я здорова. Очень тяжело было нам принять такое решение. Ведь, прожив здесь два месяца, мы поняли, что при всем вроде бы внешнем уважении к маме со стороны начальства и окружающих, она здесь просто ссыльная, без всяких прав. Она нужна лагерному начальству, чтобы выполнять план, от которого зависят судьбы всех этих начальников. И все эти женщины, что вроде бы занимают какие-то руководящие должности, совершенно бесправны. Пока они нужны, но в случае чего их запросто отправят на этап или еще что-нибудь сделают, если посчитают, что так надо. Очень трудно было нам расставаться с мамой, получалось, что мы ее оставляли одну в беде.

Перед самым отъездом, 22 апреля, в день рождения Ленина, в клубе был опять концерт. В этот раз и я, вместе со всеми детьми из школы, попала в артисты. Всем сшили на фабрике костюмы разных национальностей. У меня, у Симы Гаркавенко и Тома Скворцовой – украинские. Мы будем танцевать гопак! Я и Сима

– дивчины, а Тома – хлопец, так как у нее хорошо получается присядка. Концерт прошел успешно, мама и бабушка сидели в зале и хлопали, радуясь за меня. Праздник закончился, и мы уезжаем! вали в национальных костюмах прямо на сцене клуба! Вообще-то здесь фотографировать запрещено, но вот детей по случаю праздника – разрешили.

И эта фотография до сих пор напоминает мне этот страшный для нас период, во время которого случались и приятные события. И кроме того, она является свидетельством той жизни.

ЭПИЛОГ

Мы с бабушкой вернулись в Мариуполь, и скоро началась война. Бабушка всегда говорила, что во время беды семья должна быть вместе. А война – всегда беда. Поэтому она сразу пошла в Горком партии города с просьбой об эвакуации. Ее обвинили в раздувании паники и велели спокойно ждать скорой победы над фашистами. Но бабушка не послушалась, и мы стали собираться в обратный путь к маме, в Акмолинск. В июле мы уже были там и жили на съемной квартире как эвакуированные. К маме в поселок не разрешали ехать. К нам скоро присоединились родные сестры папы, Лиза и Аня, со своими сыновьями Вовой и Леней, и моей второй бабушкой Малкой из Харькова. А потом к нам приехала из Москвы лучшая подруга мамы, тетя Женя с дочкой Октябриной. И мы все вместе прожили целый год в одной комнате, и были очень рады этому. Через год я уехала в Долинку, в школу-интернат в центре КАРЛАГа, где работали очень хорошие учителя, все – бывшие заключенные по статье 58. В 1946 году я уехала в Москву и поступила в Станкостроительный институт. Моя бабушка, Зельда Шлемовна Анцис, умерла в Казахстане, в Акмолинске, в 1947 году. В 1948 г. я вышла замуж за сокурсника, бывшего фронтовика, Бориса Шевченко. После окончания института мы были распределены на крупный станкостроительный завод в город Коломна, где и проработали всю жизнь. После смерти Сталина и реабилитации к нам из ссылки приехала моя мама, Мариам Лазаревна Анцис. Мама умерла в 1984 г., мой муж – в 1998-м. А мы с детьми и внуками репатриировались в Израиль в 1999 г. В Израиле я восстановила свои разрозненные воспоминания, так как считаю опубликование их своим долгом, своими свидетельскими показаниями.

Мои родители (посмертно) были полностью официально реабилитированы "за отсутствием состава преступления" в 1956 году, а папа – посмертно. Но до реабилитации моя мама не верила в смерть своего мужа, Завеля Иосифовича Муллера, и посылала запросы в многочисленные инстанции. Пришло несколько извещений о его смерти из разных лагерей, причем причиной смерти указывались то "разрыв сердца", то "инфекция", то

"туберкулез". Но только в 1989 г., уже после смерти мамы, мне официально сообщили о его расстреле в декабре 1937 г. как участника 17 съезда Партии, на котором чуть-чуть не выбрали Генсеком Кирова вместо Сталина. Всех свидетелей своего позора Сталин впоследствии уничтожил по придуманным им обвинениям в измене Родине.

Я считаю своим долгом опубликовать список детей – ЧСИР, которых я лично знала, а о некоторых из них написала в этой книге:

1. **Валечка** (2 года) из детприемника г. Мариуполя. Умерла от тоски и горя через несколько дней после ареста, но ее мама, находящаяся в АЛЖИРе (Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины), получила извещение о смерти дочки от скарлатины.
2. **Тася** (10 лет) и **Боря** (4,5 лет) из Мариуполя. Их разделили и отправили в разные детдома. Тася выжила, а извещение о смерти Бореньки тоже от скарлатины их мама получила в лагере АЛЖИР.
3. **Толя** (15 лет) из Мариуполя. Об этом очень хорошем и мужественном мальчике я никогда ни от кого ничего больше не слышала.
4. **Алла Левина** (15 лет) из Мариуполя. Она выжила, закончила школу, училась в институте. О ней мне рассказывали многие.
5. **Тавровские Владимир** (16 лет) и **Павлик** (4 года) из Харькова. Владимир после ранения на фронте приехал к маме в Поселок 26, где закончил школу в Долинке. К тому времени их мама получила извещение о смерти Павлика от скарлатины.
6. **Зоря Кожзахметова (Сауле Асылбаева)** – (10 лет) из Алматы. Она выжила в детдоме и ее даже привезли в поселок к "освободившейся", совсем ослепшей маме, но они разминулись, и Зоренька прожила в нашей семье целый год. Потом за ней приехала ее мама после удачно сделанной операции на глазах и забрала дочку с собой. Мы

очень привязались к этой славной, умной и доброй девочке. Она вместе со мной училась в школе в Долинке на одни "пятерки". Через много лет она нашла меня, и мы с ней долго переписывались.

7. **Леночка Смоликова-Шафаренко** (4 года). Она осталась с бабушкой после ареста родителей в Витебске. После оккупации, когда немцы отступали, они погнали жителей за собой, как заслон от Красной Армии. Среди угнанных жителей оказались бабушка, ее младший сын 14 лет и внука Леночка. Все вместе они дошли до Берлина, где в ужасно тяжелых условиях продержались до Победы. Но тут случайной пулей была убита бабушка, дети остались одни. Старший мальчик, пройдя невероятные испытания, все-таки каким-то чудом добрался до Акмолинска, а затем и до лагеря АЛЖИР, и передал Леночку ее маме (а его сестре) – Надежде Смоликовой. Детям разрешили остаться с ней, они учились в школе в Долинке. Лена была больна туберкулезом, но ее вылечила замечательный врач Рахель Гольдберг, сделав ей сложную операцию.
8. **Нелли и Юра Ясвойн** (10 и 13лет) из Ленинграда, дети Фриды Ясвойн. Их отец был директором Ленинградского лампового завода "Светлана". Юра попал в лагерь, а потом в штрафбат, где и погиб. Нелли пережила блокаду, ее чудом спасли потом в госпитале. Летом 1944 г. она в одном платье, босиком, добралась до мамы, которая отбывала ссылку в АЛЖИРе. Нелли училась в школе в Долинке.
9. **Клара и Суниат** (8 и 10 лет) из Казахстана, дети Шахтай Тотимовой, выжили в детдоме и были привезены к ней в лагерь, когда ее "освободили" в ссыльные. Учились в Долинке.
10. Братья-близнецы **Владимир и Феликс Патруновы** выжили в детдоме, приехали к маме в лагерь, учились в школе-интернате в Долинке.
11. **Гарик Острин** (6 лет) после ареста родителей в 1937 г. жил в Одессе с бабушкой и дедушкой. Когда в 1941 г.

фашисты заняли Одессу и повели евреев на расстрел, его дедушка вытолкнул внука из колонны и тем спас его. Ггарик убежал, скитался, бродяжничал, чудом перешел фронт, и стал добираться до Акмолинска. Он знал адрес лагеря, где сидела его мама. В 1943 г. он добрался до мамы, которая к тому времени уже была ссыльной, и ему разрешили остаться с ней. Он учился в школе в Долинке. Потом стал артистом Ленинградского театра.

12. **Юлий Ланкин** приехал к маме из детдома в 1943 г. В детдоме были очень тяжелые условия, он болел и плохо рос. Он очень хотел на фронт, и добился этого. По пути на фронт, в поезде, он погиб при невыясненных обстоятельствах.
13. **Ира Дегтярева** приехала к ссыльной маме в 1943 г., училась со мной в одном классе в Долинке.
14. **Юля Шик** приехала к ссыльной маме в 1943 г., училась со мной в школе в Долинке.
15. Сын **Елизаветы Шор** выжил в детдоме Осакаровка, потом они вместе с мамой жили в Акмолинске.
16. **Костя, Искра и Майя Шубриковы** попали в один детдом, но с очень плохими условиями. Младшая Майя умерла там, Костя сбежал, бродяжничал, попал в лагерь, оттуда в штрафбат на фронт, где был тяжело ранен. Искра выжила, разыскала его в госпитале и привезла в лагерь к ссыльной маме. Из Акмолинска она везла его на санках 45 км до Поселка 26, в жгучий мороз. Казахи в аулах пускали их на ночлег и кормили без всякой платы. Они всю жизнь прожили в этом поселке, и благодаря их усилиям в 1989 г. там был поставлен памятный знак женщинам, ЧСИРовкам, сидевшим в АЛЖИРе.
17. **Галя Добродеева** приехала к ссыльной маме в 1943 г., училась в школе в Долинке.
18. **Юра Базжин**. Его мама работала в лагере инженером-гидравликом на плотине, сначала будучи заключенной, а затем ссыльной. Юра жил в Москве и учился в институте.

Он приезжал к маме в поселок, и мы были знакомы. В 1947 г. в аудиторию Московского СТАНКИНа, где я тогда училась, вдруг вошел Юра со своей женой Машей. Их перевели в наш институт из-за биографии Юры. Это было удивительное совпадение! Но в 1951 г. Юру арестовали как сына "врагов народа" и сослали в Новосибирскую область на поселение. Он вернулся в Москву после смерти Сталина с подорванным здоровьем и очень рано умер.

19. **Ира Шадрина** попала в один детдом с детьми Шубриковыми, но выжила. Ее мама тоже сидела и отбывала ссылку в АЛЖИРе. Она была на открытии памятника в 1989 году в Малиновке (бывшем Поселке 26).
20. **Ленина Товаровская** училась в Таллине в Университете, но на 5 курсе, перед Госэкзаменом, ее арестовали и отправили на поселение в Новосибирскую область, где она и бывший там Юра Базжин организовали "общество детей врагов народа". Ее мама была заключенной ЧСИРовкой в Поселке 26.
21. **Валя** (10 лет) приехала к ссыльной маме в Поселок 26 в 1943 г. и училась со мной в школе в Долинке. Она брала хлеб во время обеда с собой и прятала его в рукав. Потом, тайком откусывала от него. Причиной такого поведения был ее детдом, где у младших хлеб отбирали старшие. Потом это, конечно, прошло. К сожалению, я не помню ее фамилию.
22. **Толя и Слава Кокорины** были в разных детдомах, но выжили и приехали к ссыльной маме в Поселок 26. Они учились в школе в Долинке. Толя учился очень хорошо, а Славе не повезло – он попал в ужасный "специальный" детдом, откуда сразу убежал, бродяжничал, "сидел", воевал в штрафбате и все это время не учился. Пытался закончить школу в Долинке, но не хватило силы воли.

23. **Полиночка Барз** (3 года) умерла в детдоме в Осакаровке. Ее мама, Рива Барг (подруга юности моей мамы) получила извещение о смерти дочки от скарлатины. Рива тоже отбывала срок в АЛЖИРе как ЧСИРовка. Ее сын погиб на фронте, в штрафбате.
24. У **Галины Ивановны Руденко**, которая была агрономом в лагере, (тоже ЧСИРовка) на фронте в штрафбате погибли два сына.
25. **Вере Полетиной** во время ареста родителей было 16 лет, поэтому ее арестовали и отправили вместе с мамой в один лагерь, где она и отбыла свой срок ЧСИРовки на "полную катушку" до смерти Сталина.
26. **Люся Иванова** – дочь секретаря Горкома партии г. Сталино. Сидела вместе с мамой, т.к. ей исполнилось 16 лет.
27. **Нина Енукидзе** – дочь директора Монетного Двора, племянница того самого Енукидзе, что был другом и сподвижником Сталина, а потом был им расстрелян. Сталин посадил всех его родственников. Нине было на момент ареста 16 лет, и поэтому она отсидела по полной программе вместе со своей мамой как ЧСИРовка.

В этом списке только те дети, которых я лично знала и чьи имена запомнила. У нас, "детей врагов народа" были разные судьбы, но нас объединяли следующие обстоятельства:

1. После ареста родителей почти все попали в детдома. Некоторых смогли взять родственники (очень немногих).
2. После ареста отцов арестовали матерей, и без суда и следствия, без предъявления обвинений приговорили их к 5 – 8 годам строгого режима в Акмолинском Лагере Жен Изменников Родины (АЛЖИР) или в еще одном таком же специальном лагере, плюс пожизненная ссылка. Т.е. причиной ареста женщин был только тот факт, что они были женами осужденных мужей.
3. Все отцы этих детей и все мужья этих женщин исчезли, пропали с формулировкой приговора "10 лет без права

переписки". На самом деле их просто расстреляли в день приговора как "изменников Родины", перед приговором месяцами подвергая издевательствам и пыткам, вынуждая подписывать дикие вымышленные приговоры самим себе. Когда жен везли этапом в лагерь, их мужья уже были расстреляны.

Таким образом Сталин пытался уничтожить память о своих преступлениях в последующих поколениях. Наверное, думал, что будет жить вечно, и успеет уничтожить не только детей, но и внуков. Акция уничтожения бывших соратников и депортация их жен были тщательно продуманы и организованы. Распределение детей по детдомам было так же пунктуально задумано и осуществлено. Причина этого преступления, по-моему, кроется в сосредоточении власти в одних руках, в обожествлении этой власти и как следствие – в полной безнаказанности этой же власти.

Поэтому я решила написать обо всем, что запомнила во время этих событий. Вернее, о том, чего не смогла забыть. Ведь забвение – это гарантия повторения преступлений, но мы не можем этого допустить. Всеми силами нужно добиваться признания геноцида на территории СССР со стороны правящей власти во время строительства "развитого социализма" и назвать вещи своими именами, так же как это произошло с фашизмом. Мои воспоминания считаю свидетельскими показаниями. Я также хочу предупредить людей от ошибок моего и старшего поколений: не будьте жертвами утопического мышления, старайтесь думать самостоятельно и чаще задумывайтесь о причинах тех или иных судьбоносных событий.

Валентина Муллер (Шевченко)

Родители Вали - Мариам (первая слева) и Завель (первый справа) – с друзьями. Харьков, 1923 г.

Бабушка Зельда и мама Мариам. Харьков, 1927 г.

Валя с бабушкой после детдома. 1940 г.

Фото, сделанное после концерта детей сотрудников и заключенных акмолинского лагеря. 22 апр. 1941 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Хороша страна моя родная.....	(5)
2. Где же ты, папа?.....	(7)
3. Арест. Детприемник в Мариуполе	(17)
4. Детприемник в г. Сталино	(29)
5. Снова дорога. Детдом	(32)
6. Долгожданная встреча с бабушкой	(47)
7. Дома. Как жить дальше?	(55)
8. Друзья по несчастью	(59)
9. Возвращение партбилета	(68)
10. Новые соседи. Неожиданный визит	(70)
11. Новый год – с елкой	(79)
12. Бабушкины рассказы. Узнаю историю семьи	(84)
13. Четвертый класс. Первые экзамены.....	(88)
14. Пятый класс: новые проблемы	(94)
15. Финская война. Посылка от мамы	(99)
16. Демонстрация 1 Мая 1940. Болезнь. Санаторий	(105)
17. Путь к маме (25.2.1941 г.).....	(120)
18. Акмолинск. Долгожданная встреча	(128)
19. Знакомство с зоной. Потрясение.....	(136)
20. «Спасибо родному Сталину за нашу счастливую жизнь!»	(144)
21. Принято трудное решение об отъезде	(159)
Эпилог	(171)